

БИОЛОГИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Сценарий

Энни Якобсен

«Война приходит к людям — к каждому по отдельности. Вот, собственно, и всё, что я могу сказать...»

— Марта Геллхорн

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА

Биологическая война запрещена международным правом. Биологическое оружие запрещено. И всё же оно существует. Среди существующих биологических вооружений есть и генетически модифицированные патогены, специально сконструированные для чрезвычайно высокой вирулентности и передачи от человека к человеку. Это оружие с высокой летальностью, против которого нет известного лечения.

Применение такого биологического оружия способно вызвать глобальную пандемию, массовую гибель людей, распад общественного порядка, повсеместные мятежи и анархию, оставив после себя опустошённый эпидемией мир, уже мало похожий на современную цивилизацию. Все, кто профессионально занимается предотвращением биологической войны, понимают, что такая угроза вполне реальна.

«Как и в случае с ядерной войной, от крупномасштабной биологической атаки практически невозможно защитить страну. Можно лишь попытаться уменьшить масштабы уничтожения», — говорит доктор Томас Эрхард, полковник ВВС США в отставке. Эрхард служил военным помощником Эндрю У. Маршалла — легендарного руководителя Управления комплексных оценок при аппарате министра обороны США. Там он возглавлял группу, которая разрабатывала и проводила военные игры, моделировавшие крупномасштабные ядерные и биологические удары.

Более ста лет назад международное сообщество запретило применение биологического оружия Женевским протоколом 1925 года. Однако уже ко Второй мировой войне сразу несколько государств развернули масштабные программы создания биологического оружия. Среди них были Соединённые Штаты, Советский Союз, нацистская Германия и императорская Япония. После войны работы в этой области по всему миру продолжались практически без перерыва — несмотря на то, что к тому времени наука уже ясно показывала: применение биологического оружия способно вызвать неуправляемую пандемию с глобальной смертностью, невиданной со времён Чёрной смерти, уничтожившей, по оценкам, от трети до половины населения средневековой Европы.

А затем, в ноябре 1969 года, почти без предварительных сигналов президент Ричард Никсон объявил об отказе Соединённых Штатов от программы биологического оружия. Это решение привело к заключению в 1972 году Конвенции о биологическом оружии — КБО, международного договора, запрещающего разработку, производство, приобретение, передачу, накопление и применение биологических и токсинных вооружений.

В преамбуле Конвенции биологическое оружие названо «отвратительным для совести человечества».

И всё же в договоре была — и остаётся — одна принципиальная проблема. Лазейка, которая ставит под угрозу всех нас. Конвенция допускает проведение «оборонительных» исследований в области биологии. Это означает, что учёные могут работать с теми же самыми патогенами, которые потенциально способны использоваться в биологической войне, при условии, что исследования заявлены как проводимые «в профилактических, защитных или иных мирных целях». Иными

словами, исследования, по существу связанные с созданием наступательного биологического потенциала, могут быть представлены как оборонительные.

«В договоре нет действенных механизмов принуждения к соблюдению», — говорит бывший помощник государственного секретаря Мэллори Стюарт.

В основе Конвенции лежит достойный принцип. Но в вопросе соблюдения она во многом остаётся системой, основанной на надежде: подписали договор — и остаётся лишь скрестить пальцы. Конвенцию о биологическом оружии уже нарушали в прошлом. Во второй половине холодной войны Советский Союз, подписав договор, тайно и незаконно продолжал разрабатывать и накапливать огромные арсеналы биологического оружия, включая генетически модифицированные патогены. И это лишь один исторический пример. Грубые нарушения и подозрения в нарушениях сохраняются и сегодня. В докладе Государственного департамента США о соблюдении международных соглашений за 2025 год утверждается, что Россия и Северная Корея по-прежнему располагают «наступательными программами биологического оружия», нарушающие Конвенцию, тогда как биологические исследования и деятельность Китая и Ирана вызывают вопросы, на которые с точки зрения соблюдения договорных обязательств до сих пор нет удовлетворительного ответа. Особую обеспокоенность вызывает Россия.

«Соединённые Штаты исходят из того, что советская программа была не ликвидирована, а унаследована Российской Федерацией, — говорит специальный представитель Госдепартамента США при Конвенции о биологическом оружии Кеннет Д. Уорд, — и с тех пор эта программа продолжала существовать и развиваться в нарушение статей I и II КБО».

Зловещая сущность биологической войны заключается не только в способности вызывать массовую гибель людей. Её особая опасность в другом: она способна породить неконтролируемый хаос. В документах Министерства обороны США предупреждается, что широкомасштабное распространение биологического агента — даже случайное — не просто приведёт к гибели миллионов людей, но начнёт разрушать саму ткань общества. «К числу вторичных последствий... относится и вероятность масштабных общественных волнений, вызванных страхом перед заражением».

«Доверие рухнет, — говорит доктор Эрхард. — Властвовать будет страх. Грань между порядком и анархией очень тонка».

Сценарий, который следует далее, — хроника первых часов, дней и недель после того, как в человеческую среду будет выпущено генетически модифицированное биологическое оружие, — основан на фактах и прогнозах, полученных в ходе эксклюзивных бесед с советниками президента, сотрудниками Министерства обороны, врачами, микробиологами, эпидемиологами, дипломатами, членами Конгресса, офицерами ЦРУ, занимающимися противодействием оружию массового поражения, представителями Федерального агентства по чрезвычайным ситуациям и сотрудниками экстренных служб, которые проходят специальную подготовку на случай биологических атак и происшествий с массовыми жертвами.

Финал этого сценария — антиутопия.

И он перекликается со сценариями биологической войны, которые моделирует Пентагон.

«В отличие от ядерной войны, — говорит бывший лидер большинства в Сенате Том Дэшл, — результатом крупной биологической атаки станет долгая, мучительная, медленная смерть». Дэшл — один из двух американских сенаторов, чьи офисы стали объектами биологической атаки в октябре 2001 года. «Смерть физическая. Смерть государства. Смерть практически во всех смыслах, — предупреждает он. — Биологическая война... станет настоящим кошмаром. Люди будут совершать бесчеловечные поступки лишь ради того, чтобы выжить».

Именно на подобных предупреждениях строится книга «Биологическая война: сценарий».

Смертоносный патоген, генетически модифицированный так, чтобы передаваться от человека к человеку, обладать чрезвычайно высокой вирулентностью, преодолевать существующие средства защиты и не иметь известного лечения, может стать последним изобретением человечества в XXI веке.

ПРОЛОГ

Дьявольский микроб

Четвёртый день сценария

Франкфурт, Германия

Американский путешественник — во Франкфурте, в переполненном ночном клубе. Он не подозревает, что несколько дней назад заразился чрезвычайно опасным, генетически модифицированным биологическим оружием, созданным для того, чтобы убивать людей самым мучительным образом. Болезнь пока в инкубационном периоде: бактерии уже присутствуют в организме и стремительно размножаются, но выраженных симптомов ещё нет.

Он чувствует себя великолепно.

Хотя совершенно не должен.

В его теле бешеными темпами размножается *Yersinia pestis* — бактерия, вызывающая чуму. В благоприятных условиях бактериальная клетка копирует свою ДНК, делится надвое, образуя две идентичные дочерние клетки, а затем каждая из них делится снова и снова.

Чума стала причиной нескольких самых смертоносных пандемий в истории человечества — в VI, XIV, XIX и начале XX века. Только с 1347 по 1352 год она унесла около 150 миллионов жизней. Бесчисленные мужчины, женщины и дети умирали от неё в страшных мучениях.

С появлением антибиотиков в начале XX века казалось, что чума осталась в прошлом. Но в конце столетия появилась генная инженерия — и чума вернулась.

В этом сценарии её превратили в биологическое оружие, способное уничтожать людей массово.

Американец обливается потом. Музыка гремит, толпа вокруг него движется в такт, все разгорячены, влажные от пота, дышат друг другу в лицо. Температура у него уже 38,9 °C. В обычных обстоятельствах он чувствовал бы себя настолько плохо, что лежал бы дома под одеялом, вдали от людей. Но вместо этого он отчаянно танцует и тяжело дышит. Потому что испытывает эйфорию.

И именно это делает происходящее особенно страшным. Но здесь уже не одна природа. Здесь поработали создатели биологического оружия.

Биологическое оружие — живой боеприпас. Микроскопический организм, вызывающий болезнь. Бесшумный, невидимый, способный самостоятельно размножаться — пожалуй, самое крошечное оружие во всём огромном арсенале современного человека. На булавочной головке бок о бок могут уместиться сорок тысяч чумных бактерий.

Биологическое оружие, размножающееся сейчас в лёгких американца, впервые было создано ещё во времена холодной войны. Его новая версия XXI века поражает лёгкие с такой смертоносной силой и вызывает такие чудовищные страдания, что их почти невозможно вообразить.

Но пока американец ощущает лишь эйфорию, вызванную выбросом эндорфинов.

Эта разновидность чумного оружия была генетически модифицирована так, чтобы на первых стадиях заражения вызывать у человека нейрохимическую эйфорию.

*«Когда мы впервые услышали, что советские учёные вставляют в чумную бактерию ген эндорфина — то есть ген, вызывающий эйфорию, — рассказывает бывший бактериолог армии США доктор Генри Хайн, — мы были потрясены. Они сознательно заставляли *Y. pestis* вести себя именно так... чтобы человеку хотелось выйти из дома, общаться с людьми... Это было по-настоящему страшно».*

Y. pestis — сокращённое название *Yersinia pestis*, бактерии, вызывающей чуму. Доктор Хайн — один из крупнейших специалистов по этому патогену. Начиная с конца 1990-х годов он одиннадцать лет занимался средствами защиты от биологического оружия в Научно-исследовательском институте инфекционных заболеваний армии США в Форт-Детрике, штат Мэриленд.

USAMRIID — по-английски это название обычно произносят «ю-сэм-рид» — главный центр Министерства обороны США по исследованию особо опасных инфекций в условиях высокого и максимального уровня биологической защиты. Именно там находится единственная лаборатория Пентагона уровня BSL-4. В случае биологической атаки на Соединённые Штаты учёные USAMRIID окажутся на передовой.

«Когда человек заболевает чумой, он обычно становится вялым, — объясняет Хайн. — Он изолируется, остаётся дома. Но если у вас чума и при этом вы испытываете эйфорию, вы, наоборот, выходите к людям, общаетесь — и заражаете множество окружающих рекомбинантной чумой».

Именно это сейчас происходит с американцем, который танцует в переполненном франкфуртском клубе.

Трудно представить, что кто-то способен сознательно создать нечто подобное.

«Это похоже на зло», — говорит Хайн.

Бывший помощник министра обороны Энди Вебер согласен.

«Я вырос с убеждением, что рейгановское выражение “империя зла” было преувеличением, — рассказывает он. — А потом я узнал, чем русские занимались в области биологического оружия».

Он умолкает на мгновение.

«Это было зло».

В 1990-е годы, когда советская программа стала достоянием общественности, Вебер допрашивал и подробно расспрашивал нескольких инженеров, работавших над биологическим оружием. Он посещал российские лаборатории максимального уровня биологической защиты и военные предприятия в России и Казахстане, где работали многие из этих специалистов.

Министерство обороны США считает чуму особенно опасным патогеном.

«Из-за тяжести заболевания, стремительного появления симптомов, сепсиса и отказа многих органов, после которых без лечения смертность достигает ста процентов, американские военные считают Yersinia pestis одним из наиболее опасных бактериальных патогенов как для военнослужащих, так и для гражданского населения», — говорит полковник в отставке Брет Пёрселл, бывший руководитель медицинского подразделения USAMRIID.

Центры по контролю и профилактике заболеваний США также относят чуму к агентам и токсинам первого уровня — к наиболее опасным патогенам, которые могут быть использованы при биологическом инциденте или атаке. Первый уровень означает высшую степень угрозы общественному здравоохранению. А статус «особо контролируемого агента» означает, что чумная бактерия входит в специальный государственный перечень из-за её особой роли в истории биологического оружия.

За годы работы в USAMRIID доктор Хайн провёл тысячи часов в лаборатории, изучая чуму. Главным направлением его исследований была разработка средств лечения и защиты от биологического оружия и биотерроризма. Он участвовал и в создании вакцины против чумы.

До испытаний на людях она так и не дошла.

«Невозможно защититься от всего, что только можно вообразить», — с горечью говорит Хайн.

В этой фразе — неприятная истина, лежащая в основе всех военных попыток защититься от биологической войны.

По-настоящему надёжной защиты от неё не существует.

Американец танцует до рассвета.

Затем возвращается в гостиницу и ложится спать.

Через несколько часов, стоя под душем, он вдруг чувствует: эйфория исчезла. Её сменяют тревога, растерянность и страх. У людей, чьи лёгкие поражены Yersinia pestis, симптомы обычно проявляются через один-три дня после заражения. Срок зависит от множества факторов —

состояния иммунной системы, полученной дозы патогена и других обстоятельств. Генетические модификации могут ещё сильнее изменить этот срок. У американца ломит мышцы. Голова раскалывается — словно кто-то тянет сухожилия прямо за глазными яблоками. Он слишком много выпил в клубе и почти не спал. И пытается убедить себя, что дело только в этом.

Он выходит из душа.

Мысли путаются.

Нужно спешить в аэропорт, иначе он опоздает на самолёт.

Он летит в район Далласа и Форт-Уэрта, штат Техас. Население — более восьми миллионов человек.

Такси несётся по автобану. На заднем сиденье американец начинает кашлять. Он трогает лицо, лоб — кожа непривычно горячая. Глотает две таблетки тайленола. Вытирает лицо влажной салфеткой. Закапывает в глаза визин.

На досмотре в аэропорту, поднимая ручную кладь на ленту транспортёра, он замечает на предплечьях мелкие красные точки. При прикосновении они болезненны. Это петехии — крошечные кровоизлияния под кожей. Его охватывает слабость. Болят суставы. Он совершенно не понимает, что с ним происходит. В туалете аэропорта он моет лицо и руки. В груди болит. В ушах звенит. Пока он ждёт бумажное полотенце, его сотрясает громкий надсадный кашель.

Вокруг нескончаемым потоком идут пассажиры — каждый в свою точку земного шара. Через аэропорт Франкфурта ежегодно проходят около 64 миллионов человек. Более 175 тысяч каждый день.

Наконец американец оказывается в самолёте. Он садится на своё место. Сердце колотится. Самолёт взлетает. Пот льётся ручьём. Никто, кажется, ничего не замечает. Он летит бизнес-классом и сидит в отдельной капсуле. Медицинское название этого состояния — острый диафорез: обильное потоотделение, вызванное тяжёлым заболеванием. В его случае — рекомбинантной лёгочной чумой. Температура поднимается до 39,7 °С. Глаза выпячиваются, лицо покрывается пятнами, похожими на синяки.

Боль становится невыносимой — словно в лоб ему вонзили топор или кто-то тычет металлическим стержнем прямо в мозг. Из-за недостатка кислорода страдают конечности. Ладони приобретают бледно-синий оттенок, а вскоре ногтевые ложе станут тёмно-фиолетовыми, будто кончики пальцев окунули в чернила.

Сознание плывёт. Он больше не способен сосредоточиться и почти не понимает, что происходит вокруг. Самолёт набирает крейсерскую высоту. Американец идёт к кухне, чтобы попросить у бортпроводницы имбирный эль, но в спутанном сознании идёт не туда и оказывается в экономклассе. Он падает кому-то на колени, поднимается, пошатывается, разворачивается и бредёт обратно к передней части самолёта.

Вернувшись в свою капсулу, он вырывает в гигиенический пакет, теряет сознание на несколько часов, затем приходит в себя, шатаясь идёт в туалет — и снова его там вырывает.

Бактерия *Yersinia pestis*, возбудитель чумы, способна выживать в очень широком диапазоне температур — от 4 до 40 градусов Цельсия.

Оставшись один в тесном туалете самолёта, американский пассажир падает. Его мокрота разбрызгивается по стенам. Лёгочная чума — молниеносная болезнь: она обрушивается стремительно и убивает быстро. На этой стадии он уже едва держится на ногах. Отдельные участки лёгких начинают отмирать и разлагаться. Развивается сепсис. Убрать за собой он уже не может. Кровавая рвота, заражённая чумными бактериями, остаётся на раковине и полу. Во время эпидемии чумы в Маньчжурии в 1910–1911 годах врачи описывали подобные тёмно-чёрные обрывки разрушенной ткани как нечто похожее на кровавую кашу.

Вернувшись в относительный комфорт бизнес-класса, он кашляет и стонет, но гул авиалайнера заглушает эти звуки. Из его лёгких исходит тяжёлый гнилой запах. Однако в бизнес-классе летит младенец, и окружающие принимают зловоние за запах грязного подгузника.

Каждый вдох сопровождается острой плевритической болью в груди. Воздуха не хватает. Ощущение удушья становится невыносимым: лёгкие заполняются отмирающими тканями. Американец летит в самолёте, направляющемся в Техас. На борту 420 пассажиров. Он уже почти миновал ту черту, за которой возврата нет.

В салоне загорается свет.

Экипаж начинает подавать завтрак пассажирам бизнес-класса. Одна из бортпроводниц замечает, что с пассажиром на месте 8А что-то не так. Она касается его ноги, пытаясь разбудить. Он переворачивается, и ей сразу становится ясно: человек тяжело болен. Лицо у него багрово-синюшное. Его выворачивает. Затем он резко и мучительно кашляет ей прямо в лицо.

Пока бортпроводница пытается привести себя в порядок в туалете, другая делает объявление по внутренней связи. До Далласа остаётся около 350 миль.

Есть ли на борту врач?

Никто не отзывается: сегодня многие боятся брать на себя лишнюю юридическую ответственность.

Чумные бактерии, размножающиеся в лёгких американского пассажира, остаются в воздухе салона бизнес-класса — и распространяются дальше.

Но это не просто чума.

Это рекомбинантный штамм чумной палочки, созданный методами генной инженерии.

Генетически модифицированное чумное оружие, сконструированное так, чтобы стать не только более смертоносным, заразным и устойчивым к антибиотикам, но и получить скрытый «чёрный ход» — дополнительный механизм поражения. Оружие, впервые задуманное и разработанное советскими специалистами по биологическому оружию в годы холодной войны.

«Биологическое оружие двойного действия, словно мина-ловушка», — объясняет легендарный специалист по биологической войне Милтон Лайтенберг. Сейчас ему уже за девяносто. О советской программе биологического оружия времён холодной войны он узнал непосредственно от одного из её основателей — специалиста по чуме Игоря Домарадского.

«Я беседовал с ним у себя дома несколько дней в июне 1999 года», — рассказывает Лайтенберг. Домарадский передал ему собственные, отпечатанные на машинке записки о том, как создавалась советская программа. Копией этих материалов Лайтенберг поделился и с нами, чтобы помочь понять образ мыслей учёного и те принципы, на которых строилась вся система.

Игорь Домарадский был одним из двух советских учёных, которые начиная с 1974 года закладывали основы этой сверхсекретной и незаконной программы создания биологического оружия.

«Я разработал схему так называемых “Пяти основных направлений”», — писал Домарадский, имея в виду пять главных областей, в которых предполагалось развивать советские исследования по генетической модификации микроорганизмов.

Одно из этих направлений особенно важно для нашего сценария. Речь шла о попытке переносить ДНК одного микроорганизма в другой.

«Этот план, — пишет Домарадский, — получил название “Костёр”».

Научная работа потребовала времени.

Но спустя пятнадцать лет программа «Костёр» дала ошеломляющий результат — оружие исключительной летальности.

По словам доктора Генри Хайна из USAMRIID, Института медицинских исследований инфекционных заболеваний армии США, познакомившегося с советской программой во время службы в американской армии, это было оружие, «рассчитанное на стопроцентную смертность».

«Был найден новый класс оружия», — позднее напишет в своих воспоминаниях один из руководителей советской программы Канатжан Алибеков.

Программа «Костёр» дала сверхвирулентное, устойчивое к антибиотикам рекомбинантное чумное супероружие, против которого не существовало лечения.

Как такое вообще стало возможным?

Всё это больше похоже на научную фантастику, чем на реальность.

И всё же это было правдой: генетически модифицированный двухступенчатый убийца, который в ходе дальнейших разработок превратился в то, что стали называть химерным биологическим оружием. Об этом рассказывал Сергей Попов — ещё один советский специалист, участвовавший в программе.

«Представьте себе новое оружие, которое поначалу трудно диагностировать, а затем невозможно лечить обычными антибиотиками, — говорил Попов в 2001 году продюсеру программы PBS NOVA Кирку Вольфингеру. — Двойной агент: например, чума и вирус энцефаломиелита, объединённые в одном оружии».

Алибеков, который впоследствии бежал в Соединённые Штаты и сменил имя на Кен Алибек, подтвердил существование этой зловещей программы.

«Ещё в Москве я санкционировал... проект “Химера”, — пишет он, — выделив на него специальный грант в размере ста тысяч рублей».

Как вообще могла существовать столь чудовищная программа?

«Это был наш Манхэттенский проект», — говорит Алибек.

Домарадский видел происходящее несколько иначе.

«С появлением генной инженерии, — размышлял он, — ужасающая непредсказуемость биологического оружия стала реальностью, словно сошедшую со страниц научно-фантастического романа».

Но что произошло бы, если бы одно из таких биологических оружий оказалось выпущено наружу — пусть даже случайно?

Чтобы ответить на этот вопрос, чтобы понять, как человечество дошло до этого и где находится сегодня, нам придётся вернуться в 1971 год.

В лабораторию Стэнфордского университета в Калифорнии, где был проведён эксперимент, ставший поворотным моментом в истории науки. Первый в мире опыт по соединению генов.

Создание рекомбинантной ДНК.

ЧАСТЬ 1. КАК МЫ ДО ЭТОГО ДОШЛИ

Глава 1. Рекомбинантная ДНК

Однажды в 1971 году в лаборатории Стэнфордского университета в Калифорнии американский биохимик Пол Берг провёл эксперимент, которому суждено было навсегда изменить биологию. Ему удалось встроить ДНК обезьяньего вируса в ДНК другого вируса, известного как фаг лямбда.

Люди издавна соединяли признаки растений и животных посредством прививок и селекции, но Берг стал первым учёным, создавшим молекулу рекомбинантной ДНК путём соединения генетического материала двух совершенно разных видов вирусов.

Он создал химеру. Два живых существа в одном.

Подобно мифическому чудовищу из древнегреческих преданий.

Революционная биотехнология Берга не предназначалась для создания оружия. Это был метод — рекомбинантная ДНК. Сегодня мы чаще называем его генной инженерией: целенаправленным изменением генов организма, в том числе человеческого. Но в 1971 году опыт Берга по соединению генов распахнул дверь в совершенно новый мир научных возможностей. Подобно расщеплению атома, открытие технологии рекомбинантной ДНК означало, что мир уже никогда не будет прежним.

С одной стороны, учёные получили возможность улучшать здоровье людей, создавая новые средства медицинской защиты и методы лечения, о которых прежде невозможно было даже мечтать. С другой — рекомбинантная ДНК позволяла создавать новые микроорганизмы, способные погубить неисчислимое множество людей, вызвать экологическую катастрофу и даже изменить ход эволюции.

В этом и состоит парадокс технологий двойного назначения. Созданное человеком может служить во благо — или во зло. Исцелять — или убивать.

Поначалу открытие Берга оставалось неизвестным. За пределами небольшой стэнфордской лаборатории никто не знал об этом эксперименте до следующего лета. Именно тогда одна из аспиранток Берга, молодой биохимик Джанет Мец, приехала на семинар в лабораторию Колд-Спринг-Харбор в штате Нью-Йорк и рассказала своему преподавателю, вирусологу Роберту Поллаку, что Бергу удалось соединить ДНК двух различных вирусов.

Поллак был потрясён. Позднее Берг вспоминал: «Поллак сказал [Джанет], что считает [мой эксперимент] самым опасным и безрассудным опытом, какой только можно себе представить». Он также помнил вопрос Поллака: «Понимал ли я вообще, насколько опасным может быть этот эксперимент?»

В опыте Берга использовался ген обезьяньего вируса — так называемого вируса SV40, известного своей способностью вызывать раковые опухоли у лабораторных животных. Этот ген вводился в бактериальный вирус — фаг лямбда, — который впоследствии предполагалось перенести в *Escherichia coli* (*E. coli*), обычную кишечную бактерию человека. Как понял Берг, возмущение Поллака было вызвано опасением, что «бактерии, несущие ДНК SV40, могут вырваться наружу и вызвать рак у каждого, кого заразят».

«Моей первой реакцией, — рассказывал Берг, — было: это абсурд. Я не видел здесь никакого риска».

Но слова Поллака не давали ему покоя. Берг обратился за советом к Джошуа Ледербергу, микробиологу и лауреату Нобелевской премии, и тот в конце концов заставил его изменить своё мнение. «Я пришёл к выводу, что не могу со стопроцентной уверенностью утверждать, будто этот эксперимент совершенно безопасен», — говорил Берг. В беспрецедентном для современной науки проявлении самоограничения Берг и ещё десять учёных опубликовали письмо в *Proceedings of the National Academy of Sciences*, призвав временно приостановить эксперименты с рекомбинантной ДНК.

Публичное известие о первом в мире опыте по соединению генов вызвало бурю споров. Журналисты обвиняли учёных в самонадеянности и беспечности, представляя эксперименты с ДНК как нечто сомнительное с моральной точки зрения, если не вовсе сошедшее со страниц научной фантастики. Учёные, в свою очередь, обвиняли общество в невежестве и наивности. Но противников подобных экспериментов было подавляющее большинство. Даже Пол Берг начал сомневаться. В

разговоре с вирусологом Эндрю Льюисом он признался, что в процессе «манипулирования геномом существует черта, которую не следует переступать, пока мы не узнаем больше».

Чтобы ответить на растущую тревогу, Берг создал специальный комитет. Итогом стала Асиломарская конференция по рекомбинантной ДНК, состоявшаяся в 1975 году. На побережье Калифорнии, в городке Пасифик-Гров, собрались около 150 микробиологов, врачей, юристов и несколько журналистов, чтобы обсудить этические вопросы и безопасность исследований по соединению генов.

Дискуссии продолжались три с половиной дня. «Было решено, что исследования должны продолжаться, но при соблюдении строгих правил», — говорил Берг. Для лабораторий разработали нормы безопасности, различавшиеся в зависимости от степени риска. Помещения, где велись работы с рекомбинантной ДНК, должны были быть оборудованы вытяжными шкафами, шлюзами и системами безопасности, не допускавшими выхода опасных патогенов наружу. Но исследования, в итоге решили учёные, должны продолжаться. Наука движется вперёд. Так было всегда — и так будет всегда.

Много лет спустя, уже после того как Пол Берг получил Нобелевскую премию за свои исследования, он вновь обратился к главному вопросу того времени. «Хочу ли я продолжать эксперименты, которые могут иметь катастрофические последствия?» — спрашивал он. «Именно после Асиломарской конференции возник твёрдый консенсус, — вспоминал Берг, — что государство [должно] установить нормы или правила». Как и в случае любой новой технологии, необходимо постоянно задавать ключевые вопросы, начиная с самого простого: «Какие эксперименты наиболее опасны?»

Но в комнате был тот самый слон, о котором предпочитали молчать. Учёные прекрасно сознавали очевидную проблему, но не хотели её обсуждать. Лишь много лет спустя Берг наконец публично заговорил о мрачной реальности, скрывавшейся в самом сердце его эпохального эксперимента — и всей этой истории.

На Асиломарской конференции, говорил Берг, «мы сосредоточились на науке... Биологическую войну мы не обсуждали».

А следовало бы.

Позднее коллега Берга, другой лауреат Нобелевской премии Дэвид Балтимор, также участвовавший в Асиломарской конференции, признал эту страшную, невысказанную истину. «Мы несколько наивно полагали, что существует договор, который все соблюдают и который запрещает использование технологии [рекомбинантной ДНК] для создания биологического оружия».

Это был чистый самообман.

Почти сразу после подписания Конвенции о запрещении биологического оружия Советский Союз приступил к разработке необычных видов биологического оружия, используя возможности, открывшиеся благодаря рекомбинантной ДНК.

Заместитель руководителя программы Кен Алибек объяснял: «Мы входили в число 140 государств, подписавших конвенцию и обязавшихся “не разрабатывать, не производить, не накапливать, не приобретать и не сохранять каким-либо иным образом” биологические агенты для наступательных военных целей. [И всё же] одновременно, — уточняет он, — в рамках нашей тайной программы мы [разрабатывали и] накапливали сотни тонн сибирской язвы и десятки тонн возбудителей чумы и натуральной оспы... предназначенных для применения против Соединённых Штатов и их западных союзников».

Это была разветвлённая, незаконная и глубоко засекреченная программа биологического оружия, с одной-единственной целью.

Убить сотни миллионов людей на другом конце света.

Глава 2. СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНЫЙ ПЛАН ПО СОЗДАНИЮ ГЕНЕТИЧЕСКИ МОДИФИЦИРОВАННОГО БИОЛОГИЧЕСКОГО ОРУЖИЯ

Оболенск, Россия
Ноябрь 1989 года

*Российские войска РХБЗ проводят учения по радиационной, химической и биологической защите.
(Министерство обороны Российской Федерации)*

Через семнадцать лет после того, как Советский Союз обязался отказаться от любых работ по созданию биологического оружия, в российском посёлке Оболенск, примерно в восьмидесяти километрах к юго-западу от Москвы, состоялась тайная встреча. Была осень 1989 года. Группа советских учёных и военных собралась там, чтобы обсудить план уничтожения миллионов американцев и жителей европейских стран — союзников НАТО — с помощью генетически модифицированного биологического оружия. И заодно увидеть результаты новейшего эксперимента, призванного доказать жизнеспособность самой концепции.

«План был прост: уничтожить людей, сохранив инфраструктуру нетронутой», — рассказывает доктор Кристофер Дэвис. Дэвис, в прошлом высокопоставленный сотрудник британской военной разведки, стал первым представителем западных спецслужб, узнавшим об этой зловещей программе.

Поскольку советская программа биологического оружия являлась прямым нарушением Конвенции о запрещении биологического оружия, власти предпринимали огромные усилия, чтобы скрыть её существование. Игорь Домарадский был первым научным руководителем комплекса в Оболенске и первым главой программы по генетике чумы. В своих отпечатанных на машинке записках, которыми Милтон Лайтенберг поделился с нами, Домарадский описывает одну из таких маскировочных операций.

«Всё [было устроено] так, чтобы ввести иностранную разведку в заблуждение», — пишет Домарадский. Сам комплекс в Оболенске был спроектирован так, чтобы напоминать психиатрическую больницу; по территории даже ходили люди, изображавшие душевнобольных пациентов. «С воздуха всё выглядело как какой-то санаторий: выздоравливающие гуляли в пижамах или играли в волейбол!»

Для прикрытия была создана гражданская организация, будто бы производившая вакцины и другие медицинские средства защиты. Программа была настолько засекречена, что её название — «Биопрепарат» — ещё в 1973 году лично выбрал советский лидер Леонид Брежнев.

«Биопрепарат был самой мрачной тайной холодной войны, — писал Алибек. — Самой амбициозной советской программой вооружений со времён создания водородной [то есть термоядерной] бомбы».

Среди присутствовавших в тот день в Оболенске в 1989 году были:

советский генерал Николай Ураков, директор исследовательского комплекса в Оболенске и генерал 15-го Главного управления Генерального штаба;

Канатжан Алибеков, позднее известный как Кен Алибек, заместитель руководителя «Биопрепарата» — сверхсекретного научно-исследовательского подразделения советской программы биологического оружия;

Сергей Попов, молодой научный сотрудник, специализировавшийся на синтезе ДНК;

а также более пятидесяти ведущих учёных «Биопрепарата» и высокопоставленные военные из 15-го Главного управления Советской армии.

Главный корпус комплекса в Оболенске представлял собой восьмизэтажное здание, фасад которого был почти целиком стеклянным. Этажи распределялись в зависимости от того, какой смертоносный возбудитель там изучали: сибирскую язву, туляремию, сеп, чуму. Сверхсекретные совещания, подобные встрече 1989 года, проходили в большом строгом зале без окон в центральной части здания. «Нам запрещалось приносить туда портфели или сумки», — вспоминал Алибек. Все записи, сделанные во время докладов, после заседания изымались сотрудниками службы безопасности. Если учёному впоследствии требовалось снова посмотреть собственные записи, он должен был получить специальное разрешение.

Один за другим советские учёные выступали с секретными докладами. Наконец к трибуне вышел специалист по синтезу ДНК Сергей Попов.

Ему ещё не исполнилось сорока, но к 1989 году Попов уже более десяти лет участвовал в советской программе биологического оружия. Мягкий в общении и на вид почти застенчивый, ещё в 1980 году он был выбран своим начальником, молекулярным биологом Львом Сандахчиевым, для научного шпионажа и отправлен на шестимесячную стажировку в знаменитую Лабораторию молекулярной биологии Кембриджского университета в Англии. Приняв его как обычного учёного, университет не подозревал о подлинной цели его пребывания: овладеть методами, лежавшими в основе открытия Пола Берга — технологии рекомбинантной ДНК.

Под руководством микробиолога Майкла Гейта Попов изучил всё, что смог, о синтезе ДНК, после чего вернулся в Советский Союз. Там полученные знания он использовал для создания биологического супероружия, опытный образец которого теперь демонстрировали в Оболенске.

Новое оружие, разработанное Поповым и его командой, преследовало две цели. Первая была очевидна: уничтожить огромные массы населения. Но существовала и вторая — психологическая. Позднее Попов рассказывал Милтону Лайтенбергу, что советские специалисты хотели создать такое биологическое оружие, которое подорвало бы моральный дух американских военных стратегов, врачей и простых граждан. Оружие должно было оказаться неуязвимым для всех известных американских медицинских средств защиты — включая вакцины и антибиотики, которые прежде считались надёжным лечением. Логика этого плана была столь же хладнокровной, сколь и жестокой.

«Представьте себе, с какими проблемами столкнулся бы противник Советского Союза, — объяснял Попов, — если бы внезапно выяснилось, что его вакцина не защищает солдат и население от такого страшного заболевания, как оспа, а антибиотики совершенно бесполезны против... чумы и других бактериальных инфекций!»

Оружие двойного действия: оно убивает людей и одновременно уничтожает доверие. Именно такой психологический ужас советская программа биологического оружия стремилась обрушить на Запад.

Учёных завораживала сама эта мысль. «Это означало бы, что медицинское превосходство [Америки] в значительной степени исчезло», — говорил Попов Лайтенбергу. «Фактически» Соединённые Штаты словно «вернулись бы в доантибиотическую эпоху, когда болезни убивали гораздо больше солдат, чем пули и снаряды». Конечная цель СССР, по словам Попова, — «посеять

катастрофическое недоверие к правительству и военным» среди американских граждан. Разрушить Соединённые Штаты изнутри.

Именно на совещании 1989 года в Оболенске впервые были продемонстрированы результаты тех знаний, которые Попов привёз из Кембриджа. Стоя за трибуной, он рассказал о недавнем эксперименте на мелких животных, который наконец наконец дал результат, которого они добивались годами. Кен Алибек вспоминал этот опыт.

«За стеклянной стеной лаборатории полдюжины кроликов были привязаны к деревянным доскам, чтобы они не могли вырваться. На морду каждого надели механическое устройство, похожее на маску и соединённое с вентиляционной системой. Это был один из стандартных способов испытания аэрозолей на мелких животных», — пояснял Алибек. Поначалу он и сам не понимал, в чём состоит суть опыта. «Наблюдая из-за стекла, техник нажал кнопку, и каждому животному была подана небольшая доза генетически изменённого возбудителя, — пишет Алибек. — Когда эксперимент закончился, животных вернули в клетки для наблюдения».

Сначала все животные заболели — как и ожидалось. Их подвергли воздействию аэрозоля с микроорганизмами, заразив возбудителем, вызывающим симптомы, сходные с туберкулёзом. Но затем, вспоминал Алибек, произошло нечто неожиданное.

Нечто ошеломляющее.

«У нескольких кроликов появились признаки ещё одного заболевания. Они начали дёргаться, а затем затихли. Их задние конечности оказались парализованы».

Паралич? Это не укладывалось в голове. Туберкулёз не вызывает паралича.

«В комнате стояла абсолютная тишина», — вспоминал Алибек.

Много лет Попов и команда из пятидесяти советских биохимиков пытались синтезировать фрагмент ДНК таким образом, чтобы после проявления первого заболевания возникало второе — новое и совершенно неожиданное. И теперь им это удалось. Работа была мучительно сложной и отнимала массу времени. В 1980-е годы компьютеры всё ещё находились в зачаточном состоянии. Большинство операций выполнялось вручную, кропотливо и медленно, непосредственно в лаборатории — и была чрезвычайно опасной. Исследователи, работавшие со смертоносными патогенами, допускали ошибки и погибали.

Методы биоинженерии, освоенные Поповым в Кембридже, наконец позволили ему и его команде повернуть науку в принципиально новое русло: внедрить микропаразита в искусственно изменённый участок ДНК.

Цель эксперимента — вызвать неожиданный вторичный эффект. Соединить методами генной инженерии два смертоносных патогена так, чтобы получившаяся комбинация несла наиболее опасные свойства каждого из них.

«Один-единственный генетически сконструированный агент вызвал симптомы двух разных заболеваний, причём происхождение одного из них невозможно было проследить», — объяснял Алибек.

Двухступенчатый убийца. Двойной агент. Двуглавое чудовище. Химерное оружие перестало быть мечтой.

Наблюдая, как умирают маленькие животные, Алибек сразу понял: «Испытание прошло успешно».

Комнату словно обдало холодом.

«Мы все понимали, к чему ведёт достижение этого учёного, — говорил Алибек. — Был открыт новый класс оружия».

Вот оно — супероружие, которого так долго добивались. Микроскопический демон. Коварный и обманчивый. Невидимый и живой. Передающийся по воздуху.

Как цивилизованные люди дошли до такого?

Позднее, оправдывая себя, Попов говорил: «Я всегда верил, что [это оружие] никогда не будет применено».

У Алибека был иной взгляд. «Во время холодной войны, — говорил он, — нам постоянно внушали: “Соединённые Штаты — зло, они хотят уничтожить нашу страну. Мы должны сделать

всё, что в наших силах, чтобы создать самые совершенные и мощные виды оружия для защиты нашей страны”».

И они это сделали.

Глава 3. ТАЙНОЕ СТАНОВИТСЯ ЯВНЫМ

Примерно в то же время, в 1989 году, когда советские создатели биологического оружия собирались в Оболенске, один из самых высокопоставленных учёных программы бежал на Запад. Его звали Владимир Пасечник. Информация, которую он раскрыл — сначала британскому разведчику доктору Кристоферу Дэвису, а затем сотрудникам ЦРУ, занимавшимся противодействием распространению оружия массового поражения, — навсегда изменила представления Запада о возможностях биологической науки.

«Мы многим обязаны Пасечнику», — говорит доктор Дэвис.

Дэвис стал первым человеком за пределами Советского Союза, узнавшим о существовании советской программы «Биопрепарат». До побега Пасечника и его признаний Запад даже не подозревал, что в СССР существует столь масштабная и научно передовая программа создания биологического оружия.

«Оглядываясь назад, это можно назвать одним из крупнейших провалов разведки за всю холодную войну», — говорит Джеймс Лоулер из ЦРУ, бывший руководитель подразделения специальных операций Управления по противодействию распространению оружия массового поражения. Десятилетиями Лоулер охотился за иностранными учёными и представителями государств-изгоев, которые разрабатывали незаконные программы оружия массового поражения — или пытались это делать.

До своего бегства в Англию Владимир Пасечник работал в Ленинграде директором Института особо чистых биопрепаратов. В какой-то момент его одолел кризис совести. «Он понял, что больше не может жить с этим», — говорит Дэвис, имея в виду его участие в незаконной программе биологического оружия. Пасечник решил, что во время следующей поездки за пределы Советского Союза сдастся западным властям, расскажет им о внутреннем устройстве советской программы и признается в том, что делал.

Во время одной из довольно редких зарубежных поездок — во Францию, где ему предстояло подписать контракты с поставщиком оборудования, — Пасечник решился на побег. В Париже он нашёл в телефонном справочнике адрес канадского посольства и постучал в дверь. Внутри он сообщил дипломату, что он советский учёный из сверхсекретной оружейной лаборатории, и что ему необходимо срочно поговорить с кем-то из компетентных сотрудников. Он сказал, что хочет бежать на Запад. Канадцы ему не поверили и попросили уйти. Отчаявшись, но не отказавшись от своего намерения, Пасечник позвонил из уличного телефона-автомата в британское посольство. Британская Секретная разведывательная служба поверила ему. За ним приехала машина, после чего его тайно переправили в Великобританию. Спустя неделю он уже сидел в одном из неприметных зданий Лондона напротив доктора Дэвиса — тогда главного эксперта по биологическому оружию в британской военной разведке.

Пасечник рассказал доктору Дэвису всё, что знал. Среди прочего Дэвис узнал, что в подчинении Пасечника находилось около 3 000 учёных и оружейных инженеров. Что у него был практически неограниченный бюджет, позволявший закупать оборудование на Западе и привлекать лучших специалистов, каких только удавалось найти. Что он и его многочисленные команды создавали биологическое супероружие — и средства его доставки. Что советские специалисты научились модифицировать крылатые ракеты таким образом, чтобы те могли лететь ниже зоны действия американских радаров и распылять над густонаселёнными районами аэрозольные облака чумы и других патогенов в ходе стратегического биологического удара. И что сам Пасечник разработал способ стабилизации чумных бактерий для такого масштабного распыления.

«Когда он заговорил о чуме, я был невероятно встревожен», — рассказывает Дэвис.

Он сразу понял, какой чудовищный смысл скрывается за словами Пасечника.

«Чуму не выбирают как оружие поля боя, — говорит Дэвис. — Чуму выбирают тогда, когда хотят уничтожить страну противника. Это эквивалент ядерного оружия, только чище. Вся инфраструктура остаётся нетронутой. И точка. Вот в чём смысл».

Массовое уничтожение.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

ЧЁРНАЯ СМЕРТЬ

Шестьсот семьдесят лет назад чума уничтожила от трети до половины населения Европы. В некоторых городах, например в Константинополе, современники сообщали о смертности, достигавшей 90 процентов. Долгое время историки спорили о том, была ли чумная пандемия, прокатившаяся по средневековому миру, естественной катастрофой или массовым бедствием, связанным с единичным актом биологической войны.

По свидетельству итальянского нотариуса Габриэле де Мусси, пережившего эпидемию, Чёрная смерть началась в 1346 году с целенаправленного нападения монгольских войск на генуэзскую крепость Каффа, находившуюся на берегу нынешнего Крыма. После долгой безрезультатной осады монголы, как утверждается, стали перебрасывать через крепостные стены тела умерших от чумы, рассчитывая погубить людей внутри крепости. По словам де Мусси, именно это вызвало вспышку инфекции, которая впоследствии получила название Чёрной смерти. «Если это свидетельство верно, — говорит микробиолог Марк Уилис, — Каффу следует признать местом самого впечатляющего случая биологической войны в истории, катастрофическим последствием которого стала Чёрная смерть». Узнать наверняка, что произошло в действительности, уже невозможно.

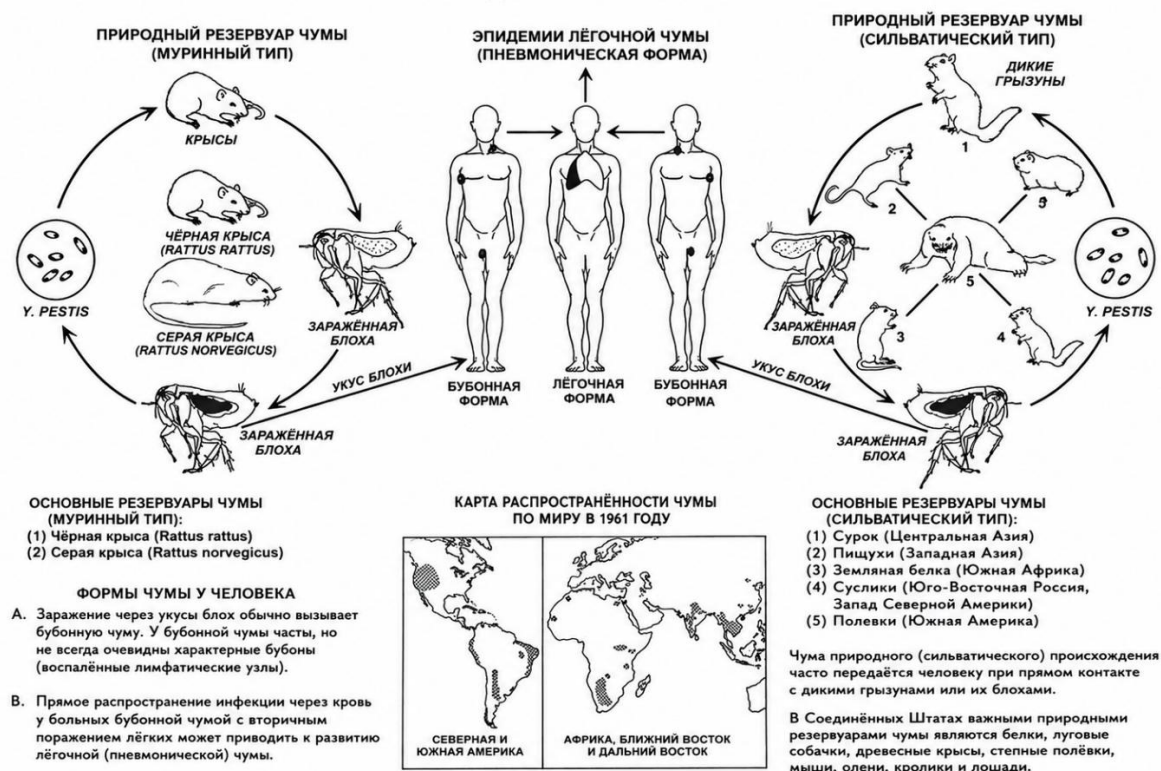
Чума — инфекционное заболевание, вызываемое бактерией *Yersinia pestis*.

В природе чумная палочка встречается у крыс и других мелких млекопитающих — в том числе белок, луговых собачек и сурков. Существует три формы чумы.

Бубонная чума — самая распространённая и наиболее известная. Она передаётся через укус заражённой чумой блохи. Бактерии *Y. pestis* проникают в организм человека через кожу и добираются до ближайшего лимфатического узла — небольшого бобовидного образования, являющегося частью иммунной системы. По мере размножения бактерий инфекция вызывает сильное увеличение лимфатических узлов. Они превращаются в крупные, болезненные, воспалённые образования — бубоны. Отсюда и происходит название «бубонная чума». Бубоны могут появляться в паху, на шее или под мышками — в зависимости от того, куда именно укусила заражённая блоха. Они причиняют мучительную боль, распухают и выделяют гной и кровь. Американский армейский учебник по медицинским аспектам биологической войны даёт наглядное описание: «Бубоны настолько болезненны, что даже находящиеся почти в коматозном состоянии пациенты стараются защитить их от любого прикосновения и отводят конечности в сторону, чтобы уменьшить давление». Иногда бубоны чернеют — отсюда, как считается, и возникло название «Чёрная смерть». Без лечения смертность при бубонной чуме составляет от 50 до 66 процентов. При применении антибиотиков её удаётся снизить примерно до 13 процентов.

Рисунок 7.2

ЭПИДЕМИОЛОГИЯ ЧУМЫ

Эпидемиология чумы. (Министерство здравоохранения, образования и социального обеспечения США, 1962)

Вторая форма — септическая чума, возникающая, когда бубонная инфекция проникает в кровь. После того как наполненный гноем бубон разжижается и разрывается, чумные бактерии попадают в организм и заражают кровотоки смертоносной *Y. pestis*. Начинается распространённое внутрисосудистое свёртывание крови, которое, в свою очередь, приводит к кровоизлияниям. Кожа и внутренние органы чернеют и подвергаются некрозу. Это страшное осложнение развивается примерно в 10–20 процентах случаев бубонной чумы и нередко приводит к необходимости ампутации одной или нескольких конечностей. Иногда — удаления глаза или носа.

Без лечения септическая чума почти всегда заканчивается смертью.

Третья форма — лёгочная чума: инфекция проникает в лёгкие. «Любой случай лёгочной чумы следует рассматривать как чрезвычайно заразный», — предупреждает Всемирная организация здравоохранения. Она передаётся от человека к человеку и представляет собой стремительного убийцу, который без лечения практически неизбежно приводит к смерти. Если человек заразился лёгочной чумой и в течение двадцати четырёх часов после инфицирования не получил антибиотики, он погибнет. «Без лечения смерть может наступить уже через 24 часа после заражения», — предупреждает медицинское руководство армии США по биологической войне. Никакой неопределённости.

В средневековой Европе, до появления антибиотиков, бубонная чума могла переходить в септическую форму, распространяясь через кровь, а затем поражать лёгкие и превращаться в лёгочную чуму. Именно этим объясняется, как в ходе прежних пандемий чума получала возможность передаваться воздушным путём. Как она смогла погубить 150 миллионов человек. И почему общая смертность от чумы, если учитывать все три формы заболевания, могла составлять от 66 до 93 процентов.

Во время чумной пандемии XIV века города опустошались целиком. Там, где люди жили скученно, складывались идеальные условия для неудержимого распространения лёгочной чумы. Итальянский поэт Джованни Боккаччо также стал очевидцем общественного хаоса и массовой смерти, а его рассказ во вступлении к *Декамерону* остаётся одним из самых ярких свидетельств последовавшего ужаса. Боккаччо пишет об экзистенциальном страхе, о разрушении общественных

норм, о «бесчисленном множестве трупов», громоздившихся на улицах, разлагавшихся под солнцем и растаскиваемых стаями одичавших собак и диких кабанов.

И вот мы снова возвращаемся в современность — в 1989 год. Теперь нетрудно понять, почему сотрудник британской военной разведки доктор Кристофер Дэвис был столь потрясён, узнав от Владимира Пасечника, что советские учёные намеревались превратить чуму в оружие и использовать её для уничтожения своих предполагаемых врагов на другом конце света.

Глава 4. ЛУЧШАЯ ЗАЩИТА - ЭТО НАПАДЕНИЕ

После бегства Пасечника на Западе забили тревогу. Вскоре бежал ещё один советский учёный, однако его имя до сих пор остаётся тайной. Британская разведка направила доктора Дэвиса и его коллегу в Лэнгли, штат Вирджиния, чтобы поделиться сведениями Пасечника с союзниками из ЦРУ. Потрясённое услышанным и стремясь получить независимое подтверждение, ЦРУ отправило в Англию нобелевского лауреата Джошуа Ледерберга — тайно встретиться с Пасечником и проверить достоверность его рассказа. Доктор Дэвис присутствовал при допросе.

«Ледерберг был потрясён, — вспоминает Дэвис. — Когда он услышал все подробности от самого Пасечника, словно пелена упала у него с глаз».

Вернувшись в Соединённые Штаты, Ледерберг был вызван на Капитолийский холм.

«Я считаю его рассказ в высшей степени достоверным», — заявил он Конгрессу.

То, что сделали советские специалисты, было чудовищно. Но ещё страшнее было то, что Запад понятия не имел о происходящем. Тревога усиливалась, внимание становилось всё пристальнее. В месяцы после бегства Пасечника над всеми навис один вопрос:

Чем сейчас занимаются советские специалисты по биологическому оружию?

А затем, в декабре 1991 года, мир потряс ещё один разведывательный провал.

Советский Союз распался.

Один за другим бывшие советские специалисты по биологическому оружию начали приезжать в Соединённые Штаты. Среди них были Кен Алибек и Сергей Попов — двое учёных, участвовавших в тайном совещании 1989 года в Оболенске.

Том самом, где демонстрировали парализованных кроликов.

Всплывали всё новые подробности. Когда президенту Биллу Клинтону доложили о масштабах и технической сложности советской программы биологического оружия, он был встревожен. Конгресс начал слушания. Но теперь, когда Советского Союза больше не существовало, а Россия находилась на грани краха, характер угрозы изменился.

Возник новый вопрос:

А что, если биологическое оружие попадёт в руки террористов?

В Вашингтоне перед законодателями выступил Уильям Патрик — бывший руководитель американской программы биологического оружия времён холодной войны.

«Сегодня мой вопрос уже не в том, применяют ли террористы биологическое оружие, — заявил Патрик в июле 1995 года, — а в том, когда и где они это сделают».

По образованию микробиолог, Патрик прекрасно понимал, что подобное нападение означало бы для Соединённых Штатов. Когда американские программы биологического оружия ещё считались законными, он возглавлял отдел разработки боевых биологических средств в Форт-Детрике и руководил как наступательными, так и оборонительными программами армии США.

Для Патрика и многих его единомышленников в Вашингтоне террористы стали новой, совершенно очевидной угрозой.

Администрация Клинтона начала активно разрабатывать директивы, расширявшие возможности США по защите от подобных угроз со стороны террористических организаций и государств-изгоев. Если прежде президент Клинтон относился к биозащите сдержанно, то теперь применение биологического оружия террористами было отнесено к преступлениям, караемым смертной казнью: Конгресс принял Закон 1996 года о борьбе с терроризмом и эффективном применении смертной казни.

А затем наступило 11 сентября 2001 года.

Террористы атаковали Соединённые Штаты.

Девятнадцать боевиков «Аль-Каиды» захватили четыре пассажирских самолёта. Два из них врезались в башни Всемирного торгового центра в Нью-Йорке, что привело к обрушению обоих небоскрёбов. Третий самолёт был направлен в здание Пентагона неподалёку от Вашингтона. Четвёртый рухнул на поле в Пенсильвании после того, как пассажиры поняли, что происходит, и попытались отбить самолёт у захватчиков.

Погибли почти 3 000 человек. 11 сентября стало самым смертоносным террористическим нападением современной эпохи.

Америка и её союзники были потрясены.

Соединённые Штаты оказались застигнуты врасплох.

Но словно ужаса 11 сентября было недостаточно, всего через несколько дней на Восточном побережье и во Флориде началась биологическая атака. По американской почте были разосланы конверты, содержащие споры специально подготовленной сибирской язвы. Они предназначались двум сенаторам США и редакциям нескольких крупнейших национальных СМИ — в том числе ABC, CBS и NBC.

Когда одно из писем со спорами сибирской язвы, адресованное лидеру сенатского большинства Тому Дэшлу, вскрыли в почтовом отделении здания Сената имени Харта, входящего в комплекс Капитолия, страна внезапно осознала:

Америка подверглась биологическому нападению.

Капитолий закрыли.

Тысячи сотрудников Конгресса прошли обследование.

Крупные почтовые центры США прекратили работу.

Двадцать два человека в четырёх штатах заразились сибирской язвой. Пятеро умерли.

Ужасающе — да.

Но массовой бойней это всё же не стало.

В отличие от атак 11 сентября, ответственность за которые быстро возложили на «Аль-Каиду», дело о письмах с сибирской язвой, несмотря на многолетние споры, так и не было официально и окончательно раскрыто.

Для федерального правительства атаки с сибирской язвой стали не просто тревожным звонком.

Они прозвучали как призыв к оружию.

Стало очевидно, насколько легко биологический агент может превратиться в оружие. Подобное нападение обходилось дешево, его организаторов было чрезвычайно трудно установить, а последствия могли оказаться огромными.

Америка продемонстрировала свою уязвимость. Общество было глубоко потрясено.

И эта неопределённость открыла дорогу новому виду гонки вооружений.

В 2004 году Конгресс запустил **Project BioShield** — федеральную программу, призванную ускорить исследования и разработку вакцин и других медицинских средств защиты. В биологическую оборону хлынули миллиарды долларов.

Финансирование резко возросло.

Создавались новые ведомства.

Поток инвестиций привёл к появлению новаторских вакцинных платформ, противовирусных препаратов и передовых диагностических технологий, коренным образом изменив научный ландшафт страны.

В Вашингтоне и далеко за его пределами центр тяжести сместился в сторону секретных исследований в области биологической защиты, значительная часть которых была засекречена.

Прозрачность почти исчезла.

Возник военно-промышленный комплекс биологической защиты.

А вместе с ним началось стремительное строительство лабораторий высокого и максимального уровня биологической безопасности — BSL-3 и BSL-4 — по всей территории Соединённых Штатов, а затем и по всему миру.

Лаборатория BSL-4 — объект максимальной биологической защиты, где работают с самыми опасными и экзотическими патогенами на Земле, против которых зачастую не существует ни лечения, ни вакцин.

Лаборатория BSL-3 находится на одну ступень ниже. Это объект высокой биологической защиты, предназначенный для работы с другими смертоносными возбудителями, включая вирус бешенства, хантавирусы, сибирскую язву и чуму.

До сентября 2001 года правительство США располагало всего двумя лабораториями BSL-4: одной военной — в Форт-Детрике, штат Мэриленд, — и одной гражданской, в Центрах по контролю и профилактике заболеваний в Атланте, штат Джорджия.

После 11 сентября число лабораторий BSL-3 и BSL-4 резко возросло.

В течение следующих пяти лет появились десятки, затем сотни, а потом и более тысячи новых лабораторий высокой и максимальной степени биологической защиты.

Проведённая Конгрессом в 2007 году проверка установила, что только в Соединённых Штатах насчитывалось не менее пятнадцати лабораторий BSL-4 и 1 356 лабораторий BSL-3.

Но ещё тревожнее было другое:

никто не осуществлял над всем этим единого надзора.

«Ни одному федеральному ведомству не поручено отслеживать расширение числа лабораторий BSL-3 и BSL-4 в Соединённых Штатах и оценивать связанные с ним риски», — говорилось в докладе Конгресса.

А там, где нет надзора, нет и ответственности.

«Никто не отвечает за оценку совокупных рисков, связанных с расширением сети этих лабораторий высокой степени биологической защиты», — предупреждал Конгресс.

Но строительство продолжалось без остановки.

Другие государства мира последовали примеру США. Франция, Германия, Канада, Швейцария и Китай начали создавать собственные лаборатории BSL-3 и BSL-4 для исследований в области биологической защиты.

Одна страна за другой включалась в гонку.

От Индии до Беларуси, от Габона до Тайваня происходил тектонический сдвиг: десятки государств пришли к выводу, что им тоже необходимо защищаться от биологических инцидентов или атак — и что для этого нужно изучать опасные патогены в лабораториях BSL-3 и BSL-4.

Однако вместе с этим лихорадочным расширением сети лабораторий высокой и максимальной степени защиты возникла новая угроза.

Только теперь угроза исходила из самих лабораторий.

В XXI веке начиналась новая эпоха исследований и экспериментов с рекомбинантной ДНК.

Исследований повышенного риска, которые получают название **gain-of-function** — экспериментов по усилению функций патогенов.

«“Gain-of-function” — это эвфемизм, — настаивает бывший советник президента Энди Уэбер. — “Исследования по усилению функций” — это просто другое название конструирования биологического оружия».

Доктор Томас Эрхард, бывший специальный помощник заместителя министра обороны, высказывается об исследованиях *gain-of-function* ещё жёстче — возможно, потому, что сам руководил в Пентагоне секретными военно-биологическими учениями и слишком хорошо знает, к чему подобные исследования могут привести.

«Gain-of-function — это зло», — говорит Эрхард.

Без всяких оговорок.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

УСИЛЕНИЕ ФУНКЦИЙ - GAIN-OF-FUNCTION

Gain-of-function — это разновидность экспериментальных научных исследований, при которых учёный, работающий в лаборатории высокой или максимальной степени биологической защиты, намеренно изменяет вирус или бактерию — патоген, — чтобы придать ему новые свойства.

Это могут быть способность быстрее распространяться, легче заражать человека, обходить иммунную защиту или дольше сохраняться во внешней среде.

Сторонники подобных экспериментов утверждают, что, делая патоген опаснее, учёные получают возможность лучше понять, как защититься от катастрофического биологического происшествия или нападения.

Иными словами, вмешиваясь в природу, исследователи надеются разработать новые средства защиты и методы лечения.

Критики экспериментов *gain-of-function* возражают: подобные радикальные исследования сами создают риск глобальной катастрофы.

По их мнению, подобные манипуляции с вирусами и бактериями практически неотличимы от незаконной разработки биологического оружия.

Смертельные аварии и нарушения лабораторной герметичности уже случались прежде.

Так что произойдёт, если в недалёком будущем один из таких генетически модифицированных патогенов вырвется наружу — случайно или намеренно — и начнёт распространяться?

Глава 5. ГЛОБАЛЬНЫЙ КАТАСТРОФИЧЕСКИЙ РИСК

После 11 сентября, когда число лабораторий высокой и максимальной степени биологической защиты BSL-3 и BSL-4 стало расти почти бесконтрольно, эксперименты *gain-of-function* из узкой научной практики превратились в один из центральных элементов биологической обороны. Это происходило не только в Америке, но и по всему миру.

Аргумент повсюду звучал примерно одинаково. Сторонники утверждали, что исследования *gain-of-function* служат предотвращению угроз. Чтобы научиться защищаться от биологической войны и биотерроризма — или даже от естественно возникающих пандемий, подобных эпидемии гриппа 1918 года, — учёным и инженерам необходимо понимать, как сделать патогены опаснее. Только так, говорили они, можно разработать вакцины и другие медицинские средства защиты.

В Соединённых Штатах исследования *gain-of-function* быстро стали привычной частью науки, финансируемой государством. Такие учреждения, как Национальные институты здравоохранения и Национальный институт аллергии и инфекционных заболеваний, щедро финансировали подобные эксперименты — не только в лабораториях по всей Америке, но и в зарубежных центрах BSL-3 и BSL-4, в том числе в китайском Ухане.

«Преимущества подобных экспериментов [*gain-of-function*] и получаемых благодаря им знаний перевешивают риски», — утверждал доктор Энтони Фаучи в статье 2012 года. В то время Фаучи возглавлял Национальный институт аллергии и инфекционных заболеваний. Во время пандемии Covid он был главным медицинским советником президентов Дональда Трампа и Джо Байдена.

Критики исследований *gain-of-function* били тревогу, указывая на эксперимент с мышинной оспой, проведённый в Австралии в 2001 году, и на опыты с вирусом птичьего гриппа H5N1 на хорьках, выполненные в Нидерландах и Соединённых Штатах в 2011–2012 годах, как на примеры того, что может пойти не так. В эксперименте с мышинной оспой сравнительно простое генетическое изменение непреднамеренно превратило умеренно опасный вирус в смертоносный агент, убивавший даже ранее вакцинированных мышей. Это наглядно продемонстрировало пугающую реальность: усиление функций патогена способно свести на нет уже существующий иммунитет. В опытах с H5N1 на хорьках учёные взяли один из самых смертоносных вирусов гриппа, когда-либо поражавших человека, и добились его передачи по воздуху, показав тем самым, что в лаборатории можно создать воздушно-капельный патоген, способный вызвать пандемию.

После ещё нескольких громких лабораторных происшествий и аварий споры вокруг исследований *gain-of-function* обострились — правда, в основном за закрытыми дверями.

В 2014 году администрация Обамы временно приостановила федеральное финансирование некоторых исследований *gain-of-function*. Но полностью остановлены они не были.

Вместо этого изменился сам язык политики. Исследования *gain-of-function* стали рассматривать через призму нового понятия — **Potential Pandemic Pathogen Care and Oversight**, или **P3CO**, — тем самым сместив дискуссию с вопроса о запрете на вопрос об управлении рисками. Как и прежде, решения о том, какой риск считать допустимым, оставались почти полностью скрыты от общества и принимались внутри закрытой сферы национальной безопасности.

А затем пришла пандемия Covid и вывела исследования *gain-of-function* в центр мирового внимания. По мере появления новых сведений миллионы людей начали задаваться вопросом: возник ли вирус SARS-CoV-2 естественным путём — от летучих мышей — или же был генетически сконструирован в закрытых лабораториях BSL-3 и BSL-4 в Ухане. Всё острее становились вопросы прозрачности, лабораторной безопасности и той зыбкой границы, которая отделяет оборонительные исследования от наступательных экспериментов.

Миллионы людей погибли, а ключевые вопросы остались без ответа. Возмущение охватило весь мир. В Соединённых Штатах слушания в Конгрессе ещё сильнее раскололи и без того разделённое общество.

Но в последующие годы сама система исследований высокого риска в основном осталась прежней.

Правительства разных стран и сегодня продолжают финансировать подобные исследования, почти всегда оправдывая их одним и тем же аргументом: эксперименты с патогенами по худшему

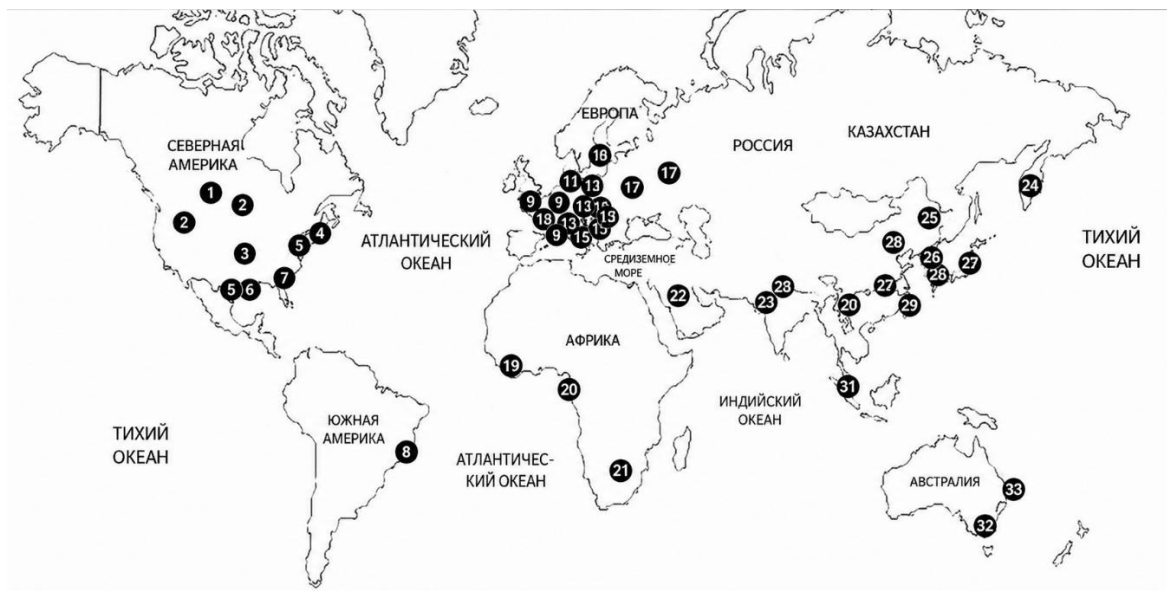
из возможных сценариев, проводимые в лабораториях BSL-3 и BSL-4, необходимы для того, чтобы предотвратить такой же худший сценарий уже в реальном мире.

Что именно происходит внутри этих лабораторий высокой и максимальной степени биологической защиты, по самой их природе остаётся недоступным для внешнего мира.

Глобальное исследование 2025 года насчитало 110 лабораторий BSL-4 в тридцати четырёх странах и 3 515 лабораторий BSL-3 в 149 странах.

Возможно, их ещё больше.

Именно отсюда начинается наш сценарий.

Некоторые, но не все, лаборатории высшего, 4-го уровня биологической безопасности (BSL-4), действующие в разных странах мира.

*Знак биологической опасности **BSL-4**, обозначающий максимальный уровень биологической защиты при работе с наиболее опасными патогенами в мире.*

ЧАСТЬ 2. ВРЕМЯ ПОШЛ НА МИНУТЫ

День первый
ЧАС НОЛЬ

Институт «Вектор» — Кольцово, Сибирь, Российская Федерация

Институт «Вектор», Кольцово

Биологическая война может начаться с несчастного случая.

Холодная январская ночь. Возможно, совсем недалёкое будущее. В одном из биологических научно-исследовательских институтов Сибири раздаётся взрыв. До полуночи остаётся одна минута — 23:59 по военному времени. Взрывной волной выбивает все стёкла в одном из высотных корпусов. На пятом этаже горит лаборатория.

Официально этот объект уровня биологической безопасности BSL-4 называется **Государственный научный центр вирусологии и биотехнологии «Вектор»**. Но те, кто знает его историю, называют его просто — **«Вектор»**. И в этом названии есть нечто зловещее.

В математике и физике вектор — это величина, обладающая направлением и модулем, например сила или скорость. В биологии вектором называют организм или иной носитель, способный переносить возбудителя болезни от одного хозяина к другому — обычно посредством укуса или кровососания.

Само слово «Вектор» в каком-то смысле символично для этого российского исследовательского центра. Государственный департамент США подозревает, что здесь ведутся незаконные биотехнологические работы с наиболее смертоносными микроорганизмами в мире, а Россия как на «Векторе», так и в других местах «сохраняет наступательную программу биологического оружия и нарушает свои обязательства» по Конвенции о биологическом оружии.

Любая авария в лаборатории BSL-4 с максимальным уровнем биологической защиты — уже повод для тревоги. Но «Вектор» — лаборатория особая.

В его морозильных хранилищах находятся возбудители самых страшных болезней: Эболы, натуральной оспы, Марбурга и целого ряда других смертельных инфекций. Поговаривают, что здесь хранится и исходный штамм рекомбинантной чумы, созданный ещё в советские времена. По другой версии, его держат в Оболенске, а на «Векторе» доставляют для испытаний на животных.

Масштабное применение биологического оружия способно вызвать пандемию. Но то же самое может случиться и при утечке из лаборатории.

«Риск пандемии вследствие лабораторной утечки отнюдь не гипотетический», — говорит Энди Вебер. Он принадлежит к тому небольшому числу американских должностных лиц, которым когда-либо доводилось побывать на «Векторе»; это произошло в 1990-е годы.

Вебер не понаслышке знает, какие микроорганизмы хранятся в его морозильниках. Многие из них когда-то превращали в оружие, предназначенное для уничтожения людей самыми чудовищными способами.

И теперь им предстоит вырваться наружу.

В нашем сценарии взрыв на «Векторе» происходит во время плановых технических работ — почти так же, как это случилось там на самом деле 16 сентября 2019 года. Как и тогда, российские власти быстро объявляют причиной взрыва неисправный газовый баллон. И, как и тогда, вслед за взрывом в здании начинается пожар.

Одного рабочего доставляют в больницу с ожогами третьей степени.

На место прибывают пожарные машины.

Пожар удаётся потушить.

Но на этом сходство между реальным взрывом 2019 года и событиями нашего сценария заканчивается. Тогда в загоревшейся лаборатории опасных биологических веществ не было.

Теперь — есть.

Проходят минуты.

Геостационарный пояс — космическое пространство

Спутниковая система Advanced Extremely High Frequency позволяет Совету национальной безопасности США и объединённым командованиям вооружённых сил управлять войсками на всех уровнях конфликта — вплоть до полномасштабной ядерной войны.

На высоте 22 236 миль над Землёй, в геостационарном поясе, спутник Министерства обороны США замечает ослепительно яркую вспышку в районе «Вектора», расположенного в небольшом научном городке Кольцово в Сибири.

В Министерстве обороны сразу понимают: это не пуск баллистической ракеты. Источник теплового излучения слишком неподвижен и слишком обширен. Но секретная программа спутниковой системы классифицирует вспышку как аномальную — и значимую.

«Мы наблюдаем за всеми критически важными объектами, — говорит отставной полковник Джулиан Чеснатт, в прошлом офицер Разведывательного управления Министерства обороны США. — Почти непрерывно контролируем все так называемые объекты интереса по всему миру».

Наземная система обработки спутниковых данных выдаёт предупреждение:

ТЕПЛОВАЯ ВСПЫШКА. КОЛЬЦОВО, РОССИЯ.

Кольцово — именно там находится институт «Вектор».

В подразделениях военной разведки и разведывательного сообщества загораются предупреждающие панели, звенят компьютеры, мигают индикаторы, включаются сигналы тревоги.

ТРЕВОГА: возможный инцидент с применением химических, биологических, радиологических или ядерных веществ.

CBRN — военное сокращение от *chemical, biological, radiological and nuclear*: химическое, биологическое, радиологическое и ядерное оружие. Все вместе они относятся к оружию массового

поражения — ОМУ, которое Министерство обороны США считает одной из наиболее серьёзных военных угроз.

Штаб-квартира Национального управления военно-космической разведки — Шантильи, Вирджиния

В шести тысячах миль от Кольцово, в штаб-квартире Национального управления военно-космической разведки США в Шантильи, штат Вирджиния, офицеры разведки ставят спутниковым системам задачу получить изображения комплекса «Вектор» в высоком разрешении.

С момента взрыва прошло три минуты.

Восточное побережье США отстаёт от сибирского Кольцово на двенадцать часов. Поэтому когда там 00:02, в Вашингтоне — 12:02 дня. Время обеда.

Но в оперативном центре NRO время суток почти не имеет значения. Аналитики разведки работают круглосуточно — двадцать четыре часа в сутки, 365 дней в году.

Штаб-квартира Национального управления военно-космической разведки в Шантильи, штат Вирджиния.

Взрыв на объекте с максимальным уровнем биологической защиты BSL-4, подобном «Вектору», немедленно заставляет предположить возможность CBRN-инцидента. А поскольку «Вектор» — прежде всего биологическая лаборатория BSL-4, подозрения быстро сосредоточиваются на возможном выбросе биологического агента.

Кольцово — городской посёлок примерно с 20 тысячами жителей. Российский **наукоград**. Современные многоэтажные дома выстроены по регулярной сетке улиц. Здесь есть зелёные зоны и парки, спортивные комплексы, детские сады, культурный центр. Работает инновационный центр, где, по имеющимся данным, размещается около пятидесяти биотехнологических компаний. Зимой жители ходят на лыжах по сосновому лесу Кольцовского парка и катаются на коньках по замёрзшему озеру.

Но сейчас в Кольцово глубокая ночь.

Аналитики NRO внимательно изучают спутниковые снимки «Вектора» и его окрестностей, пытаясь обнаружить хоть что-нибудь необычное.

Они ищут зацепки.

К комплексу «Вектор» съезжаются пожарные машины. Пожарные бросаются тушить огонь.

Что именно произошло?

Какие защитные костюмы надеты на спасателях?

Это одни из первых вопросов, которые задают себе сотрудники американской разведки.

Национальное управление военно-космической разведки — одно из восемнадцати известных разведывательных ведомств США и главное американское агентство космической разведки. Его засекреченный бюджет сопоставим с бюджетом ЦРУ, а в распоряжении NRO находятся одни из самых мощных спутниковых систем в мире.

Но даже они не способны в режиме реального времени обнаружить главное свидетельство утечки из лаборатории.

В отличие от ядерного оружия, выброс биологического агента — преднамеренный или случайный — невидим и человеческому глазу, и современным космическим датчикам.

Чтобы заполнить пробелы, мощные спутниковые системы NRO с радиолокаторами с синтезированной апертурой — SAR — начинают получать и обрабатывать изображения территории вокруг «Вектора». Такие радары используют микроволновое излучение и способны видеть сквозь облака и непогоду — особенно ценное качество в снежную январскую ночь.

Полученные снимки станут эталоном, с которым разведчики будут сопоставлять предыдущие и последующие изображения. По мере того как на местности будут происходить изменения, аналитики смогут всё точнее восстанавливать картину происходящего.

Пока же снимки SAR показывают: в одном из шестиэтажных корпусов «Вектора» выбиты все окна. Повреждена крыша. На здании видны следы копоти. По периметру комплекса выстраиваются машины экстренных служб.

Эти изображения уже рассказывают свою историю.

Как пишут эпидемиолог Райна Макинтайр и её коллеги в статье для *Global Biosecurity*, когда здание физически разрушается взрывом, почти неизбежно происходит «распространение аэрозолей с дозвуковой скоростью».

Проще говоря, если внутри взорвавшегося лабораторного корпуса находились смертельно опасные патогены, ударная волна вполне могла выбросить их наружу — в окружающую среду — ещё до того, как огонь уничтожил их.

Лабораторная утечка.

«Вектор» — объект чрезвычайно секретный. И если утечка действительно произошла, дальнейшие действия российских властей помогут американской разведке, наблюдающей за событиями с другого конца планеты, заполнить недостающие части картины.

А пока приходится работать лишь с тем, что есть.

Штаб-квартира Агентства национальной безопасности — Форт-Мид, Мэриленд

Штаб-квартира Агентства национальной безопасности США в Форт-Миде, штат Мэриленд

В штаб-квартире Агентства национальной безопасности в Мэриленде аналитики усиленно отслеживают все сообщения между Москвой и «Вектором».

Они ищут доказательства.

Просеивают потоки информации, пытаясь в реальном времени сложить мозаику того, что, возможно, происходит на другом конце света.

Если NRO **смотрит**, то NSA **слушает**.

Одно ведомство — глаза.

Другое — уши.

АНБ занимается радиоэлектронной разведкой — SIGINT. Офицеры, аналитики, технические специалисты и криптографы теперь собирают и изучают данные перехваченных телефонных разговоров, текстовых сообщений и электронной почты.

Они спешат получить радиолокационную и электронную информацию с российских военных серверов, к которым американская разведка тайно получила доступ.

Аналитики АНБ прослушивают радиопереговоры. Просматривают электронные данные. Слушают. Переводят. Расшифровывают. Взламывают коды.

В эти критические минуты после взрыва на объекте в Сибири, который подозревают в связи с программой биологического оружия, сотрудники АНБ предельно сосредоточены. Им необходимо понять, что происходит на «Векторе», соединяя одну цифровую точку с другой.

Но перехваченные разговоры между Москвой, местными властями, руководством «Вектора» и службами Кольцово дают удивительно мало информации.

Там, где переговоры полиции и экстренных служб должны быть напряжёнными, громкими, почти хаотичными, всё звучит буднично.

Да, за полночь.

Но речь идёт об объекте максимального уровня биологической защиты.
И любая авария здесь должна была бы вызвать тревогу.
Микроорганизмы, хранящиеся на «Векторе», словно сошли со страниц фильма ужасов.
Достаточно вспомнить одну аварию, которая уже происходила здесь прежде.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Несчастные случаи случаются

Однажды весной 1988 года советский специалист по биологическому оружию доктор Николай Устинов работал в одной из лабораторий BSL-4 института «Вектор», когда произошла смертельно опасная случайность.

Заместитель руководителя «Биопрепарата» Кен Алибек хорошо помнил тот день.

«Мне позвонил Лев Сандахчиев, начальник Устинова и тогдашний руководитель института “Вектор”.

— Произошло нечто ужасное, — сказал Сандахчиев.

— Несчастный случай? — спросил Алибек.

— Да. Устинов. Он вколол себе в большой палец вирус Марбург».

Марбург, как и более известный вирус Эбола, вызывает тяжелейшую геморрагическую лихорадку, при которой человек может погибнуть от кровотечений.

Устинов заражал морских свинок этим неизлечимым вирусом и случайно укололся шприцем.

Вакцины от Марбурга тогда не существовало. Лекарства тоже. Как и Эбола, в естественных условиях он не распространяется по воздуху. Передача происходит при непосредственном контакте с кровью и другими биологическими жидкостями либо через заражённые поверхности — так называемые фомиты.

Поэтому, когда весной 1988 года Устинов случайно проколол себе палец иглой, наполненной вирусом Марбург, он, по сути, подписал себе смертный приговор.

Он стал жертвой собственной мрачной работы над биологическим оружием.

Доктор Устинов немедленно вышел из лаборатории через один из шлюзов «Вектора», прошёл химический душ, чтобы обеззаразить защитный костюм, и воспользовался аварийным телефоном, чтобы сообщить начальству.

Руководитель приказал ему отправиться в изолированный госпиталь на территории «Вектора», также оборудованный герметичными шлюзами, напоминавшими подводную лодку.

Там Устинову предстояло умирать долго, мучительно и тяжело.

Все стадии болезни он тщательно записывал в лежавшую у кровати тетрадь, страницы которой постепенно покрывались пятнами его крови.

«Я могу сказать одно: смерть была ужасной», — рассказывал Алибек программе *PBS Frontline* в 1998 году, уже после того, как тайны советской программы вышли наружу.

«Он умирал около двух недель».

Под конец кровь шла буквально из всех отверстий тела.

«Отовсюду. Из носа, из глаз, изо рта, из ушей».

Пока Устинов истекал кровью в секретном госпитале на территории «Вектора», внутри его организма происходило нечто необычное.

Живое оружие размножалось.

И менялось.

Позднее советские врачи в защитных костюмах провели вскрытие тела Устинова. Извлекая его органы и собирая кровь, они обнаружили, что вирус действительно мутировал.

Он превратился в значительно более вирулентный вариант, чем исходный штамм Марбурга, с которым Устинов работал в тот день, когда случайно уколол себя заражённым шприцем.

Для советской программы биологического оружия эта трагедия неожиданно обернулась настоящей находкой, позднее рассказывал Алибек сотрудникам ЦРУ.

Органы погибшего Устинова можно было использовать.

«Вирус, выделенный из его органов, использовался для создания новых вариантов биологического оружия», предназначенных для применения против Соединённых Штатов, утверждал Алибек.

Новому штамму дали имя:

Марбург, вариант U — в честь Устинова.

Начиная с весны 1988 года специалисты «Биопрепарата» стали использовать этот патоген для массового производства мутировавшего штамма. Его высушивали, превращая в порошок —

биологическую пыль, которую в случае войны предполагалось тайно распылять на территории противника, чтобы люди вдыхали её.

Считается, что этот штамм и сегодня хранится на «Векторе».

Однако в нашем сценарии применяется не **Марбург U**.

История доктора Устинова нужна здесь для другого.

Она напоминает о том, что государства, как и люди, нарушают правила.

Что несчастные случаи возможны.

И они случаются.

Национальное управление MASINT, Разведывательное управление Министерства обороны США — Рестон, штат Вирджиния

Штаб-квартира Разведывательного управления Министерства обороны США

В Рестоне, штат Вирджиния, аналитики Национального управления MASINT, входящего в состав Разведывательного управления Министерства обороны США, пытаются понять, что могло произойти на «Векторе». С помощью технологий MASINT — *Measurement and Signature Intelligence*, разведки по измерениям и физическим признакам, — они выявляют, анализируют и подтверждают физические сигнатуры, связанные с возможным CBRN-инцидентом — в данном случае с вероятной утечкой из лаборатории смертоносного биологического агента.

MASINT изучает то, **как тот или иной объект или процесс проявляет себя в физическом мире**. Это одно из наименее известных направлений разведки — особенно в мире, куда больше увлечённом шпионажем в его привычном понимании. Сенсоры MASINT способны улавливать самые слабые и косвенные признаки. Они ищут химические следы и тепловые аномалии. Пытаются обнаружить микроскопические частицы в воздухе.

Если NRO **смотрит**, а NSA **слушает**, то подразделение MASINT Разведывательного управления Министерства обороны, образно говоря, **принюхивается**. Это нос разведывательной системы — при глазах NRO и ушах NSA.

Сенсоры MASINT измеряют и анализируют сигнатуры — следы, которые остаются при производстве, хранении, испытании или применении оружия массового поражения. Это может быть ядерное излучение, звуковые волны или электромагнитные импульсы. Это могут быть споры, белки или промышленные газы.

Платформы сбора MASINT-данных простираются от космоса до самого дна океана. Такие сенсоры можно устанавливать практически на любой движущийся объект — от пилотируемого самолёта до беспилотника, от подводной лодки до спутника. В нашем сценарии они закреплены и на неподвижных объектах: канализационных трубах, элементах зданий, дорожных знаках и многом другом.

«Постоянно отслеживая данные MASINT в фоновом режиме, — говорит сенатор Тодд Янг, — Министерство обороны определяет нормальные показатели качества воздуха и выявляет отклонения от этих фоновых значений», чтобы лучше понять природу возможного биологического инцидента.

Сегодня сенатор Янг возглавляет Национальную комиссию по безопасности в сфере новых биотехнологий.

Сенсоры MASINT почти всегда устанавливаются скрытно — например, за гипсокартоном или внутри систем пожаротушения. Это могут быть спектрометры, измеряющие и анализирующие свойства света, или датчики, способные обнаруживать микробиологические сигнатуры в сточных водах и образцах воды.

Чтобы обнаружить выброс опасного патогена на объекте вроде «Вектора», требуется целый комплекс воздушных и наземных сенсоров, отслеживающих химические маркеры в атмосфере. Это может включать анализ ДНК, обнаружение белков или поиск биомаркеров в почве. Сенсоры MASINT способны даже уловить акустические сигнатуры внезапно усилившейся работы вентиляции.

Офицеры MASINT — это своего рода криминалисты разведывательного мира. Их работа ведётся скрытно, как правило, на большом расстоянии и при минимальном непосредственном доступе к цели — так называемому месту сбора информации.

Данные, поступающие от MASINT-сенсоров, складываются в мозаику доказательств. По отдельности это лишь едва заметные сигналы. Но вместе они могут многое рассказать о том, что происходит на таком засекреченном объекте, как «Вектор», находящемся за тысячи миль.

«MASINT измеряет, каковы вещи на самом деле и как они действительно ведут себя», — поясняет пресс-служба DIA. Формулировка звучит расплывчато, но по существу она очень точна.

«Если цель вибрирует, издаёт звук, оставляет след, нагревается или охлаждается», — она обладает уникальным набором характеристик, которые аналитики DIA способны обнаружить, измерить и отслеживать во времени, объединяя данные огромной сети тайно размещённых сенсорных систем.

«Если бы вы захотели выяснить, где в здании находится кухня, — рассказывает бывший офицер MASINT, — можно было бы пойти на запах свежее испечённого хлеба».

Такие признаки позволяют всё ближе подбираться к нужному месту.

«А когда вы уже почти уверены, где кухня, — продолжает он, — начинаете прикладывать ладонь к стенам... чтобы почувствовать тепло».

Спутники NRO, сигналы NSA, тонкая и почти незаметная сеть сенсоров MASINT — всё это имеет значение.

Но пока нет прямой, полученной из первых рук информации о том, что **физически происходит на «Векторе» прямо сейчас**, разведывательному сообществу и военным остаётся лишь строить версии и предположения.

В такие моменты самым ценным видом разведки становится **агентурная разведка — HUMINT**.

А здесь ведущая роль принадлежит ЦРУ.

■

Штаб-квартира Центрального разведывательного управления — Лэнгли, Вирджиния

В штаб-квартире ЦРУ в Лэнгли, штат Вирджиния, в Отделе по противодействию распространению оружия массового поражения царит лихорадочная активность.

Это подразделение входит в сверхсекретный Центр специальных операций — структуру, отвечающую за тайные операции ЦРУ. Отдел по противодействию распространению — это группа специалистов, постоянно занимающихся угрозой оружия массового поражения.

На первых местах в списке угроз — ядерное и биологическое оружие, рассказывает бывший руководитель отдела Джеймс Лоулер по прозвищу **«Бешеный пёс»**.

Прозвище он получил не из-за характера.

Однажды во время задания его действительно укусила бешеная собака.

Штаб-квартира Центрального разведывательного управления в Лэнгли, штат Вирджиния

Все операции Отдела ЦРУ по противодействию распространению оружия массового поражения засекречены. Его источники и методы работы скрыты. В самом общем виде деятельность отдела включает:

- **Сбор разведывательной информации:** работу с агентурными источниками для отслеживания программ оружия массового поражения.
- **Саботаж, подрыв и срыв программ:** проведение операций, направленных на остановку или замедление враждебных программ ОМУ, а также связанных с ними угроз и планов.
- **Программы сотрудничества:** совместные операции с разведывательными службами союзников по противодействию программам ОМУ, угрозам и намерениям противника.

Операции Отдела ЦРУ по противодействию распространению почти никогда не становятся достоянием общественности — разве что заканчиваются громким провалом или Белый дом сам решает предать их огласке.

Это одни из самых рискованных тайных операций в мире.

Они связаны с оружием массового поражения, применение которого может привести к чему угодно — от массовой гибели людей до катастрофы, ставящей под угрозу само существование человечества.

У программ Отдела есть как краткосрочные, так и долгосрочные задачи. Значительная часть долгосрочной работы связана с созданием агентурной сети — поиском и развитием контактов с людьми, располагающими ценной информацией и готовыми передавать её ЦРУ.

Такие агенты могут быть кем угодно: от высокопоставленного иностранного дипломата до обычного охранника.

Их основная задача — добывать информацию. Как правило, они не участвуют непосредственно в предотвращении конкретного действия или события.

«Мы добиваемся того, чтобы люди делились этой информацией с нами», — говорит Лоулер.

Работа таких глубоко законспирированных источников ЦРУ требует исключительных мер безопасности. Шпионаж против собственной страны считается государственной изменой, поэтому ЦРУ предпринимает всё возможное, чтобы его иностранные агенты не вызвали подозрений.

От этого напрямую зависит успех операции.

Именно поэтому общественность так часто слышит формулировку о засекреченных «источниках и методах» ЦРУ.

Но в чрезвычайной ситуации — например, после взрыва в лаборатории BSL-4, когда утечка смертельно опасного патогена способна вызвать пандемию, — ЦРУ, по словам Лоулера, может решить обратиться к глубоко законспирированному агенту.

Чтобы понять, что происходит на самом деле.

В эти критические минуты после взрыва на «Векторе» разведывательному сообществу жизненно необходима надёжная информация.

И здесь на первое место выходит **агентурная разведка**.

Это древнейший и самый «аналоговый» из всех видов разведывательной деятельности.

И, по словам Лоулера, одновременно — «самый ценный».

«Только человек может рассказать вам, что ему известно о программе биологического оружия», — говорит Лоулер, опираясь на десятилетия собственного опыта.

Но ещё важнее другое: человек способен раскрыть намерения.

«Снимки ничего не скажут вам о намерениях, — замечает он. — А человек изнутри — скажет. Если кто-то способен объяснить, каковы истинные цели программы ОМУ, — это разведывательное золото. Но для этого нужно проникнуть человеку в голову».

С момента взрыва на «Векторе» прошло всего двадцать минут.

Перед руководителем Отдела ЦРУ по противодействию распространению встаёт трудная дилемма.

Нет сомнений, что сотрудники «Вектора» находятся под пристальным наблюдением Федеральной службы безопасности России — ФСБ.

Для такого бывшего разведчика, как Лоулер, который нередко тратил «пять, восемь, десять лет» на вербовку одного человека, подвергнуть риску столь дорого добытого агента — последнее, чего хотелось бы.

«Я никогда не терял агента», — говорит Лоулер, имея в виду, что ни один из его источников не был раскрыт.

«Но у меня есть друзья, которым это пришлось пережить. После такого уже никогда по-настоящему не оправляешься».

Раскрытого агента почти всегда убивают.

Или он просто исчезает.

Связаться с агентом в такой момент — значит поставить под угрозу его прикрытие.

Но в первые часы после возможного выброса биологического агента цена ошибки чрезвычайно высока.

Перевешивает ли польза для человечества смертельный риск для одного человека?

Иногда цель оправдывает средства.

Руководитель Отдела ЦРУ по противодействию распространению решает выйти на связь с глубоко законспирированным источником.

В нашем сценарии этим человеком оказывается работник, ухаживающий за территорией «Вектора».

■

Агентство по снижению угрозы Министерства обороны США — Форт-Бельвуар, штат Вирджиния

Штаб-квартира Агентства по снижению угрозы Министерства обороны США в Форт-Бельвуаре, штат Вирджиния

В штаб-квартире Агентства по снижению угрозы Министерства обороны США в Форт-Бельвуаре аналитики отдела оперативной технической поддержки завершают первые модели распространения атмосферного шлейфа и готовятся отправить результаты.

Агентство по снижению угрозы Министерства обороны, или DTRA, как его обычно называют, нередко именуют **тихим щитом Пентагона против оружия Судного дня**.

В этот критический первый час после взрыва на объекте с максимальным уровнем биологической защиты команда Reachback стремится выполнить свою задачу: подготовить и передать первоначальный отчёт об опасности и распространении заражения в течение тридцати минут.

До истечения срока остаётся одна минута.

Ведущий аналитик нажимает **«Отправить»**.

Расчётные модели загружаются в Объединённую глобальную систему командования и управления Пентагона — засекреченную серверную систему, которая сводит воедино доклады и разведывательные данные, формируя общую оперативную картину для Объединённого комитета начальников штабов, высшего военно-политического руководства страны и других заинтересованных структур.

«Мы обеспечиваем информационную поддержку тех, кто принимает решения, — говорит доктор Рон Мерис, руководитель подразделения Reachback Analysis, — будь то небольшая проблема или инцидент... либо потенциальная катастрофа уровня “конца света”».

От тайных лабораторий биологического оружия до нелегальных сетей торговли ядерными материалами — задача DTRA состоит в том, чтобы выявлять, нейтрализовывать и отражать самые катастрофические угрозы в мире.

Среди множества федеральных ведомств, занимающихся противодействием оружию массового поражения, DTRA — одно из важнейших и одновременно одно из наименее известных.

История агентства восходит ещё к Манхэттенскому проекту. В первые годы холодной войны, когда оно называлось Специальным проектом вооружённых сил по специальному оружию, одной из его главных задач было обучение американских военнослужащих применению ядерного оружия в ходе натурных испытаний.

Вычислительные системы центра Reachback непрерывно получают данные из поступающих информационных потоков, оценивая уровень угрозы и прогнозируя возможные последствия.

Сочетая метеорологические данные и сведения о рельефе с законами физики и химии, аналитики Reachback моделируют, как в ближайшие минуты и часы различные опасные патогены могут распространяться, рассеиваться и оседать в окружающей среде.

Информации о происходящем на «Векторе» пока немного.

Известны параметры взрыва, высота очага, первоначальные повреждения здания, погодные условия — направление и скорость ветра, осадки, температура — и некоторые другие данные.

Прогностические модели позволяют рассчитать, как аэрозольное или пылевое облако, выброшенное из комплекса, может перемещаться и рассеиваться в атмосфере.

Но самое важное — то, чего ждут все, — по-прежнему неизвестно:

Какой именно патоген — или какие патогены — могли вырваться наружу?

Не располагая точными данными, вычислительные системы DTRA просчитывают различные сценарии для нескольких классов биологических агентов.

Патогены, передающиеся по воздуху, — например чума, натуральная оспа или генетически модифицированный грипп — будут характеризоваться высокой скоростью распространения, огромным психологическим эффектом и потенциально глобальными последствиями.

Возбудители, передающиеся при контакте с биологическими жидкостями, — Эбола, Марбург, лихорадка Ласса — распространяются медленнее, но столь же опасны из-за высокой летальности и способности вызывать массовую панику.

Стойкие в окружающей среде споры, например сибирской язвы, означают ограниченное распространение от человека к человеку, но зато длительное заражение территории и тяжёлые психологические последствия.

И лишь после того, как конкретный патоген будет установлен, можно запускать самые важные модели:

оценку потерь среди населения.

Сколько людей погибнет.

За этой информацией разведывательное сообщество обращается к Национальному центру медицинской разведки, расположенному на территории военной базы Форт-Детрик в штате Мэриленд.

■
Национальный центр медицинской разведки, Разведывательное управление Министерства обороны США — Форт-Детрик, штат Мэриленд

Медицинский научно-исследовательский институт инфекционных заболеваний армии США (USAMRIID) проводит исследования самых опасных патогенов в мире, чтобы защитить военнослужащих США и гражданское население от биологических угроз. Это единственное учреждение, обеспечивающее подготовку военных специалистов по работе с пострадавшими от биологического поражения

Форт-Детрик в штате Мэриленд — настоящая крепость среди военных объектов. В годы холодной войны именно здесь находился эпицентр американских программ исследований и разработки биологического оружия — в те времена, когда наступательные биологические программы в США ещё считались законными и активно развивались.

После Второй мировой войны в Форт-Детрик привозили бывших нацистских учёных. Объединённый комитет начальников штабов тайно нанимал их для совместной работы с американскими специалистами над программами биологического оружия, включая попытки превратить в оружие особо опасные патогены первой категории — натуральную оспу, сибирскую язву и чуму.

Сегодня Форт-Детрик — один из ключевых центров американской системы биологической защиты, огромной межведомственной федеральной сети, предназначенной для того, чтобы как можно раньше выявить биологическую угрозу, остановить её и не дать ей выйти из-под контроля.

На территории комплекса площадью около 1 200 акров расположены бетонные корпуса, охраняемые периметры, а также лаборатории высокого и максимального уровней биологической защиты. Здесь находятся два основных учреждения: Медицинский научно-исследовательский институт инфекционных заболеваний армии США — USAMRIID — и Национальный центр анализа и противодействия биологическим угрозам — NBACC, находящийся в ведении Министерства внутренней безопасности.

В морозильных хранилищах Форт-Детрика, как и на «Векторе», содержатся самые опасные микроорганизмы в мире. За высокими стенами, миновав вооружённую охрану и несколько двойных герметичных шлюзов, микробиологи, такие как доктор Генри Хайне, надевают биозащитные костюмы и дыхательные системы замкнутого цикла, чтобы работать с наиболее опасными патогенами, известными человеку.

И всё это — во имя биологической защиты.

Одни учёные здесь разрабатывают вакцины, антимикробные препараты и другие медицинские средства противодействия биологическим угрозам. Другие секвенируют геномы, испытывают

новые методы обнаружения и локализации вспышек и изучают поведение патогенов, чтобы заранее понять, каким образом противник может попытаться превратить их в оружие.

На территории этого огромного биомедицинского исследовательского комплекса находится и Национальный центр медицинской разведки — специализированное подразделение Разведывательного управления Министерства обороны США, которое отслеживает глобальные медицинские угрозы американским военнослужащим и гражданам США.

Получив известие о взрыве на «Векторе», аналитики медицинской разведки готовят и рассылают двухстраничную **записку медицинской разведки** через JWICS — Объединённую всемирную систему разведывательной связи, предназначенную для передачи информации вплоть до уровня **Совершенно секретно / особо чувствительная закрытая информация**.

Первоначальный доклад раннего предупреждения включает:

- **перечень патогенов, которые, по имеющимся и предполагаемым данным, хранятся на «Векторе»;**
- **возможные пути выхода патогенов наружу с учётом известных систем вентиляции и линий отвода жидких отходов;**
- **то, что медицинской разведке уже известно, и то, что пока остаётся неизвестным.**

В последующих сообщениях будут появляться предупреждения о риске распространения инфекционных заболеваний и данные о числе пострадавших по мере развития событий.

Именно разведывательные материалы Форт-Детрика станут одной из важнейших основ, на которых военное командование и разведывательное сообщество будут оценивать надвигающуюся угрозу.

Кольцово, Сибирь, Российская Федерация

В Сибири проходит ночь.

Восходит солнце.

С момента взрыва минуло восемь часов.

Ранним утром следующего дня, примерно в восемь часов по местному времени, один из учёных «Вектора» отправляется в небольшую православную церковь на окраине Кольцова.

Он идёт на исповедь.

Храм в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы построен в традиционном русском православном стиле — с луковичными куполами и белёными стенами. Это один из главных приходов Кольцова. Сюда ходят и жители наукограда, и учёные, и сотрудники государственной лаборатории.

Учёный встречается со священником в небольшом, частично отгороженном уголке церкви.

— Простите меня, отец, ибо я согрешил, — говорит он.

Он замолкает.

А потом вдруг выпаливает:

— Это я устроил взрыв в лаборатории.

Священник молча слушает его исповедь.

Лаборатория, в которой он работает на территории института «Вектор», официально занимается только исследованиями вакцин, объясняет учёный.

Но на самом деле там ведутся и незаконные программы биологического оружия.

*Русская православная церковь в Кольцове, Сибирь, Россия.
(Создано Джеттом Якобсеном с помощью модели генерации изображений OpenAI.)*

— Я работаю в одной из таких программ, — признаётся учёный.

Он говорит, что знает: это неправильно. Но всё равно продолжает. Хорошо платят. Работа престижная.

— Очень легко убедить себя, что раз это делают другие, значит, должен делать и ты, — говорит он.

История знает бесчисленное множество подобных самооправданий.

Священник слушает.

Самообман — могучая сила.

— Пройшей ночью я решил уничтожить то, над чем работал. Но всё пошло не так. Я хотел устроить небольшой пожар. А получился взрыв. Я убежал.

Священник кивает. О вчерашней аварии на «Векторе» он уже слышал. Городок маленький. К утру слухи поползли по «ВКонтакте» — российскому аналогу Facebook.

— Если меня поймают, меня арестуют.

Или убьют, — думает священник.

Пока учёный исповедуется, под кожей у него начинает разливаться странное тепло, лёгкое покалывание. Центральную нервную систему захлёстывает неестественная волна эйфории, вызванная выбросом эндорфинов.

Он ещё не знает, что, торопясь уничтожить биологическое оружие, над которым работал, случайно заразил самого себя.

Священник спрашивает, не осталось ли у него чего-то ещё, в чём он хотел бы исповедаться.

— То, над чем я работал... могло вырваться наружу.

Учёный не говорит священнику, что работал над генетически модифицированным вариантом чумы — смертельным патогеном, искусственно сделанным более вирулентным и способным легче передаваться через лёгкие.

Лёгочная чума.

Священник отпускает ему грехи.

— Что сделано, то сделано, — говорит он.

Учёный тяжело, протяжно выдыхает. Прочищает горло. Кашляет.

В естественных условиях, когда человек, заражённый лёгочной чумой, кашляет или чихает, крупные заражённые частицы вылетают наружу и вскоре оседают на землю.

Но здесь, в тесном полузакрытом уголке церкви, сотни миллионов частиц чумного возбудителя размером менее 5 микрон остаются висеть в воздухе.

Учёный выходит из церкви.

У выхода он проходит мимо следующего человека, ожидающего исповеди. Это молодой студент, учащийся за границей. На зимние каникулы он приехал домой к семье.

Студент входит в тот самый тесный уголок церкви, где только что стоял учёный.

И вдыхает взвешенные в воздухе частицы генетически модифицированного возбудителя чумы.

— Я подвёл отца, — говорит он священнику.

Он учится на подготовительной медицинской программе в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе.

— Я вроде как солгал семье. После выпуска я собираюсь остаться в Америке. На Западе у молодых больше возможностей.

— Это не грех, — отвечает священник. — Это выбор.

Студент облегчённо выдыхает.

И делает ещё один глубокий вдох.

В его лёгкие попадает новая порция возбудителя.

Такой путь передачи инфекции от человека к человеку называется цепочкой передачи.

В нашем сценарии учёный «Вектора» — это **поколение 0**, первичный случай, то есть первый заразившийся человек.

«Пациент ноль», которого также называют индексным пациентом, — это, согласно определению CDC, первый зарегистрированный случай во время вспышки, но не обязательно первый человек, который заразился.

Священник и студент-медик только что стали **поколением 1** — людьми, непосредственно заразившимися от поколения 0.

Те, кого вскоре заразят священник и студент, станут **поколением 2**.

Они, в свою очередь, заразят представителей **поколения 3**, те — **поколения 4**, и так далее.

Именно так заразная болезнь проходит путь от локальной вспышки к эпидемии, а затем — к глобальной пандемии.

Если только её не удастся остановить.

Студент выходит из церкви.

Он садится в такси и едет прямо в новосибирский аэропорт Толмачёво, расположенный примерно в двадцати пяти милях отсюда.

Поскольку в ДНК возбудителя чумы был встроен ген, вызывающий эндорфиновую эйфорию, ближайшие сутки он будет чувствовать себя превосходно — вплоть до того момента, когда симптомы уже невозможно будет не замечать.

В аэропорту Новосибирска он надевает маску N95.

Самолёты — гигантские фабрики микробов. Для этого не обязательно быть будущим врачом.

Его дешёвый билет из Новосибирска в Лос-Анджелес предусматривает две короткие пересадки. Значительную часть долгого пути к западному побережью США он спит.

За девяносто минут до Лос-Анджелеса его будит раздача завтрака. Он не ест — маска всё ещё на лице.

Он чувствует себя прекрасно. Отдохнувшим.

Странно возбуждённым.

Даже необычно общительным.

Выйдя из самолёта, он решает сначала заехать в общежитие, оставить вещи, а потом сразу отправиться в центр города, где бесплатно помогает бездомным, живущим в районе Скид-Роу.

■

Мэрия — Кольцово, Сибирь, Россия

Вскоре после того, как студент-медик покидает церковь, глава наукограда Кольцово передаёт заявление государственному информационному агентству ТАСС:

Накануне ночью во время плановых технических работ в институте «Вектор» произошёл взрыв. Биологически опасные вещества в инциденте не участвовали. Угрозы для жителей окружающих районов нет.

Это заявление почти дословно повторяет то, которое было опубликовано после взрыва на «Векторе» в сентябре 2019 года.

Одновременно, по указанию из Москвы, Russia Today публикует материал в интернете.

Журналист хвалит институт «Вектор» за передовые разработки вакцин, а также «за изучение эпидемий и общих вопросов иммунологии».

На другом конце света в Вашингтоне уже девять часов вечера, когда американское разведывательное сообщество начинает получать новую информацию.

Противоречивую.

И тревожную.

Управление MASINT Разведывательного управления Министерства обороны США — Рестон, штат Вирджиния

В подразделении MASINT в Вирджинии аналитики разведки по измерениям и физическим признакам фиксируют необычную активность по всему Кольцову.

Тайно размещённые датчики DIA — часть из них была установлена непосредственно на территории «Вектора» ещё много лет назад, другие находились в разных точках города — регистрируют резкие изменения физических сигнатур.

Показатели изотопных маркеров, характерных для масштабного распыления химических веществ, буквально зашкаливают.

Дистанционное зондирование и масс-спектрометрия подтверждают присутствие в воздухе диоксида хлора, паров перекиси водорода и надуксусной кислоты.

Это мощные стерилизующие вещества, применяемые для биологической дезактивации.

И сейчас ими активно пользуются.

Причём не только возле лаборатории BSL-4 на «Векторе», где произошёл взрыв.

Их применяют и в других районах Кольцова.

Даже вокруг небольшой православной церкви на окраине города уже работает группа дезактивации.

Сигнатуры говорят сами за себя.

Это не химические вещества, образовавшиеся при пожаре.

Они свидетельствуют о другом: **во всём городе развёрнута масштабная операция по биологической дезактивации.**

Министр обороны, засидевшийся допоздна в Пентагоне, получает эти данные в своём кабинете во внешнем кольце здания.

Он быстро просматривает сообщение.

Затем передаёт информацию советнику президента по национальной безопасности.

Пора срочно созывать Комитет руководителей — высших советников президента по вопросам биологической защиты.

Ситуационная комната Белого дома — Вашингтон, округ Колумбия

Ключевые члены президентского Комитета руководителей подключаются к экстренному совещанию по видеосвязи.

На Восточном побережье одиннадцать часов вечера.

С момента взрыва в лаборатории BSL-4 на «Векторе» прошло одиннадцать часов.

До пандемии COVID, возможно, прежде чем собирать подобное совещание, ещё немного подождали бы.

Теперь — нет.

Ошибки, допущенные во время пандемии, не должны повториться.

Если из лаборатории действительно что-то вырвалось наружу, это нужно остановить прежде, чем оно начнёт распространяться.

Белый Дом

Комитет руководителей — это группа высших советников президента, стоящая непосредственно под Советом национальной безопасности.

«В общих чертах, — объясняет доктор Элизабет Кэмерон, много лет проработавшая в Совете национальной безопасности, — Комитет руководителей — это ключевые фигуры кабинетного уровня, которые собираются вместе со всеми задействованными оперативными структурами, чтобы выработать единый подход к сложной проблеме национальной безопасности ещё до того, как к ней подключится президент». В отличие от Совета национальной безопасности, который возглавляет президент, заседания Комитета руководителей ведёт советник по национальной безопасности. Именно этот комитет координирует межведомственные действия на ранней стадии надвигающегося кризиса, чтобы президенту не приходилось лично вмешиваться в каждое первоначальное решение.

К видеосвязи подключены советник по национальной безопасности, министр обороны, директор ЦРУ, директор национальной разведки, государственный секретарь и президентский руководитель по биологической защите — должность неофициальная и в разные годы называвшаяся по-разному. Перед каждым лежит краткая записка с изложением ситуации.

Советник по национальной безопасности открывает совещание и вкратце напоминает о взрыве на «Векторе», произошедшем одиннадцать часов назад. Затем слово берёт директор ЦРУ.

Директор ЦРУ: Институт «Вектор» был одним из ключевых центров советской программы биологического оружия. Мы считаем, что он остаётся им и сегодня.

Государственный секретарь: С высокой степенью вероятности подтверждается, что на «Векторе» хранятся особо опасные патогены в нарушение Конвенции о биологическом оружии.

Директор национальной разведки: В результате взрыва загорелось здание, в котором, как известно, расположена лаборатория максимального уровня биологической защиты. Спутниковые снимки двухчасовой давности показывают: началась дезактивация первого уровня — не только на территории «Вектора», но и в радиусе двух миль, то есть практически по всему городу.

Директор ЦРУ: Если утечка действительно произошла, у неё было уже одиннадцать часов, чтобы выйти за пределы объекта.

Руководитель по биологической защите: И распространиться.

Государственный секретарь: Наше посольство в Москве направило срочный запрос. Нам не отвечают.

Министр обороны: Военные средства наблюдения подтверждают: дезактивацию проводят подразделения российских войск РХБЗ.

Директор ЦРУ: Учитывая перечень патогенов, хранящихся на «Векторе», мы вполне можем столкнуться с ситуацией хуже Уханя.

Советник по национальной безопасности: Когда мы докладываем президенту?

Министр обороны: Сначала обсудим, что мы можем сделать, чтобы положение не ухудшилось.

Советник по национальной безопасности: Вариантов у нас немного.

Министр обороны: Один есть.

И его нужно обсудить.

Не все участники совещания понимают, что именно имеет в виду министр обороны. Но директор ЦРУ понимает.

Как и во многих прежних администрациях, у директора ЦРУ и министра обороны разные взгляды на применение военной силы для предотвращения возможного инцидента с оружием массового поражения.

Директор ЦРУ, потрясённо: Вы ведь не всерьёз.

Министр — вполне всерьёз.

В комнате повисает напряжение. Взгляды встречаются.

О чём они говорят?

Министр обороны наконец произносит:

— **Есть ядерный вариант.**

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Ядерный вариант

Испытательное сбрасывание малозаметным бомбардировщиком В-2 ядерной бомбы В61-11, предназначенной для поражения глубоко заглублённых целей, таких как лаборатории биологического оружия. (Sandia National Laboratories)

Во времена администрации Билла Клинтона, а затем — по меньшей мере — и при Джордже Буше-младшем Министерство обороны США разрабатывало планы нанесения ядерного удара по «известному или предполагаемому» объекту биологического оружия.

Главный довод в пользу применения ядерного оружия, а не массированного удара обычными боеприпасами, заключался в следующем: чудовищные температуры, возникающие в эпицентре ядерного взрыва — сравнимые с температурой в центре Солнца, — должны были мгновенно испепелить все патогены внутри объекта, прежде чем они успеют разнестись по ветру.

На военном языке это называлось **снижением аэрозольной угрозы**.

Причём в прошлом такая директива предусматривала и превентивное применение: Пентагон мог нанести ядерный удар по лаборатории биологического оружия ещё до того, как Соединённые Штаты подверглись непосредственной атаке.

Как сейчас — в нашем сценарии.

В 1990-е годы министр обороны Клинтона Уильям Перри, позднее ставший убеждённым сторонником ядерного разоружения, первоначально поддерживал идею подобного превентивного удара.

Он считал биологическое оружие настолько чудовищным, что США должны иметь возможность опираться на концепцию так называемой «превентивной обороны».

К тому времени Перри уже уже знал секретные данные о советской программе «Биопрепарат», ещё до того как о ней стало известно широкой публике. Его потрясло, что в 1980-е годы советские учёные тайно и незаконно создавали новый класс биологического оружия — в том числе генетически модифицированные химерные агенты, способные, например, сделать вирус Эбола передающимся по воздуху или создать сверхчуму.

Это было оружие, которое, по словам бывшего заместителя руководителя программы Кена Алибека в показаниях Конгрессу, «могло унести жизни миллионов людей».

Эти сведения заставили Перри увидеть в биологическом оружии угрозу, которую практически невозможно сдержать.

И мыслить предельными категориями.

«Этот новый класс несдерживаемых угроз может оказаться безумнее, чем MAD», — говорил Перри студентам Гарварда в 1996 году.

MAD — доктрина гарантированного взаимного уничтожения.

Под «несдерживаемым» Перри имел в виду угрозу, которую нельзя предотвратить обычной логикой устрашения: невозможно сказать противнику «не смей применять против нас

биологическое оружие, иначе мы ответим тем же и гарантируем взаимное уничтожение», потому что биологическое оружие запрещено и официально его вообще не должно существовать.

Но у некоторых государств оно есть.

И другие хотят его получить.

Отсюда и возник сверхсекретный президентский вариант применения ядерного оружия против объекта биологического оружия — предположительно в рамках так называемой Presidential Emergency Action Directive, PEAD, президентской директивы чрезвычайных действий.

После терактов 11 сентября эта идея снова вышла на первый план. Когда ЦРУ выяснило, что «Аль-Каида» ведёт собственную программу биологического оружия под руководством Аймана аз-Завахири — её главного идеолога, стратега и врача, — вариант ядерного удара вновь начали рассматривать всерьёз.

В 2005 году председатель Объединённого комитета начальников штабов генерал Ричард Майерс санкционировал секретную программу, допускавшую превентивный ядерный удар по объекту биологического оружия, если Пентагон получит сведения о «непосредственно готовящейся атаке с применением биологического оружия противника, последствия которой можно безопасно устранить только ядерным оружием».

О существовании этой программы стало известно почти случайно. Проект документа под названием *Doctrine for Joint Nuclear Operations* обнаружил на сайте Пентагона консультант Совета по защите природных ресурсов Ханс Кристенсен.

«Я нашёл его на сайте Пентагона», — рассказывал он.

Министерство обороны было далеко не в восторге. Документ никогда не предназначался для широкой публики. Последствия дошли до Капитолийского холма, где программу связали с новым проектом ядерного боеприпаса — Robust Nuclear Earth Penetrator, RNEP, что вызвало проверку Конгресса и было названо «самой спорной ядерной программой за последние несколько лет».

Национальная академия наук предупреждала: применение ядерного оружия рядом с городскими районами может привести к гибели от тысяч до более чем миллиона человек.

Союз обеспокоенных учёных называл уже несколько миллионов.

Причина проста: лаборатории биологического оружия почти всегда располагаются либо в городах, либо рядом с ними.

Программа Robust Nuclear Earth Penetrator была официально закрыта. Но её разновидность — программа ядерного «разрушителя бункеров» — сохранилась.

Речь идёт о ядерной бомбе B61-11. Её можно подготовить к загрузке на малозаметный бомбардировщик B-2 примерно за час.

Если президентская чрезвычайная директива о применении ядерного оружия против объекта биологического оружия действительно существует, то широкой публике о ней знать не полагается.

Все PEAD засекречены.

Ни один из них никогда не публиковался.

Но если рассмотреть факты, становится ясно: применение ядерного оружия против объекта вроде «Вектора» практически бессмысленно — если только удар не нанесён заранее.

А это уже безумие.

Не потому, что ядерный взрыв не уничтожит сам объект.

Уничтожит.

Проблема в другом.

К тому моменту, когда патоген уже вырвался из лаборатории и начал распространяться среди населения, почти наверняка будет слишком поздно.

■

Ситуационная комната Белого дома — Вашингтон, округ Колумбия

В Белом доме члены Комитета руководителей заканчивают слушать изложение министром обороны ядерного варианта.

Общее мнение складывается быстро:

ядерный вариант неприемлем.

Он почти наверняка вызовет ответный ядерный удар, а тот, в свою очередь, с огромной вероятностью приведёт к полномасштабной ядерной войне.

Приближается полночь.

Члены Комитета решают внимательно следить за развитием ситуации и доложить президенту утром.

Советник по национальной безопасности: А пока мне нужно хоть одно предложение, которое можно реально осуществить.

У государственного секретаря такое предложение есть.

Государственный секретарь: Давайте попробуем связаться с Россией через Центр снижения ядерной опасности.

Речь идёт о National and Nuclear Risk Reduction Center — центре Госдепартамента США, который круглосуточно, 365 дней в году, поддерживает защищённую связь с Россией и другими ядерными державами, чтобы снижать риск эскалации кризисов, ошибочных расчётов и случайной войны.

■

Государственный департамент США — Вашингтон, округ Колумбия

Помощник государственного секретаря по вопросам контроля над вооружениями, сдерживания и стратегической стабильности звонит в Москву.

В Вашингтоне полночь.

В Москве — утро.

С момента аварии прошло двенадцать часов.

Время идёт.

«Если удаётся справиться с лабораторной утечкой в первые двенадцать-двадцать четыре часа, исход может быть совершенно иным», — говорит доктор Роберт Кадлек.

Кадлек — бывший военный врач BBC и многолетний советник президентов США по вопросам биотерроризма. Во время пандемии COVID он был одним из ключевых руководителей операции Warp Speed — государственной программы, в рамках которой были разработаны, произведены и распределены по территории США 977 миллионов доз вакцины против COVID-19.

«Если бы в российской лаборатории BSL-4 произошла авария, — говорит Мэллори Стюарт, много лет проработавшая в Госдепартаменте США и занимавшая в 2021–2025 годах должность помощника госсекретаря по контролю над вооружениями, сдерживанию и стратегической стабильности, — мы запросили бы информацию и предложили помощь».

Именно поэтому в нашем сценарии помощник госсекретаря сейчас ждёт на защищённой телефонной линии, пока к разговору подключат её российского коллегу.

Через несколько минут ей сухо сообщают:

его нет на месте.

«Связаться с Россией в такой ситуации критически важно, — говорит доктор Элизабет Кэмерон о первых часах после лабораторной утечки. — Критически важно именно потому, что в этот момент ещё можно что-то сделать... Ещё есть шанс повлиять на локализацию вспышки».

Кэмерон знает, о чём говорит: занимая пост старшего директора по глобальной безопасности в сфере здравоохранения и биологической защите при Совете национальной безопасности Белого дома, она работала при четырёх советниках по национальной безопасности и трёх президентах.

Если смертельно опасный патоген действительно случайно вырвался наружу, обмен информацией — или даже простая просьба о помощи — значительно повышает шансы взять ситуацию под контроль.

Карантин, отслеживание контактов и другие меры позволяют локализовать заражённую группу и остановить пандемию ещё в самом начале.

«Кольцово — не Пекин», — замечает доктор Кэмерон.

То есть изолировать двадцать тысяч жителей Кольцова теоретически возможно.

Изолировать же такой мегаполис, как Пекин, с населением в двадцать два миллиона человек, практически нереально.

Но в этих словах скрывается и более тревожная мысль — угроза, которая подобно дамоклову мечу висит над всеми нами.

Сегодня многие лаборатории BSL-4 построены непосредственно в городах или рядом с мегаполисами, где живут миллионы людей.

Некоторые лаборатории BSL-4, расположенные в крупных населённых центрах

Агломерация (оценка на 2025 г.)	Население	Лаборатория BSL-4	Примечания
Токио, Япония	~37 млн	Национальный институт инфекционных заболеваний (NIID), Мусасимураяма	Единственная действующая лаборатория BSL-4 в Японии расположена в пределах Токийской агломерации.
Йоханнесбург, Южная Африка	~6,5 млн	Национальный институт инфекционных заболеваний (NICD), Сандрингем	Лаборатория особо опасных вирусных патогенов, по данным NICD, является единственной лабораторией такого рода на Африканском континенте
Атланта, Джорджия, США	~6,3 млн	Центры по контролю и профилактике заболеваний	На территории комплекса CDC в Атланте действует несколько лабораторных блоков уровня BSL-4
Берлин, Германия	~4,7 млн	Лаборатория высокого уровня биологической защиты Института Роберта Коха	Единственный федеральный институт Германии в области медицины человека, располагающий лабораторией BSL-4.
Рим, Италия	~4,3 млн	Национальный институт инфекционных заболеваний «Ладзаро Спалланцани» (INMI)	. Национальная инфраструктура BSL-4 Италии используется для диагностики и исследований особо опасных патогенов.

В такой момент судьба мира вполне может зависеть от дипломатии. От способности двух противников — России и Соединённых Штатов — сотрудничать, а порой и действовать сообща.

Мэллори Стюарт из Госдепартамента знает по собственному опыту, что дипломатия действительно способна разрядить смертельно опасный кризис, связанный с незаконными запасами оружия массового поражения. В 2013 году Стюарт была ведущим юристом при подготовке российско-американского соглашения о ликвидации сирийской программы химического оружия — официально оно называлось **Российско-американская рамочная договорённость по уничтожению сирийского химического оружия**.

Шансы на успех были невелики. В Сирии бушевала жестокая гражданская война, а химическое оружие уже применялось против мирных жителей в окрестностях Дамаска. Возможность американских ударов по Сирии всерьёз рассматривалась.

Но вместо этого Россия — главный покровитель Сирии в тот период — и Соединённые Штаты сумели действовать совместно и добиться того, чтобы Дамаск передал свой незаконный арсенал. Это был редкий случай, когда противники отложили разногласия ради того, чтобы не допустить дальнейшего применения оружия массового поражения.

«Это было нелегко», — говорит Стюарт.

Но дипломатия победила.

Теперь, когда слишком многое по-прежнему остаётся неизвестным, помощник государственного секретаря делает следующий ход.

Ещё есть шанс не дать плохой ситуации превратиться в катастрофическую.

Но Госдепартаменту приходится действовать чрезвычайно осторожно.

Все программы биологического оружия незаконны. Поэтому все они ведутся тайно — либо маскируются под разработку вакцин и иные научные исследования.

Если Россия действительно сохраняет и развивает программу биологического оружия на «Векторе» — а Госдепартамент США публично заявлял именно об этом, — вероятность того, что Москва согласится сотрудничать в расследовании после взрыва, невелика.

Но в Вашингтоне понимают и другое: выброс особо вирулентного патогена, даже случайный, способен запустить пандемию не только в России, но и во всём мире, если меры локализации не будут немедленными и всеобъемлющими.

Особенно если патоген был генетически модифицирован так, чтобы обходить существующие методы лечения.

Помощник госсекретаря выходит из кабинета, проходит по коридору, минует несколько массивных дверей с усиленной системой безопасности и входит в Национальный центр снижения ядерной опасности — Негс, как его называют здесь.

Этот сверхзащищённый центр связи служит своего рода диспетчерской по вопросам контроля над вооружениями — местом, откуда поддерживаются электронные каналы связи с иностранными правительствами, прежде всего с Россией.

Формально Негс был создан в 1987 году. Первоначально его задача была ядерной: снизить риск ядерной войны, вызванной ошибкой связи, неверным толкованием намерений или смертельным сочетанием того и другого.

Но в конце 1990-х и начале 2000-х, по мере роста угрозы биологического терроризма, центр начал заниматься и рисками, связанными с биологическим оружием.

То, что изначально создавалось прежде всего для отношений США и России, со временем распространилось и на другие страны.

Китай к этой системе официально пока не присоединился.

«Негс действует как канал экстренной связи», — объясняет Стюарт.

Как электронная страховочная линия.

Способ для двух враждебных государств продолжать говорить друг с другом — хотя бы посредством одиночного звукового сигнала, который примерно раз в девяносто секунд передаётся туда и обратно.

Но в такой момент ставки слишком высоки, чтобы полагаться только на короткие электронные сигналы.

У помощника госсекретаря есть другой вариант.

Она останавливается перед стеной экранов.

Через каждые несколько минут в почти безмолвном помещении вновь раздаётся характерный электронный звук.

Сигнал. Тишина. Сигнал.

Простейший звук, придуманный затем, чтобы конец света не произошёл по ошибке.

Перед стеной компьютерных мониторов в эту январскую ночь сидят несколько сотрудников, свободно владеющих двумя языками.

Каждый из них прекрасно понимает, какая невероятная сила заключена в этом коротком, почти примитивном звуке.

В эпоху войн, которые могут начаться нажатием кнопки, и генетически модифицированных патогенов люди, работающие в Nerc, знают: эта крошечная комната вполне может оказаться последним рубежом перед катастрофой масштаба Армагеддона — событием, способным поставить человечество на грань исчезновения.

С момента взрыва на «Векторе» прошло чуть больше двенадцати часов.

Помощник государственного секретаря знает, что делать дальше.

Дипломат Роуз Готтемёллер объясняет:

«Если среди ночи мне по какой-то причине необходимо срочно связаться с Российской Федерацией, Nerc доступен всегда — двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю».

Готтемёллер считается одним из самых влиятельных переговорщиков XXI века в области контроля над вооружениями. В прошлом она также руководила Nerc и занимала пост заместителя генерального секретаря НАТО.

«Если нам потребуется связаться с Россией по поводу биологического инцидента, отправка такого уведомления вполне входит в задачи Nerc», — говорит она.

Отработанные протоколы Nerc гарантируют, что канал связи остаётся открытым постоянно.

Как формулирует Стюарт, главный принцип здесь — сохранять возможность **«говорить о том, как продолжать говорить»**.

В момент крайнего кризиса одиночный электронный сигнал может смениться несколькими короткими словами.

Большинство таких сообщений засекречено.

Но одно — нет.

Его текст висит на стене в рамке.

Это произошло спустя всего несколько часов после терактов 11 сентября.

«Канал прямой связи между военными был отключён», — рассказывает Готтемёллер.

И в тот момент острейшего кризиса Nerc передал своим коллегам в Москве следующее сообщение:

В настоящее время Соединённые Штаты переведены на уровень DEFCON 3. Это не направлено против России; данная мера вызвана текущей чрезвычайной ситуацией.

Это было четверть века назад.

Но и в 2022 году, в первые крайне опасные дни войны в Украине, между операторами Nerc и их российскими коллегами тоже происходил обмен словами.

«Напряжение было чрезвычайным», — вспоминает Стюарт.

Президент Владимир Путин только что перевёл весь российский флот атомных подводных лодок с ядерным оружием на борту в то, что он назвал **«особым режимом боевого дежурства»**.

Примерно в то же время он направил Западу злое предупреждение: любой, кто попытается «помешать нам», столкнётся с «такими последствиями, с которыми вы в своей истории ещё никогда не сталкивались».

И именно в этот момент военной враждебности Nerc, находившийся в ведении Мэллори Стюарт, связался с российской стороной в Москве.

— Как у вас проходит день? — спросил американский дежурный офицер.

«Мы получили вежливый ответ», — рассказывает Стюарт, впервые раскрывая этот эпизод.

Сам факт словесного ответа был «хорошим знаком».

Теперь помощник государственного секретаря спрашивает дежурного офицера, поступали ли после взрыва какие-либо сообщения помимо обычных электронных сигналов.

Ответ — нет.

Она приказывает ему связаться с российским коллегой.

Дежурный набирает простую фразу.

Как у вас проходит день? — спрашивает он по-русски.

И ждёт ответа.

На этот раз слов, способных успокоить, не приходит.

Только один короткий электронный сигнал.

Сигнал, который должен означать:

Мы не воюем.

Информация Госдепартамента уходит вверх по цепочке командования — в Белый дом.

Дипломатические попытки либо отвергнуты, либо встречены молчанием.

Реальных вариантов остаётся немного.

По сути — наблюдать и ждать.

Если лабораторная утечка действительно произошла, окно возможностей для её локализации стремительно закрывается.

День второй

Кольцово, Сибирь, Российская Федерация

После исповеди у священника учёный «Вектора» уходит в лес.

К этому времени действие генетически запрограммированной эйфории уже прошло. Начались симптомы чумы. Он наконец осознаёт весь масштаб содеянного.

Он решил покончить с собой и пришёл в свою лесную избушку именно для этого.

Учёный садится прямо в снег. Рядом лежит винтовка. На улице 5 градусов по Фаренгейту — минус 15 по Цельсию. Пальцы рук и ног обморожены, а боль во всём теле почти невыносима. Его лёгкие заполнены некротической тканью. Он буквально захлёбывается чумой. Сознание спутано. Он снова и снова трогает лоб, пытаясь понять, откуда исходит ощущение, будто в голову вонзили ледоруб.

Он вскрикивает.

Кашляет кровью на белый снег.

Потом встаёт и идёт дальше. Он уже не помнит, зачем пришёл сюда. Бросает винтовку и, шатаясь, продолжает брести.

Через несколько десятков метров падает и теряет сознание.

Когда он приходит в себя, над ним стоят несколько мужчин и смотрят вниз. Один наклоняется, вытирает ему лицо тканью, зажимает нос, надавливает на грудную клетку и начинает вдыхать воздух ему в рот.

Незнакомец делает сердечно-лёгочную реанимацию.

— ¡Respirar! — кричит он по-испански. — Дыши!

— ¡Respirar!

Мужчины, окружившие учёного «Вектора», — иностранные охотники.

Десять человек, приехавших на трофейную охоту.

Мужчина, делающий учёному искусственное дыхание, — предприниматель из Доминиканской Республики, страны в Карибском море на острове Гаити, который Доминикана делит с Республикой Гаити.

В эту охотничью поездку с ним приехали двое сыновей студенческого возраста. Накануне один из них застрелил волка.

Несколько охотников по очереди несут умирающего учёного обратно к охотничьему домику. Путь долгий и тяжёлый.

Учёный явно смертельно болен. За тканью, которой ему повязали лицо, он продолжает кашлять кровью.

Некоторые остальные стараются держаться подальше, боясь заразиться.

Среди них — единственный американец в группе, нефтяник средних лет из Далласа, штат Техас.

К охотничьему домику приезжает машина лесной службы и увозит учёного.

Это последний день охоты.

Все десять охотников ужинают вместе в одном большом зале.

Пользуются одной и той же сауной.

Одной и той же парной.

Рано утром они все вместе едут в небольшом микроавтобусе в аэропорт Новосибирск Толмачёво.

К этому моменту **все десять уже заражены генетически модифицированной лёгочной чумой.**

Из-за различий в полученной дозе бактерий и других факторов, влияющих на инкубационный период, симптомы у каждого из них проявятся по-разному — в течение ближайших одного-трёх дней.

■ Аэропорт Новосибирск Толмачёво — Сибирь, Россия

В аэропорту семеро из десяти охотников садятся на коммерческие рейсы, которые доставят их на шесть из семи континентов Земли.

Европа

Азия

Северная Америка

Южная Америка

Африка

Австралия

Большинство охотников возвращаются домой, в разные страны мира. Некоторые продолжают путешествие дальше.

Самый пожилой из группы, восьмидесятилетний судья из Германии, летит в Йокогаму, Япония, где встретится со своими двумя дочерьми и поднимется на борт круизного лайнера *Diamond Princess*, отправляющегося в новогоднее плавание.

Другой охотник, испанский коллекционер произведений искусства, направляется на Кипр на аукцион.

Тем временем доминиканский предприниматель и двое его сыновей садятся в частный самолёт, который доставит их домой, на Карибы.

Они поднимаются по трапу в свой **Gulfstream G650ER**, устраиваются в широких кожаных креслах и взлетают.

На таком самолёте межконтинентальное путешествие может быть невероятно быстрым. Этой модификации даже не потребуется дозаправка.

Через двенадцать часов пятнадцать минут они будут дома.

После заражения инфекционной болезнью проходит некоторое время, прежде чем появляются симптомы.

Это называется **инкубационным периодом**.

Он неодинаков у разных людей, даже если они заразились от одного и того же человека примерно в одно и то же время.

Большое значение имеет доза вируса или бактерии, попавшая в организм. Важны и сила иммунной системы, обмен веществ, возраст и генетика. Сопутствующие заболевания тоже могут ускорять или замедлять развитие инфекции.

Влияют даже химические факторы — например, принимает ли человек антибиотик от другой болезни в тот самый момент, когда вдыхает находящиеся в воздухе бактерии.

Из всех десяти охотников наибольшую дозу бактерий получил доминиканский предприниматель — непосредственно в лёгкие, когда делал учёному искусственное дыхание рот в рот.

Именно этот **добрый самаритянин** станет первым человеком за пределами Сибири, который заболеет и умрёт.

Пациентом ноль Доминиканской Республики.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Тифозная Мэри

В 1907 году, ещё до печально знаменитой истории Тифозной Мэри, представления человечества о передаче инфекционных заболеваний сильно отличались от сегодняшних.

Настоящее имя Тифозной Мэри было **Мэри Маллон**.

Она родилась в Ирландии, эмигрировала в Соединённые Штаты и работала поваром, когда стала первым человеком, которого американские органы здравоохранения официально признали **бессимптомным носителем инфекции**.

Само представление о бессимптомном заражении — о том, что человек может переносить и передавать болезнь, не имея никаких симптомов, — существовало ещё в древности, когда врачи говорили о «скрытых носителях».

Но официально американская медицина признала это явление лишь после истории Мэри Маллон, которая заразила брюшным тифом как минимум 122 человека, сама при этом не проявляя никаких признаков заболевания.

Для общественного здравоохранения это стало переломным моментом.

В медицинский словарь вошло понятие «**носительство**».

Открытие изменило эпидемиологию, которая продолжает развиваться и сегодня.

Эпидемия полиомиелита, достигшая пика в США в начале 1950-х, дала новое понимание бессимптомной инфекции.

По данным CDC, «у большинства заражённых полиовирусом не будет никаких видимых симптомов». Паралич рук и/или ног развивается менее чем у одного процента инфицированных.

Тем временем бессимптомные носители незаметно передают вирус другим людям, поддерживая распространение болезни.

Эпидемия ВИЧ/СПИДа, начавшаяся в США в начале 1980-х, заново определила понятие хронической инфекции: человек может быть заражён годами, прежде чем проявятся симптомы.

Во время пандемии COVID представления о бессимптомной передаче, длительной инфекции и латентности получили дальнейшее развитие.

В начале пандемии CDC и Всемирная организация здравоохранения отвергали идею о том, что заражённый человек может оставаться бессимптомным.

Лишь позднее исследования показали, что около 40 процентов инфицированных SARS-CoV-2 могли быть скрытыми носителями.

Эти показатели продолжают пересматриваться.

С чумой всё иначе.

«Насколько нам известно, бессимптомных носителей чумы не существует, — говорит бывший бактериолог USAMRIID доктор Генри Хайне. — Советская идея построить ген эйфории в *Yersinia pestis* была, пожалуй, самым близким способом искусственно создать продолжительный период скрытой передачи».

На длительность инкубационного периода могут влиять и другие обстоятельства — например, если человек как раз заканчивает курс антибиотиков от другой болезни. Но, как говорит бывший адмирал Бретт Джируар, занимавший должность помощника министра здравоохранения США, «трудно сказать», насколько велик этот эффект.

То, как человеческий организм справляется с болезнью, во многом остаётся загадкой.

«Иммунная система человека столь же загадочна, как мозг, — говорит доктор Хайне, посвятивший жизнь изучению чумы. — Мы не знаем до конца, как она работает. А тот, кто утверждает, что знает, — лжёт».

Но в одном Хайне уверен:

иммунитета к лёгочной чуме нет ни у кого.

Если возбудитель проник в лёгкие и антибиотики не будут приняты в течение двадцати четырёх часов, человек умрёт.

А когда речь идёт о генетически модифицированном варианте высокочрезвычайно заразной лёгочной чумы, история начинает писаться заново.

■

Санто-Доминго, Доминиканская Республика — Карибский регион

К концу второго дня предприниматель и двое его сыновей приземляются в Санто-Доминго, столице Доминиканской Республики, где они живут.

Все трое испытывают эйфорию.

Каждый из них находится ещё в первые двадцать четыре часа после заражения.

Ни у одного нет ни малейшего основания подозревать, что они заражены генетически модифицированной чумой.

Чувствуя себя превосходно, они отправляются в спортзал **Gold's Gym** на авеню Уинстона Черчилля в центре Санто-Доминго — размяться после долгого перелёта.

Они занимаются в переполненном зале рядом более чем с двумястами людьми.

В условиях тесноты и плохой циркуляции воздуха скорость передачи инфекции резко возрастает, и, согласно расчётам сценария, около ста человек заражаются.

После тренировки трое мужчин принимают душ и переодеваются.

Затем отправляются в популярное **Hard Rock Cafe Santo Domingo**.

Там они едят и пьют в окружении примерно 250 посетителей — и заражают ещё сто или более человек.

К концу вечера предпринимателю и его сыновьям становится резко хуже.

Так складываются обстоятельства, что эта небольшая островная страна станет первым регионом за пределами Кольцова и Новосибирска, где начнётся массовая гибель людей от биологического оружия, созданного в российской лаборатории за семь тысяч миль отсюда.

Инфекционные болезни распространяются по миру со скоростью человеческих путешествий.

Так было всегда.

В XIV веке распространение Чёрной смерти ограничивалось скоростью передвижения людей: караваны и корабли преодолевали в среднем лишь от одной до трёх миль в день.

Сегодня человек способен менее чем за сутки преодолеть треть земного шара.

Или за двенадцать часов пятнадцать минут — если у него есть частный самолёт.

День третий

Национальное управление военно-космической разведки — Шантильи, Вирджиния

NRO продолжает наблюдать за Кольцовом.

На Восточном побережье США уже немного за полдень. Начинается третий день после взрыва на «Векторе».

На земле происходит что-то новое.

Спутниковые снимки большой территории показывают резкое оживление.

К городу движется бронетехника.

В радиусе пяти миль вокруг «Вектора», на всех подъездных дорогах, выставлены блокпосты.

Въезд запрещён.

Выезд запрещён.

Военные создают зону отчуждения.

Ни людей, ни гражданских машин на дорогах не видно.

Двигается только государственный транспорт.

Общественное сообщение с наукоградом Кольцово полностью прекращено.

Вся гражданская активность внутри зоны, похоже, остановлена.

Кольцово находится под военным карантином.

Сотрудники NRO загружают спутниковые изображения в JWICS.

Для военных и разведчиков увиденное означает одно из двух:

либо русские *думают*, что наружу вырвалось нечто смертельно опасное,

либо они **точно знают**, что это произошло.

Штаб-квартира Центрального разведывательного управления — Лэнгли, Вирджиния

В зелёных пригородах Лэнгли небо затянуто тучами, стоит пронизывающий холод.

В штаб-квартире ЦРУ ведущий аналитик Отдела по противодействию распространению, отвечающий за ситуацию на «Векторе», спит прямо в кабинете — на раскладушке.

Всю ночь он следил за событиями в районе Новосибирска.

Внезапно его будит электронный сигнал.

Новое сообщение в Signal.

Это необработанная разведывательная информация — то, что называют донесением источника.

Сообщение пришло от агента на месте.

От рабочего, ухаживающего за территорией «Вектора».

Один из охранников, работавший в ночную смену, не выходит на связь со времени аварии.

Через Signal аналитик получает его фамилию и указание проверить определённый аккаунт во «ВКонтакте» — российском аналоге Facebook.

Он использует засекреченную версию интернет-архива Wayback Machine, доступную разведывательному сообществу, и находит групповую переписку пользователей VK.

Это разговор жителей Кольцова, начавшийся утром после взрыва.

Родные и друзья обсуждают исчезнувшего охранника.

Кто-нибудь что-нибудь знает?

Ничего.

Молчание — плохой знак.

Молчанием часто что-то скрывают.

Он всегда отвечает мне, когда я ему пишу.

Переписка продолжается и на второй день после взрыва. Несколько пользователей делятся тревожными слухами.

Машины с дезинфицирующим раствором поливают улицу возле «Дядя Дёнер».
Двое мужчин в защитных костюмах закрыли «Пятёрочку», тот большой супермаркет.
Моя двоюродная сестра видела, как скорая мчалась без сирены.
Железнодорожная станция закрыта.

А затем переписка внезапно обрывается.

Всё, что связано с этой темой, удаляют одновременно.

Аналитик ЦРУ сохраняет электронную копию восстановленных сообщений.

И звонит начальнику по защищённой линии.

Аналитик ЦРУ: Местные называют то, что произошло на «Векторе», «Чернобылем с микробами».

Штаб-квартира Агентства национальной безопасности — Форт-Мид, Мэриленд

В NSA специалисты по радиоэлектронной разведке фиксируют серьёзные изменения в коммуникациях вокруг Кольцова.

Мобильная связь прервана.

Интернет больше не работает.

Входящие и исходящие коммуникации глушатся из Москвы.

В офисе NSA в Мэриленде, всего в паре рабочих мест от них, аналитик-криптолингвист прослушивает совещание высокого уровня в Кремле и перехватывает важную новую информацию.

Когда-то сам факт того, что США способны таким образом прослушивать Москву, был одной из наиболее ревностно охраняемых государственных тайн.

Но после разоблачений Эдварда Сноудена в 2013 году и последующих многочисленных публикаций о возможностях SIGINT подобные сведения почти перестали удивлять.

В разговоре представителей Министерства обороны в Москве аналитик перехватывает запрос Главного военно-медицинского управления — ГВМУ — на **«мобильную систему кремации»**.

Полевой крематорий.

Аналитик составляет записку:

«В Кольцове кремируют тела».

«Ожидается высокая смертность», — говорит один российский военный другому.

Информация немедленно уходит по секретной системе JWICS.

Новосибирск, Сибирь, Российская Федерация

В Сибири уже поздняя ночь, когда в Telegram появляется запись пресс-конференции, состоявшейся несколькими часами ранее.

Перед журналистами выступает представитель органов здравоохранения промышленного мегаполиса Новосибирска, расположенного примерно в двенадцати милях от «Вектора».

Население Новосибирска — около 1,6 миллиона человек. Это третий по величине город России после Москвы и Санкт-Петербурга.

Чиновник стоит за трибуной перед небольшой группой журналистов, сидящих на пластиковых стульях.

Он сообщает, что у группы пациентов одной из местных больниц выявлено **атипичное заболевание, напоминающее пневмонию, неизвестного происхождения**, которое плохо поддаётся стандартному лечению.

Среди симптомов: жар, бред, одышка.

О случившейся двумя ночами ранее аварии на «Векторе» не говорится ни слова.

Ни слова и о лаборатории BSL-4, расположенной всего в двенадцати милях, на другом берегу реки.

Чиновник продолжает.

Исследования показывают, что атипичная пневмония у этих пациентов имеет бактериальное происхождение.

Обычную бактериальную пневмонию, как правило, лечат антибиотиками — доксициклином, гентамицином, ципрофлоксацином и другими.

Обычно выздоровление занимает от семи до четырнадцати дней.

Но «атипичная» означает именно **нетипичная**.

Аномальная.

Необычная.

В медицине слово «атипичная» редко означает что-то хорошее.

Иногда оно означает нечто очень плохое.

Но есть ещё более тревожная деталь.

Формулировки российского представителя здравоохранения почти дословно напоминают те, которые использовали китайские власти 31 декабря 2019 года, впервые сообщая об атипичном заболевании, напоминающем пневмонию.

Позже выяснилось, что его вызывает SARS-CoV-2 — вирус COVID.

По официальным данным Министерства обороны США, этот вирус заразил около 680 миллионов человек по всему миру и унёс 6,8 миллиона жизней, хотя оценки разных организаций, особенно по смертности, различаются.

На языке разведывательного сообщества подобное расплывчатое заявление официальных органов — при почти полной уверенности в том, что им известно гораздо больше, — называется **сигнатурой дезинформации**.

Это действие государства или негосударственного субъекта, направленное на то, чтобы скрыть или изменить восприятие истинной картины события.

И тут, ко всеобщему удивлению, чиновник объявляет, что ответит на несколько вопросов.

Один журналист поднимает руку.

— Насколько велика группа пациентов с этой атипичной пневмонией?

Сам вопрос звучит так, будто его заранее подготовили.

— Шестьдесят два человека, — отвечает чиновник.

Второй журналист спрашивает:

— Сколько умерло?

Тоже словно по сигналу.

— Шестнадцать.

В комнате возникает пауза.

Все мысленно считают.

Если число умерших разделить на число подтверждённых случаев, получится показатель летальности среди выявленных больных — *case fatality rate*, *CFR*.

На пике пандемии COVID этот показатель составлял примерно один процент: один умерший на сто заболевших. Но исходя из только что названных российским чиновником цифр, летальность при этой атипичной бактериальной пневмонии составляет невероятные для обычной пневмонии:

25,8 процента.

$$\text{Показатель летальности (\%)} = \frac{(\text{Количество умерших})}{(\text{Количество подтверждённых случаев})} \times 100$$

$$CFR = (16 \div 62) \times 100 = 25,8 \%$$

Ещё страшнее скорость, с которой болезнь поражает людей.

Если эта вспышка связана с аварией на «Векторе» — а американское разведывательное сообщество почти единодушно считает, что это так, — перед ними чрезвычайно вирулентная, крайне заразная инфекция, распространяющаяся с молниеносной быстротой.

— Мы имеем дело с очень серьёзной ситуацией, — говорит чиновник. — Поэтому все, у кого появились такие симптомы, должны немедленно обратиться в больницу.

На экране появляются данные лечебных учреждений.

Чиновник обещает предоставить дополнительную информацию, когда она появится.

Благодарит присутствующих. И уходит.

Европейское региональное бюро Всемирной организации здравоохранения — Копенгаген, Дания

В Копенгагене сотрудники Всемирной организации здравоохранения получают сообщение о вспышке в Сибири атипичного заболевания, напоминающего пневмонию, неизвестной этиологии и плохо поддающегося стандартному лечению.

Сообщение передают по внутренним каналам.

Причина в том, что у России больше нет странового офиса ВОЗ в Москве, который существовал там с 1998 года.

В 2023 году московское представительство было закрыто и перенесено в Копенгаген из-за нарастающей конфронтации России с Западом.

На языке ВОЗ слово «**атипичный**» фактически означает «**новый**».

А «новый» означает, что Россия столкнулась со вспышкой инфекционного агента, который прежде не выявлялся у людей.

COVID был новым.

Но «новый» означает ещё и следующее:

- патоген генетически отличается от известных организмов;
- у населения практически нет заранее сформированного иммунитета;
- скорее всего, не существует готового лечения или вакцины.

Задача Всемирной организации здравоохранения — обеспечивать глобальную безопасность в сфере здравоохранения и защищать её 194 государства-члена от чрезвычайных медицинских ситуаций.

Сюда относятся локальные эпидемии, глобальные пандемии и другие биологические угрозы, способные поставить под удар международную безопасность.

Получив известие, что новый штамм бактериальной пневмонии распространяется в Новосибирске — третьем по величине городе России, — сотрудники Европейского регионального бюро ВОЗ предпринимают несколько шагов.

ВОЗ/Европа запрашивает информацию и разрешение направить в Новосибирск экстренную группу поддержки.

В первые дни COVID аналогичную просьбу ВОЗ направляла китайским властям в Ухане.

Тогда доступ организации был заблокирован.

Кроме того, ВОЗ требует от России немедленно опубликовать генетический код патогена.

Геном микроорганизма становится своего рода чертежом, позволяющим обнаруживать, понимать и бороться с возбудителем.

Имея генетический код, учёные могут начать работу над антимикробными препаратами, вакцинами и другими медицинскими средствами противодействия.

Без него врачи не могут даже точно определить, с чем имеют дело.

А тем временем патоген продолжает распространяться.

Размножаясь, он неизбежно мутирует.

Цепочка передачи начинает расти взрывными темпами.

■

Национальное управление военно-космической разведки — Шантильи, Вирджиния

Аналитики NRO на Восточном побережье перенаправляют спутники, наблюдавшие за Москвой, на **Национальный исследовательский центр эпидемиологии и микробиологии имени Гамалеи** на северо-западе столицы.

Центр Гамалеи — одно из ведущих медицинских научно-исследовательских учреждений России.

Но сейчас важнее другое:

именно здесь была создана российская вакцина против COVID — **«Спутник V»**.

Для получения высокодетализированных изображений NRO использует быстро движущуюся группировку спутников на низкой околоземной орбите.

Их дополняют более современные созвездия малых спутников, позволяющие получать исключительно чёткие изображения поверхности Земли.

Изучая эти снимки, аналитики замечают вокруг Москвы новую активность, которая немедленно вызывает тревогу в американском разведывательном сообществе.

Колонна военных машин постоянно курсирует между Москвой и компанией **«Иммунотехнологии»** — фармацевтическим предприятием и государственным закупочным центром в пригороде, располагающим глубокозамороженными складами, способными вместить до десяти миллионов доз вакцины.

Идёт третий день после взрыва на «Векторе».

И всё выглядит так, словно Россия уже начала **массовую вакцинацию**.

■

Новосибирск, Сибирь, Россия

Солдат российских войск РХБЗ стоит перед бронированной разведывательной машиной, предназначенной для действий в условиях ядерного, химического и биологического заражения.

Сотрудник **Global Response Staff ЦРУ**, прикомандированный к посольству США в Москве, прибывает в Новосибирск с заданием тайно сфотографировать городские больницы. На северном берегу Оби, судя по всему, военные оцепили территорию в несколько кварталов.

Заграждения тянутся от оживлённой станции метро «**Маршала Покрышкина**» до Оперного театра на Красном проспекте. Внутри оцепленного района, на улице Семьи Шамшиных, находится **Городская инфекционная клиническая больница № 1 Новосибирска** — один из пяти медицинских объектов, включённых в список целей сотрудника американского посольства.

Вдали он замечает солдат, охраняющих главный и запасной входы. Вдоль дороги выстроилась военная техника.

Пациентов помещают на карантин.

Стараясь не привлекать внимания, он делает несколько снимков на iPhone.

Периметр охраняют военнослужащие российских **Войск радиационной, химической и биологической защиты — РХБЗ**, специализированного рода войск Вооружённых сил России, отвечающего за защиту от радиационных, химических и биологических угроз. На бойцах РХБЗ — полностью герметичные защитные костюмы, включая дыхательные аппараты замкнутого цикла.

Россия знает то, о чём пока не сообщила миру: **возбудитель передаётся по воздуху**

■ Ситуационная комната Белого дома — Вашингтон, округ Колумбия

Ситуационная комната Белого Дома

Пришло время доложить президенту.

В Вашингтоне 11 часов вечера.

В Ситуационной комнате Белого дома собрались члены Совета национальной безопасности: министры, высокопоставленные представители оборонного и разведывательного ведомств, а также избранные сотрудники аппарата президента по национальной безопасности. Каждому из них отведена своя роль в надвигающейся биологической катастрофе.

Их обязанности в целом распределены по нескольким направлениям.

Представители оборонного ведомства — министр обороны и председатель Объединённого комитета начальников штабов — консультируют президента и готовятся к худшим сценариям.

Руководители системы здравоохранения — директор CDC, министр здравоохранения и социальных служб, глава направления биологической защиты и главный санитарный врач США — должны установить природу патогена и остановить его распространение.

Руководители внутренней безопасности — министр внутренней безопасности и глава FEMA — отвечают за мобилизацию сил реагирования на чрезвычайные ситуации, защиту территории страны и безопасность границ.

Никто из присутствующих не способен точно предсказать, что произойдёт дальше. Но именно эти люди обязаны ввести президента в курс происходящего в Сибири и попытаться подготовить страну к тому, что может последовать.

За столом сидят и руководители американской разведки — директор ЦРУ и директор национальной разведки. Им предстоит доложить президенту, кто может стоять за произошедшим и каковы вероятные намерения противника.

Госсекретарь отвечает за дипломатическую сторону кризиса и возможные пути его урегулирования.

Здесь же находятся специалисты Министерства здравоохранения и социальных служб по медицинским средствам противодействия. Они должны консультировать президента по вопросам **Стратегического национального резерва** — засекреченного государственного запаса антибиотиков, вакцин, медицинских средств защиты и оборудования для больниц.

При биологическом инциденте или атаке в дело вступает поразительное количество должностных лиц — каждое ведомство со своей аббревиатурой.

Сегодня список выглядит так:

Советник президента по национальной безопасности руководит принятием решений на уровне Белого дома и координирует работу различных ведомств от имени президента.

Министр обороны отвечает за военные меры реагирования и оборону страны.

Государственный секретарь координирует дипломатические действия, взаимодействие с иностранными правительствами и международные меры реагирования.

Директор национальной разведки представляет сводные разведывательные оценки, объединяющие информацию всех разведывательных служб.

Директор ЦРУ руководит сбором зарубежной разведывательной информации, связанной с происхождением вспышки, установлением виновных и намерениями потенциального противника.

Министр внутренней безопасности координирует внутреннюю безопасность, пограничный контроль и действия федеральных служб внутри страны.

Председатель Объединённого комитета начальников штабов консультирует президента по вопросам военных операций и боеготовности вооружённых сил.

Министр здравоохранения и социальных служб обладает полномочиями на уровне кабинета министров в вопросах национального здравоохранения и медицинского реагирования.

Администратор Федерального агентства по чрезвычайным ситуациям — FEMA руководит ликвидацией последствий катастроф, логистикой и восстановительными операциями в рамках Министерства внутренней безопасности.

Глава направления биологической защиты является главным советником президента по биологическим угрозам и отвечает за выявление таких угроз, установление их происхождения и применение медицинских средств противодействия.

Помощник министра по стратегической готовности и реагированию руководит федеральной системой медицинской готовности и экстренными мероприятиями в сфере здравоохранения.

Директор Центров по контролю и профилактике заболеваний — CDC предоставляет научную экспертизу по патогену, эпидемиологии и стратегиям сдерживания инфекции.

Директор Управления перспективных биомедицинских исследований и разработок — BARDA отвечает за разработку и закупку вакцин и других медицинских средств противодействия.

Главный санитарный врач США доводит рекомендации органов здравоохранения до населения.

Совещание начинается с доклада советника по национальной безопасности, который вводит всех в курс последних событий. Президент бегло просматривает подготовленную записку и начинает:

Президент: Так. Значит, бактерия. И атипичная.
(Поднимает глаза.)
Почему просто не написать — «необычная»?

Президент пока ещё не осознал всей тяжести происходящего. Его мысли заняты тысячей других проблем: войны за пределами страны, войны внутри страны, войны в Конгрессе, войны в собственном доме, войны внутри его партии.

Директор CDC: Она передаётся по воздуху, сэр.

Президент: Ковид тоже передавался. Я всё ещё жив.

Глава биологической защиты: Летальность при ковиде составляла около одного процента. Здесь — 25,8 процента.

Директор национальной разведки: Россия до сих пор не признала, что на «Векторе» произошёл взрыв.

Министр обороны: Давайте сразу проясним. «Вектор» — это лаборатория максимального уровня биологической защиты BSL-4. И именно там находилась часть бывшей советской программы биологического оружия.

Директор ЦРУ: С высокой степенью вероятности мы исходим из того, что это биологическое оружие. Утечка из лаборатории.

Министр обороны: А значит, Россия лжёт во всём.

Директор ЦРУ: Реальное число погибших может оказаться намного выше.

Госсекретарь: Мы запросили информацию. Они отказываются отвечать.

Министр обороны: Если начнут погибать американцы, это будет акт войны.

Президент задумывается.

Президент: Почему я узнаю об этом только сейчас?

Все смотрят на министра обороны.

Министр обороны: У нас был ядерный вариант, сэр. Но окно возможностей уже закрылось.

Директор ЦРУ (уточняет): Теперь у нас есть разведанные, на основании которых можно действовать. Раньше их не было.

Директор национальной разведки: Наш источник внутри страны подтверждает: патоген распространяется воздушным путём, сэр.

Директор национальной разведки указывает на лежащую перед президентом фотографию.

Российские солдаты в противогазах охраняют больницу в Новосибирске.

Госсекретарь: Чтобы надавить на Россию и заставить её раскрыть информацию, нам нужны доказательства того, что они лгут.

Директор CDC: Пока у нас нет генетического кода, мы даже не знаем, с чем имеем дело.

Советник по национальной безопасности: Во время ковида Китай скрывал его несколько дней.

Министр здравоохранения и социальных служб (поправляет): Они неделями скрывали информацию, которая могла спасти жизни.

Министр обороны (поправляет): Месяцами.

Разговор возвращается к главному.

Глава биологической защиты: Пока у нас не будет реального, физического образца патогена, следует исходить из того, что никакой необходимой информации мы не получим.

Президент: Я хочу этот образец.

Директор национальной разведки показывает ещё одну фотографию на столе.

Спутниковый снимок.

Директор национальной разведки: Они готовятся к массовой вакцинации, сэр.

Директор ЦРУ: Классика биологической войны. По учебникам холодной войны.

Министр обороны (объясняя смысл стратегии): Вакцинируй своих — убей чужих.

Президент: Мы можем выяснить, от чего именно они прививаются?

Директор CDC: Работаем над этим.

Президент кривит губы и задумывается.

Президент: Сколько времени нам понадобится, чтобы сделать вакцину?

Министр здравоохранения и социальных служб: Несколько месяцев.

Глава ASPR: Или год.

Президент: Какие у нас варианты?

Председатель Объединённого комитета начальников штабов: Повысить уровень боевой готовности до DEFCON 4. Или 3.

Министр обороны: Министерство обороны опасается, что это может быть отвлекающий манёвр — признак внутреннего политического кризиса в России или прелюдия к более крупной провокации, цель которой — отвлечь внимание Соединённых Штатов.

Президент соглашается.

Министр здравоохранения и социальных служб вновь возвращает разговор к утечке из сибирской лаборатории.

Министр здравоохранения и социальных служб: Они заявили, что это бактерия. (Кивает в сторону главы ASPR.) ASPR начнёт распределение всех противомикробных препаратов из Стратегического резерва. (Кивает главе BARDA.) BARDA будет работать с фармацевтическими и биотехнологическими компаниями, чтобы привести производство в состояние готовности.

Директор CDC: Мы усилили мониторинг сточных вод.

Министр обороны: Они называют это новым патогеном.

Глава биологической защиты: «Новый» означает ранее неизвестный. В этом и заключается его атипичность, сэр.

Министр здравоохранения и социальных служб: Чтобы не было недопонимания, сэр: пока у нас не окажется образец самого патогена, мы не узнаем, какие антибиотики против него действуют, а какие — нет.

Президент кивает.

Советник по национальной безопасности: Белый дом подготовит общую информационную стратегию: подчёркивать наличие достоверных сообщений об аварии в российской лаборатории, подчёркивать готовность федеральных служб США и избегать спекуляций о том, что патоген мог быть превращён в биологическое оружие.

Министр обороны: Северное командование США проводит оценку риска для территории страны.

Президент: Мне нужны доказательства того, что Россия лжёт.

Понятно.

Президент: Через сколько он окажется у нас?

Директор ЦРУ: В худшем случае?

Президент кивает.

Директор CDC: Через несколько недель.

Министр здравоохранения и социальных служб: Через несколько дней.

Глава биологической защиты: А может быть, он уже здесь.

ЧАСТЬ III

КОГДА ОН ДОБЕРЁТСЯ, БУДЕТ ПОЗДНО

ДЕНЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

Скид-Роу — Лос-Анджелес, Калифорния

Над Скид-Роу в центре Лос-Анджелеса занимается рассвет.

Этот район занимает около пятидесяти городских кварталов — примерно половину квадратной мили. Тротуары заставлены палатками и самодельными укрытиями, сточные канавы забиты зловонным мусором. В любой день здесь, на Скид-Роу, можно встретить около **4 000 бездомных**.

Люди, не имеющие постоянного доступа к туалетам, мочатся у стен зданий и испражняются в переулках. Без нормальной медицинской помощи и элементарной гигиены Скид-Роу представляет собой настоящий кошмар для системы общественного здравоохранения.

«Такие плотные скопления уязвимых людей» становятся идеальной мишенью, говорит доктор Майкл В. Каллахан, специалист по инфекционным заболеваниям и всемирно известный охотник за вирусами.

«В приютах для бездомных и в других местах, где столь тесно живут уязвимые группы населения, практически не ведётся никакого эпидемиологического наблюдения. Эти люди почти полностью выпадают из поля зрения системы здравоохранения».

Как и любой лагерь бездомных в Соединённых Штатах, Скид-Роу можно считать тёмной изнанкой американской мечты.

«Мерилом нашего прогресса как нации является не то, прибавляем ли мы ещё больше к изобилию тех, у кого и без того много, — сказал президент Рузвельт в своей инаугурационной речи 1937 года, — а то, обеспечиваем ли мы необходимым тех, у кого слишком мало».

Лагерь бездомных — благодатная почва для распространения инфекций.

«Бездомные живут в условиях скученности и постоянно перемещаются между больницами, приютами и улицей», — пишет *Los Angeles Times*.

«Бездомные особенно подвержены риску заражения туберкулёзом, — говорит доктор Пол Греггерсон, главный врач одной из клиник на Скид-Роу. — Болезнь часто остаётся невыявленной из-за плохой гигиены и питания, ограниченного доступа к медицинской помощи и постоянных контактов с заражёнными людьми».

Именно этот кочующий характер уличной жизни неизбежно ускоряет распространение инфекции.

«Они переходят с места на место, и вероятность передать болезнь дальше становится гораздо выше, — добавляет доктор Греггерсон. — В результате уязвимыми становятся все».

В самом сердце этого социального бедствия, на пересечении 6-й улицы и Уолл-стрит в центре Лос-Анджелеса, полицейские врываются в палатку и обнаруживают **сорок три фунта кристаллического метамфетамина** — почти точное повторение того, что уже произошло здесь в сентябре 2024 года.

Когда-то изъятиями наркотиков такого масштаба занимался Отдел по борьбе с особо крупным оборотом наркотиков полиции Лос-Анджелеса. Но теперь подобные операции на Скид-Роу стали настолько обычными, что эту работу приходится выполнять и рядовым патрульным.

«Наркоторговцы приезжают из других районов, чтобы охотиться на зависимых людей на Скид-Роу», — написала в X офицер полиции Лос-Анджелеса Лиллиан Карранса.

Пока полицейские задерживают людей и зачитывают им их права, к одному из сотрудников подходит прохожий и жалуется на отвратительный запах.

Там мёртвый человек.

В палатке.

— Не один, — говорит кто-то ещё.

Полицейские подходят к палатке.

Под грудой грязных одеял они находят тело.

Потом ещё одно.

Потом третье.

И четвёртое.

На руках у полицейских — стандартные латексные перчатки LAPD.

На них нет защитных костюмов.

Нет респираторов.

И у них нет ни малейших оснований подозревать, что они находятся рядом с генетически модифицированным патогеном.

Что лёгочная чума уже пришла на Скид-Роу.

Она добралась сюда полтора дня назад — в лёгких студента медицинского факультета, прилетевшего из Кольцово.

Но пока никто об этом не знает.

Сам будущий врач уже мёртв.

Он лежит один в своей постели, в отдельной комнате общежития Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, в Вествуде.

Круизный лайнер Diamond Princess — Тихий океан

В первые дни пандемии Covid один-единственный пассажир заразил 712 человек на борту круизного лайнера Diamond Princess.

Болезнь уже начала незаметно распространяться по миру. Именно так и происходит передача воздушной инфекции от человека к человеку.

Один из десяти охотников на крупную дичь — восьмидесятилетний немецкий судья — теперь находится на борту *Diamond Princess*, который идёт через Тихий океан к Гонконгу. На судне — 3 700 пассажиров и членов экипажа. *Diamond Princess* относится к классу Grand: его длина составляет 952 фута, высота — 205 футов. Представьте себе три футбольных поля, заставленных девятнадцатизатажными зданиями, плотно придвинутыми друг к другу — торец к торцу, бок о бок. И всё это заполнено людьми.

Ночью восьмидесятилетний пассажир внезапно падает.

До этого он чувствовал себя прекрасно, ходил по многолюдным общим зонам, развлекательным площадкам и ресторанам со шведским столом. Теперь он настолько слаб и охвачен жаром, что едва может двигаться. В судовой лазарет его везут в инвалидной коляске. Рядом — две его дочери.

Судовой врач осматривает тяжело заболевшего пожилого мужчину, ошибочно ставит диагноз «норовирусная инфекция» и советует ему сойти на берег в Гонконге — первом запланированном

порту захода. Врач не подозревает, что мужчина заражён новым патогеном. И что он уже успел заразить сотни пассажиров и членов экипажа, каждый из которых, в свою очередь, заражает других.

Именно так в январе 2020 года коронавирус вышел за пределы Китая и начал стремительно распространяться среди населения других стран. Восемидесятилетний пассажир, в лёгких которого находился вирус SARS-CoV-2, почувствовал симптомы во время круиза и заболел. Судовой врач рекомендовал ему сойти в Гонконге — густонаселённом городе с 7,5 миллиона жителей, где тот заразил неизвестное число людей.

«То, что произошло на круизном лайнере *Diamond Princess*, — это классический пример события-суперраспространителя», — говорит отставной адмирал Бретт Жируар, занимавший в то время пост помощника министра здравоохранения США.

Такие пространства, где люди находятся в непосредственной близости друг от друга, — самолёты, вагоны метро, переполненные рестораны, спортзалы и тому подобные места — легко превращаются в очаги сверхбыстрого распространения инфекции. Обычная скорость передачи резко возрастает из-за тесноты и плохой циркуляции воздуха.

Универсального стандарта — и даже единого мнения — относительно того, что именно считать событием-суперраспространителем, не существует. Нет и общепринятого порога, показывающего, насколько именно должна возрасти базовая скорость воспроизводства инфекции. Известно лишь одно: при подобных событиях она возрастает.

Трое европейских эпидемиологов — Йоаким Роклёв и Хенрик Шёдин из Университета Умео в Швеции и Аннелис Уайлдер-Смит из Лондонской школы гигиены и тропической медицины — проанализировали события на *Diamond Princess* и пришли к выводу, что «первоначально базовое репродуктивное число на борту было в четыре раза выше, чем в эпицентре в Ухане».

В нашем сценарии именно это четырёхкратное ускорение передачи — **4×** — будет использоваться как показатель для событий-суперраспространителей.

Скорость передачи инфекции обычно определяется как быстрота, или вероятность, с которой инфекция переходит от одного человека к другому, хотя и этот показатель зависит от множества факторов.

В эпидемиологии этот показатель называют базовым репродуктивным числом — **R_0** , или «**R-ноль**».

Ниже приведены некоторые хорошо известные заболевания и их приблизительные значения **R_0** .

Заболевание	Приблизительный охват (R_0)
Сезонный грипп	1.2-1.5
Ковид-19 (ранний штамм)	2.0-3.0
Полиомиелит	5.0-7.0
Ветряная оспа	10.0-12.0
Корь	12.0-16.0

К середине пандемии базовое репродуктивное число COVID-19 составляло примерно 2–3, то есть в среднем около **$R_0 = 2,5$** . При событии-суперраспространителе это значение могло возрасть до **10**: $2,5 \times 4$.

В одном широко цитируемом исследовании CDC для естественной лёгочной чумы указывается коэффициент передачи **1,3–3,5**, то есть среднее значение **R_0 около 2,4** — примерно как у COVID-19. Однако в нашем сценарии возбудитель чумы, превращённый в биологическое оружие, генетически модифицирован так, чтобы его заразность была сопоставима с ветряной оспой, — в среднем **$R_0 = 11$** .

При суперраспространении такого генетически модифицированного чумного патогена мы умножаем R_0 , равное 11, на четыре: **11×4** . Это означает, что в условиях тесного контакта каждый заражённый таким вариантом чумы способен заразить ещё до **44 человек**.

Если мысль о том, что воздушно-капельную чуму можно сделать настолько более заразной, кажется неправдоподобной, стоит вспомнить историю молекулярного биолога Аафии Сиддики и её планов атаковать Соединённые Штаты с помощью биологического оружия.

В ЦРУ за ней закрепилось прозвище **Леди «Аль-Каида»**.

УРОК ИСТОРИИ

История Аафии Сиддики

Аафия Сиддики, осуждённая за терроризм, связанный с «Аль-Каидой», — пакистанский биолог и нейробиолог, отбывающая в настоящее время в Техасе 86-летний срок за покушение на убийство и другие преступления террористического характера.

Сиддики родилась в Пакистане в глубоко религиозной мусульманской семье. В 1990 году она приехала в Соединённые Штаты и начала изучать биологию в Массачусетском технологическом институте.

Получив степень бакалавра биологических наук, Сиддики поступила в аспирантуру Университета Брандейса, где защитила докторскую диссертацию по нейробиологии.

Вскоре после этого — и здесь многое в её истории остаётся неясным — Сиддики вернулась в Пакистан и стала работать на Халида Шейха Мохаммеда, организатора террористических атак 11 сентября 2001 года, в результате которых погибли почти 3 000 американцев.

В течение нескольких лет ФБР безуспешно пыталось её разыскать. В 2004 году её внесли в список наиболее разыскиваемых террористов ФБР, а директор бюро Роберт Мюллер назвал её «оперативником и пособником “Аль-Каиды”».

Однако никто, по всей видимости, не знал, где она находится.

А затем, в 2008 году, её задержали в Газни, Афганистан.

По данным Министерства юстиции США, женщина, подозрительно ведшая себя возле комплекса зданий губернатора, оказалась именно Сиддики.

Из опубликованной федеральной жалобы следует, что при обыске её сумки были обнаружены документы с описанием подготовки «атаки с массовыми жертвами» на территории США с применением биологического оружия.

Кроме того, в сумке находились «вещества в виде геля и жидкости, запечатанные во флаконах и стеклянных банках», а также список предполагаемых целей.

По данным Министерства юстиции, среди упоминавшихся американских объектов были Статуя Свободы, Эмпайр-стейт-билдинг, Уолл-стрит и Бруклинский мост.

После задержания Сиддики доставили в местный афганский полицейский участок, где её допрашивали сотрудники ФБР.

Во время допроса ей каким-то образом удалось завладеть винтовкой, которую один из американских военнослужащих оставил рядом. Она открыла огонь по находившимся в помещении американцам, но ни в кого не попала.

В завязавшейся перестрелке Сиддики получила тяжёлое огнестрельное ранение в живот.

После этого её доставили в Соединённые Штаты для суда.

В 2010 году американский суд признал Аафию Сиддики виновной в покушении на убийство.

Она содержится в Техасе, в учреждении для заключённых с психическими расстройствами. Предполагаемая дата её освобождения — **30 июня 2082 года**.

Джим Лоулер, бывший руководитель отдела специальных операций Управления ЦРУ по противодействию распространению оружия массового поражения, обладает уникальными знаниями о её деле и её намерениях.

«[Аафия] Сиддики — истинно верующая», — говорит он.

По его словам, она готовила биологическую атаку, которая должна была принести «ужас чудовищных масштабов».

«На флеш-накопителе были тысячи страниц», — рассказывает Дэвид Релман, старший советник Белого дома по разведывательной оценке угроз и инфекционным заболеваниям, который после изучения документов Сиддики проводил брифинг для разведывательного сообщества.

«Это был тревожный звонок, — говорит Релман. — Причём такой, какого вы и представить себе не могли».

Лоулер из ЦРУ раскрывает пугающую деталь, которая прежде никогда не публиковалась: Сиддики работала над созданием нового биологического оружия для применения на территории Соединённых Штатов.

«Химерного биологического оружия, — объясняет он, — которое сочетало бы смертоносность бешенства с заразностью ветряной оспы».

Настоящее оружие из кошмаров.

«Бешенство смертельно в 99,99 процента случаев, а ветряная оспа — один из самых заразных вирусов оспенной группы, — говорит Лоулер. — Она хотела создать генетически модифицированную химеру, которая обладала бы свойствами обоих».

Без лечения бешенство убивает практически каждого заболевшего. Как и при лёгочной чуме, после появления симптомов спасти больного почти невозможно.

«Всё это было у неё на компьютере, — говорит Лоулер. — Значит, сама идея уже существует».

Химерное оружие. Микроб-демон.

■

Да Нанг, Вьетнам

Авианосная ударная группа ВМС США в походном строю в открытом океане

Восьмидесятилетний мужчина с круизного лайнера *Diamond Princess* и предприниматель в сфере технологий с двумя сыновьями из Доминиканской Республики — далеко не единственные люди, ставшие источниками событий сверхраспространения инфекции. Были и другие. Один из них — вьетнамский бизнесмен, владеющий несколькими гостиницами в портовом городе Дананг на центральном побережье страны.

В Дананге едва взойшло солнце. Двое американских моряков заканчивают завтрак в ресторане одной из этих гостиниц перед тем, как выписаться. За соседним столиком сидит хозяин отеля — любитель охоты на крупного зверя, только что вернувшийся из охотничьей поездки в Новосибирск, в Сибирь.

В воздухе плавают микроскопические частицы чумы.

С каждым вдохом генетически модифицированные бактерии *Y. pestis* попадают в лёгкие моряков и начинают размножаться. Они никак не могут знать, что заразились инфекционным заболеванием именно таким образом — почти так же, как это произошло с двумя американскими моряками, побывавшими в Дананге по увольнительной с ночёвкой в первые дни пандемии Covid.

Теперь эти двое выписываются из гостиницы и возвращаются на авианосец *USS Theodore Roosevelt*, стоящий у глубоководного терминала порта Тьенша. Моряки участвуют в дружественном обмене с местными жителями — визите, напоминающем тот, что состоялся здесь в марте 2020 года. Именно так во время той пандемии многомиллиардный авианосец был фактически выведен из строя смертоносным микроскопическим организмом — и теперь история вот-вот повторится.

USS *Theodore Roosevelt* — авианосец типа *Nimitz*, длиной 1 092 фута и шириной 252 фута; по занимаемой площади он примерно сопоставим с городским кварталом Нью-Йорка. На борту находятся 5 000 человек. В любой момент времени от трёх до пяти американских авианосцев патрулируют моря и океаны. Они — основа военно-морской мощи Соединённых Штатов, важнейший элемент боевой готовности Америки здесь, в Тихом океане, и далеко за его пределами.

«Четыре с половиной акра суверенной территории Соединённых Штатов» — так описывает авианосец адмирал в отставке Джеймс Ставридис, бывший Верховный главнокомандующий объединёнными вооружёнными силами НАТО. «Сто тысяч тонн дипломатии», — говорил адмирал Майкл Маллен, бывший начальник военно-морских операций и бывший председатель Объединённого комитета начальников штабов. Одно лишь присутствие авианосца в любом океане позволяет демонстрировать американское влияние без прямого вступления в конфликт. Именно поэтому USS *Theodore Roosevelt* носит прозвище **Big Stick** — «Большая дубинка». И именно поэтому он находится здесь, в Тихом океане, обходясь более чем в 6,5 миллиона долларов в сутки.

Авианосец — один из самых мощных боевых кораблей на планете. Он служит ядром авианосной ударной группы, в состав которой часто входят ещё пять кораблей: крейсер, два эсминец, ударная подводная лодка и судно снабжения. Каждый американский авианосец — это автономная плавучая военная база, способная нести до девяноста самолётов. Благодаря двум ядерным реакторам USS *Theodore Roosevelt* может действовать двадцать лет без дозаправки топливом. Его оборонительные системы включают комплексы ближнего боя — скорострельные пушки Гатлинга — и ракеты класса «земля — воздух». Он способен вести боевые действия в любой точке земного шара.

И сейчас всё это могущество вот-вот окажется бессильным перед невидимым оружием.

Перед самовоспроизводящимся патогеном — одной из самых смертоносных бактерий во всей известной истории человечества.

Как и в первые дни пандемии Covid, двое моряков возвращаются на густонаселённый USS *Theodore Roosevelt*.

Якоря подняты, приказ получен — авианосец выходит из порта.

Двое моряков быстро заражают десятки других моряков и лётчиков на борту.

У лёгочной чумы короткий инкубационный период и высокая заразность. Поэтому к тому моменту, когда находящиеся на борту специалисты медицинской службы, подготовленные к химическим, биологическим, радиологическим и ядерным угрозам, хотя бы заподозрят вспышку заболевания, заражены будут уже сотни моряков и лётчиков.

■

Центр неотложной помощи Wesley Health Center — Скид-Роу, Лос-Анджелес

Тем временем в Лос-Анджелесе, на Скид-Роу, проходят ещё несколько часов. Пока сотрудники полиции Лос-Анджелеса обеспечивают безопасность места происшествия на пересечении 6-й улицы и Уолл-стрит, возникают новые очаги заражения — в том числе всего в нескольких кварталах к северу.

В переполненное отделение неотложной помощи Wesley Health Center входит мужчина. Он тяжело болен. У него очень высокая температура, кашель, дыхание частое и поверхностное.

Я задыхаюсь, говорит он медсестре. Я не могу дышать.

Вместо одежды на нём лохмотья. В руках — пластиковый пакет и Библия. Зелёные кроксы на его ногах на два размера больше: кто-то выбросил их, а он подобрал. Несмотря на тяжёлое состояние, мужчина ясно понимает, что с ним происходит что-то серьёзное.

Вчера со мной такого не было, говорит он.

Пока медсестра измеряет ему давление, мужчина начинает кашлять кровью. Комок пенистой мокроты падает на линолеум между ними — пенистой потому, что кровь смешана с воздухом и слизью, поднимающимися из глубины лёгких.

Эта медсестра, принимающая до ста пациентов в день, относится к тем хорошо подготовленным и добросовестным медицинским работникам, которых каждый из нас надеется встретить, когда заболит и будет нуждаться в помощи. Её собранность рождается из глубокого сострадания —

такого не сыграешь. Она верит в смысл и предназначение своей профессии. И когда мужчина говорит ей: «Мне кажется, я умираю», — она воспринимает его слова всерьёз.

Медсестра наклоняется, чтобы рассмотреть мокроту на полу. Она узнаёт кровохарканье — выделение крови из лёгких при кашле. Внезапное кровохарканье может представлять угрозу для жизни и требует немедленной медицинской помощи. Если бы медсестра не была столь внимательна, она могла бы принять увиденное за гематемезис — рвоту кровью из желудочно-кишечного тракта, пищевода или желудка.

Гематемезис часто встречается у алкоголиков на поздних стадиях заболевания и у хронических наркопотребителей.

Но этот мужчина не относится ни к тем, ни к другим.

У него остро начавшаяся лёгочная чума.

Медсестра, разумеется, не может этого знать. В Лос-Анджелесе вспышек лёгочной чумы не было уже более ста лет.

CDC предупреждает, что врачам и медсёстрам будет чрезвычайно трудно её распознать: «В регионах, где клиницисты не знакомы с чумой, риск ошибочного диагноза высок».

Случай мужчины в зелёных кроксах напоминает реальный случай чумы, зарегистрированный CDC в Колорадо в 2014 году. В одном из выпусков *Morbidity and Mortality Weekly Report* этот человек обозначен лишь как «Пациент А».

«Первичная лёгочная чума редко встречается в Соединённых Штатах», — писал CDC о Пациенте А: за предыдущие 112 лет по всей стране было зарегистрировано всего семьдесят четыре случая лёгочной чумы.

Вспышка лёгочной чумы в Колорадо в 2014 году стала «крупнейшей вспышкой и первым возможным случаем передачи от человека к человеку после вспышки в Лос-Анджелесе в 1924 году».

До сегодняшнего дня.

Медсестра вызывает врача.

Отделение неотложной помощи на Скид-Роу переполнено больными, ищущими помощи, — как и в любой другой день года.

Все кабинеты заняты.

Зал ожидания забит людьми.

У входа вооружённый охранник не даёт стоящим в очереди снаружи людям прорваться внутрь. Врачи этой клиники перегружены работой и получают слишком мало. Многие трудятся бесплатно.

Приходит врач. Он проверяет мужчину на наличие травмы или повреждения дыхательных путей вследствие вдыхания дыма или химических веществ.

Ничего.

Он выписывает направление на перевод пациента в Los Angeles General Medical Center — крупнейшую государственную больницу города, расположенную чуть более чем в двух милях отсюда.

Уже на выходе пациент умоляет медсестру:

Пожалуйста, позаботьтесь о моей собаке.

Медсестра спрашивает, как выглядит собака и где она находится. Несмотря на тяжелейшее состояние, мужчина даёт точное описание.

Он любит свою собаку.

И вдруг почти светло произносит:

Если я умру, может быть, хотя бы моя собака не должна умирать.

*Рынок под открытым небом в Новосибирске, Сибирь, Россия.
(Создано Джеттом Якобсеном с помощью модели генерации изображений OpenAI.)*

В шести тысячах миль от Скид-Роу, в Новосибирске, уполномоченный по здравоохранению проводит вторую пресс-конференцию.

На часах одиннадцать вечера — необычное время для общения с телекамерами. Но ситуация слишком серьёзна. Это уже вторая пресс-конференция за два дня.

Чиновник произносит несколько вступительных слов и уступает место врачу в белом халате.

Предварительный анализ нового бактериального возбудителя, выявленного у группы госпитализированных жителей Новосибирска, завершён.

Судя по всему, это ранее неизвестный штамм бубонной чумы.

В зале повисает тишина.

Новый штамм бубонной чумы?

Немногие болезни в истории человечества обладали столь же устрашающей способностью уничтожать целые народы. «Чёрная смерть» опустошила средневековую Европу. После открытия антибиотиков в XX веке пандемии чумы практически исчезли с лица Земли.

Но если всего в двенадцати милях от лаборатории высшего уровня биологической защиты BSL-4, через несколько дней после аварии, вдруг возникает новая, необычная и, возможно, устойчивая к антибиотикам форма бубонной чумы, вывод напрашивается сам собой.

Возбудитель вырвался из лаборатории.

Но в Российской Федерации открытое несогласие опасно.

И потому очевидное предпочитают не замечать.

Врач возвращает трибуну чиновнику.

Представитель здравоохранения: Все первые заболевшие связаны с Новосибирским рынком на Центральном проспекте. Рынок в настоящее время закрыт.

Так называемый wet market — это рынок свежего мяса и рыбы, где часть животных забивают прямо на месте.

Объявить такой рынок источником вспышки нового патогена — слишком уж удобная версия. И одновременно прозрачный намёк на бесконечные споры о происхождении Covid.

Спор о том, откуда появился вирус Covid, расколол Америку ещё во время пандемии — и продолжает раскалывать её до сих пор. Он вызвал самый глубокий кризис общественного доверия со времён войны во Вьетнаме. Пожалуй, ни одно событие новейшей истории не нанесло столь сильного удара по самим понятиям истины и науки. Оно стало одним из факторов самой нестабильной политической атмосферы со времён Гражданской войны.

Тема настолько болезненна психологически и политически, что Белый дом предпочитает к ней не прикасаться.

■

Штаб-квартира Центрального разведывательного управления — Лэнгли, Вирджиния

Главный аналитик по вопросам нераспространения, отвечающий за Россию, уже несколько дней не выходит из кабинета.

Кто-то из коллег принёс ему сэндвич, но есть он не может.

Задача ЦРУ — снабжать президента внешнеполитической разведывательной информацией. С того самого момента, когда президент потребовал доказательств того, что Россия лжёт о происходящем в Новосибирске — о том, что она теперь называет «вспышкой бубонной чумы», — аналитик поклялся не покидать кабинет, пока не найдёт доказательство.

И теперь ему кажется, что он его нашёл.

После взрыва в «Векторе» аналитик непрерывно следит за новосибирскими местными новостями. На языке разведки такие источники называют OSINT — open-source intelligence, разведанные из открытых источников.

Центральная Азия — один из древнейших природных очагов чумы, и жители России не раз сталкивались с её вспышками и эпидемиями. Поэтому происходящее в Новосибирске вызывает серьёзную тревогу. Местные телеканалы говорят об этом почти непрерывно.

Сопоставив открытые источники, аналитик окончательно формирует свою оценку.

История о бубонной чуме — прикрытие.

Россия что-то скрывает.

А если скрывает, значит, скрывать есть что.

Начальница входит в кабинет.

Он включает запись российского телесюжета.

Представитель здравоохранения объясняет ведущему, что вспышка бубонной чумы стала следствием того, что группа людей съела заражённое мясо, купленное на рынке на Центральном проспекте, который теперь закрыт.

Это было мясо сурка, говорит чиновник.

Местный деликатес.

Затем он начинает отчитывать население. Напоминает телезрителям, что охота на сурков без специального разрешения запрещена, однако люди всё равно охотятся.

Виновником объявляют сорокапятилетнего браконьера. Якобы он охотился в заповеднике за городом, застрелил нескольких сурков, привёз мясо в Новосибирск и продал его на рынке. После этого сам заразился чумой и умер.

Именно он, заявляет чиновник, был индексным пациентом — первым известным заболевшим и первым умершим в этой вспышке.

В качестве «меры предосторожности» тело браконьера кремировали.

Аналитик ЦРУ поясняет начальнице контекст.

Сурок — крупный грызун, взрослое животное размером примерно с енота.

Сурки являются известными природными резервуарами чумы. Во времена советской программы биологического оружия начальник Игоря Домарадского, советский генерал, любил повторять что-то вроде: «Принесите мне лучших сурков».

Блохи сурков исторически являлись переносчиками особенно вирулентных штаммов *Yersinia pestis* — бактерии, вызывающей чуму.

В современной России сурки ценятся и на чёрном рынке. Их мех используют для одежды и утепления. Внутренние органы — почки, желудок, желчный пузырь — в некоторых районах едят сырыми, считая их лечебными. Мясо разделявают на стейки и нелегально продают на местных рынках.

— Всё, что они рассказывают, возможно, — говорит аналитик. — Но почти ничто из этого не выглядит правдоподобно.

И причина одна.

Сейчас январь.

Азиатские сурки находятся в спячке.

Они спят ещё с октября.

Во время спячки частота сердцебиения сурка резко снижается, температура тела падает. Примерно раз в две недели животное просыпается, чтобы испражниться — тоже под землёй, в отдельной камере, вдали от места сна.

На поверхность зимой сурок выходит лишь в исключительных случаях.

То, что браконьер мог застрелить одного сурка в Сибири в январе, уже маловероятно.

Но то, что он сумел добыть достаточно сурков, чтобы накормить ими шестьдесят два человека, причём каждый из них отдельно заразился бубонной чумой — болезнью, которая не передаётся воздушно-капельным путём и обычно не распространяется напрямую от человека к человеку, — почти невозможно.

Это практически доказывает, что Россия лжёт.

Правдоподобное объяснение куда страшнее.

Из лаборатории BSL-4 института «Вектор» вырвался вирулентный штамм воздушно передающейся чумы, генетически модифицированный и потому «атипичный».

Аналитик заметно подавлен.

— Они никогда не дадут нам генетическую последовательность, — говорит он. — Придётся ждать, пока она доберётся сюда.

Пауза.

— А тогда будет уже поздно.

Для его начальницы это звучит как двойной удар под дых. Она хорошо знакома с историей советской программы биологического оружия и сразу понимает, что происходит.

— Господи... — говорит она. — История с заражённым мясом — прямо из старого советского учебника.

— Свердловск, — отвечает аналитик.

И это было бы иронично.

Если бы не было так страшно.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Свердловск

В апреле 1979 года, примерно в девятистах милях к востоку от Москвы, в городе Свердловске из секретной лаборатории на территории военного объекта, известного как Военный городок № 19, произошла утечка биологического оружия.

Там выращивали смертоносные бактерии сибирской язвы, производя их в огромных количествах в стальных ферментационных ёмкостях, а затем перемалывая споры в мельчайшую пыль.

Замысел был прост и чудовищен: довести технологию аэролизации до совершенства, чтобы однажды распылить биологическое оружие над американским городом. Споры должны были плыть по воздуху, оседать в лёгких людей и убивать их самым мучительным образом.

Советские военные убеждали членов Политбюро, что оружейная сибирская язва позволит обезлюдить огромные районы Соединённых Штатов, сохранив при этом здания, дороги и инфраструктуру — готовыми для последующего советского захвата.

Но вместо Америки погибали советские граждане.

Однажды ночью сотрудник объекта неправильно установил воздушный фильтр.

Произошёл выброс аэрозоля с оружейными спорами.

Погибли более ста жителей Свердловска.

Лабораторная утечка.

Через два дня городская больница № 20 была переполнена тяжело заболевшими людьми. Симптомы были одинаковыми: высокая температура, головная боль, боль в груди, жестокий кашель.

«Их было некуда класть, — рассказывала годы спустя журналисту Сергею Парфёнову заведующая приёмным отделением Роза Газиева. — Некоторые после первой помощи чувствовали себя лучше и пытались уйти домой... Потом их находили мёртвыми на улицах: люди теряли сознание прямо по дороге».

Оружейные споры разнесло ветром.

Домашний скот погибал более чем в тридцати милях от объекта.

Той ночью Газиева дежурила в больнице № 20.

«Я едва дождалась утра, — вспоминала она. — Мне было страшно. За ночь умерли четыре человека».

Дома её ждали трое маленьких детей. И она боялась заразиться неизвестной инфекцией, которой, казалось, одновременно заболело столько людей.

Однако никто из медицинского персонала так и не заболел.

Вторичных заражений не было.

«Сибирская язва — это неконтагиозное биологическое оружие», — объясняет Энди Вебер.

Иными словами, ингаляционная форма сибирской язвы принципиально отличается от лёгочной чумы.

Человек, заразившийся ингаляционной сибирской язвой, становится так называемым тупиковым хозяином.

Бактерия *Bacillus anthracis* попадает в лёгкие и оседает в альвеолах. Но из-за размера и свойств спор она уже не выходит наружу и не передаётся другим людям.

Она остаётся внутри организма.

И убивает только своего хозяина.

В другой свердловской больнице — № 24 — медицинский персонал столкнулся с таким же неудержимым наплывом умирающих.

Люди ещё мгновение назад были в сознании — и вдруг падали замертво.

«Персонал был в шоке, — вспоминала главный врач Маргарита Ильенко. — Я смотрела на пациента за две-три минуты до смерти. Он спокойно смотрел на меня, словно ничего не происходило... А через мгновение у него во рту появилась кровь — и его не стало».

Морги были переполнены телами погибших от утечки биологического оружия.

Галина Лященко, руководитель городских похоронных служб, вспоминала, что ей одной пришлось похоронить не менее пятидесяти человек.

Для судебного патологоанатома Фаины Абрамовой происходящее было почти нечеловеческим испытанием.

«Приходилось работать с огромным количеством трупов, — вспоминала она. — Это была адская работа».

В беседе с корреспондентом *Washington Post* Дэвидом Хоффманом доктор Ильенко рассказывала, что сотрудники просто не успевали справляться.

Но один образ остался с ней на всю жизнь:

«Там лежали мёртвые и ещё живые — вперемешку. Я подумала: это кошмар. Здесь происходит что-то очень, очень неправильное».

Лишь через семь дней после начала катастрофы из Москвы кто-то прибыл в Свердловск.

Это был заместитель министра здравоохранения СССР, генерал-майор Пётр Николаевич Бургасов, прибывший с группой партийных врачей.

К тому времени вскрытия уже подтвердили: все жертвы умерли от ингаляционной формы сибирской язвы.

Бургасов отвечал за сохранение советской программы биологического оружия в тайне.

И публично объявил, что причиной всех смертей стала «партия заражённого мяса, проданного на чёрном рынке».

Он утверждал, что все погибшие съели мясо из одной и той же заражённой партии.

Пока жители хоронили умерших и оплакивали близких, Москва вакцинировала более 42 тысяч человек.

В основном — для вида.

Спустя двадцать лет исследование ДНК, проведённое специалистами Министерства обороны США, показало: в организмах погибших в Свердловске присутствовало до четырёх различных вариантов *Bacillus anthracis*.

Это позволяет предположить, что уже в 1979 году советские военные добились значительного прогресса в области генетической модификации микроорганизмов.

Страшно представить, над чем Россия работает сегодня.

Общественность не должна знать, что на самом деле происходит в лабораториях BSL-4 по всему миру — в том числе и в Соединённых Штатах.

Обычно мы узнаём об этом самым тяжёлым способом.

После смертельной вспышки.

Спутники NRO, наблюдающие за Москвой, фиксируют расширение российской кампании вакцинации.

Колонны военных грузовиков перевозят паллеты с фармацевтическими препаратами с предприятия «Иммунотехнологии» под Москвой на авиабазу Чкаловский к северо-востоку от столицы.

Препараты загружают в транспортные самолёты для отправки по всей России.

В Соединённых Штатах вакцины против чумы нет.

Причины сложны.

Российская вакцина, известная как Live Plague Vaccine — LPV, «живая чумная вакцина», — считается созданной на основе ослабленного штамма чумной бактерии.

«За почти восемь десятилетий её применения, — пишет российский специалист по вакцинам Валентина А. Фёдорова, — этой вакциной были иммунизированы миллионы людей».

У России долгая история эпидемий чумы.

Министерство здравоохранения России относит *Y. pestis* к категории возбудителей, «чрезвычайно опасных для населения», — российскому аналогу американского списка Tier 1 Select Agents.

Поэтому кампании по вакцинации против чумы в России обычно не вызывают серьёзного сопротивления.

«Не зарегистрировано ни одного случая смерти, связанного с живой вакциной, ни одного серьёзного поствакцинального осложнения», — добавляет Фёдорова.

Так ли это на самом деле — другой вопрос.

«Реакции, как правило, лёгкие и непродолжительные», — пишет она.

Эпидемии чумы чаще возникают в отдалённых районах Сибири, особенно вдоль границ с Монголией и Китаем.

Крупные вспышки в российских городах — редкость.

Во время холодной войны в СССР существовало по меньшей мере пять научно-исследовательских институтов, официально занимавшихся так называемой противочумной работой.

Из воспоминаний Игоря Домарадского известно, что многие из этих учреждений одновременно выполняли работы двойного назначения, связанные с биологическим оружием.

Когда-то вакцина против чумы существовала и в США.

Во время войны во Вьетнаме американским солдатам вводили вакцину EV76 против *Y. pestis*, однако у части военнослужащих возникали тяжёлые реакции, и от её применения отказались.

Как и нынешняя российская вакцина, EV76 была создана на основе ослабленного штамма чумной бактерии.

Принцип действия был прост: иммунную систему человека заставляли распознавать *Y. pestis* и вырабатывать антитела против вызываемой ею инфекции.

Основы иммунологии.

В 1999 году FDA возобновило работы над вакциной против чумы, но затем исследования EV76 вновь прекратили: у приматов возникли тяжёлые реакции.

Некоторые обезьяны, использовавшиеся в медицинских экспериментах, заразились смертельной формой чумы и погибли.

«В USAMRIID уже давно разрабатывается ещё одна очень хорошая вакцина, — рассказывает доктор Хайн. — Я работал над этой программой для армии около пятнадцати лет назад. Но вакцина утонула в бюрократии и, насколько мне известно, до сих пор даже близко не подошла к испытаниям на людях».

За пределами военно-медицинского сообщества об этом почти никто не знает.

В Вирджинии сотрудник NRO загружает спутниковые снимки российских военных колонн в закрытые сети JWICS и SIPRNet — Secret Internet Protocol Router Network, — чтобы разведывательные службы могли изучить и проанализировать снимки.

■

Центр ВОЗ по разведке в области пандемий и эпидемий — Берлин, Германия

В Берлине на огромной электронной карте мира мигают тысячи красных точек.

Здесь, в Центре Всемирной организации здравоохранения по разведке в области пандемий и эпидемий, вычислительные системы в режиме реального времени отслеживают вспышки инфекционных заболеваний по всему миру.

Этот недавно созданный глобальный центр использует искусственный интеллект и эпидемиологический мониторинг патогенов, пытаясь предотвратить следующую пандемию.

Но сможет ли?

Каждый месяц Центр ВОЗ выявляет и отслеживает более 4 500 отдельных тревожных сигналов.

Не каждая вспышка перерастает в эпидемию.

Но некоторые перерастают.

В этот день аналитики следят за десятками опасных очагов: денге в Карибском бассейне, Эбола в Судане, полиомиелит в Газе, «плотоядная» бактерия *Vibrio vulnificus* в прибрежных водах Флориды.

Центр Всемирной организации здравоохранения по разведке в области пандемий и эпидемий ежемесячно отслеживает более 4 500 отдельных тревожных сигналов.

И вот, всего несколько часов назад, к этому списку добавилось то, что в Сибири, в России, пока официально называют бубонной чумой.

Центр ВОЗ по разведке в области пандемий и эпидемий был открыт осенью 2021 года — после того, как пандемия Covid обнажила медлительность и раздробленность мировой системы эпидемиологической безопасности.

Традиционная эпидемиологическая разведка опирается на официальную статистику заболеваемости. Но данные из больниц, лабораторий, научных центров и других формальных систем отчётности поступают с запозданием — иногда в несколько дней, а то и недель. Замысел Центра ВОЗ заключался в другом: использовать искусственный интеллект и социальные сети, чтобы видеть вспышку почти в тот самый момент, когда она начинает разворачиваться.

В центре этой новой системы находится компьютерная платформа под названием **Epidemic Intelligence from Open Sources — EIOS** («ИОС») — гигантский фильтр, через который каждую минуту проходит мировой поток новостей о здоровье.

EIOS ориентируется прежде всего не на лабораторные подтверждения и официальные данные о смертности, а на неформальные сообщения, местные публикации и разговоры людей в сети. Система работает на множестве языков и мгновенно просматривает миллионы сайтов, новостных лент и сообщений в социальных сетях, выискивая признаки вспышек в реальном времени.

Она собирает информацию, отсеивает лишнее, сортирует и ранжирует её.

Задача EIOS — услышать сигнал в шуме.

Один из аналитиков в Берлине получает предупреждение, которое заставляет его переключить внимание на Карибский бассейн.

В Доминиканской Республике социальные сети буквально взрываются.

Тысячи людей пишут о беспорядках и насилии возле больницы в Санто-Доминго — приморской столице страны.

— Посмотри на это, — говорит аналитик коллеге.

Примерно в семи тысячах миль от Новосибирска приёмное отделение Hospital General de la Plaza de la Salud только что закрыло двери.

Здание окружено вооружённой охраной.

Никого не пускают.

Никого не выпускают.

В социальных сетях появляются видеозаписи: сотрудники больницы выбираются наружу через окна и даже через мусоропроводы.

Два аналитика ВОЗ сверяют сообщения из соцсетей с местным телевидением.

На улице репортёр берёт интервью у охранника больницы.

— Люди хлынули сюда один за другим, — рассказывает тот. — Все они либо были в одном и том же спортзале, либо ели в одном ресторане.

У всех одинаковые симптомы: высокая температура, бред, надсадный кашель.

Некоторые умерли ещё до того, как их успели оформить.

В приёмном покое лежат мёртвые.

Тела — прямо на полу.

— Распространяется какая-то неизвестная болезнь, — говорит охранник.

Местные санитарные власти уверяют, что это не Covid.

Но врачи пока не знают, что именно.

Другие больницы города начинают сообщать о таком же наплыве пациентов.

У всех болезнь развивается одинаково:

внезапная высокая температура,

бред,

надрывный кашель,

смерть.

Никто не поправляется.

Люди просто умирают.

Город охватывает страх.

Что бы ни происходило, всё развивается стремительно.

И что бы это ни было — оно чрезвычайно заразно.

Аптеки грабят.

Полки продуктовых магазинов пустеют.

Начинаются беспорядки.

Ходят слухи, что отдельные районы города уже погружаются в хаос.

В Берлине система EIOS, работающая на базе искусственного интеллекта, помогла двум аналитикам Центра ВОЗ распознать вспышку заболевания в Карибском бассейне практически в момент её возникновения.

Используя данные из Доминиканской Республики, поисковые алгоритмы EIOS начинают прочёсывать миллионы сайтов по всему миру.

Система ищет аномальные всплески обращений в отделения неотложной помощи, резкий рост закупок медицинского кислорода, необычные лабораторные показатели, необъяснимый рост прогулов и другие признаки, которые могут указывать на новые очаги заболевания.

Сопоставляя эти находки с ключевыми словами из социальных сетей, аналитики расширяют параметры поиска.

#ЗагадочнаяПневмония

#СледующаяПандемия

#КашельСКровью

Результаты вызывают немедленную тревогу.

В Никосии, на Кипре, больничные палаты заполняются людьми, которые не могут дышать.

В Дананге, во Вьетнаме, необычная болезнь, похожая на пневмонию, убивает людей быстрее, чем когда-то птичий грипп.

В Париже загадочная инфекция вынуждает закрыть на карантин дом престарелых.

В Астане, Казахстан, один из ютуберов сообщает о вспышке чумы.

Одно за другим похожие сообщения начинают всплывать по всему интернету.

#ЧумаУбийца

#БегитеИзГорода

Аналитики передают информацию выше — в штаб-квартиру Всемирной организации здравоохранения в Женеве.

Штаб-квартира Всемирной организации здравоохранения — Женева, Швейцария

Вспышка, начавшаяся в Сибири, распространяется стремительно.

Руководство ВОЗ в Женеве созывает заседание Комитета по чрезвычайным ситуациям.

Над всеми остальными вопросами нависает один:

пора ли объявлять чрезвычайную ситуацию в области общественного здравоохранения, имеющую международное значение — высший уровень тревоги ВОЗ?

Подобное решение принимается лишь тогда, когда ситуация становится действительно чрезвычайной: экономики начинают давать сбои, системы здравоохранения оказываются на грани коллапса, массовая гибель людей становится вероятной, а политические последствия — неизбежными.

После объявления международной чрезвычайной ситуации все 194 государства — члена ВОЗ обязаны оперативно сообщать о случаях заболевания и прозрачно обмениваться информацией.

Врачи, чиновники и правительства переходят в режим максимальной готовности.

Активируются центры чрезвычайного реагирования.

Начинается переброска ресурсов.

Это тот самый порог, после которого медлить уже опасно.

Но ВОЗ — координирующий орган, а не полиция.

И, кроме того, это бюрократическая система.

Чтобы объявить чрезвычайную ситуацию международного значения, недостаточно тревожных кластеров и подозрительных совпадений.

Нужны лабораторные данные.

А их пока нет.

Ни у одного человека из очагов, выявленных EIOS, ещё не получен положительный анализ на чуму.

ПЦР-тест на чуму обычно требует от двадцати четырёх до сорока восьми часов — даже в хорошо оснащённой лаборатории.

Исключение — Мадагаскар, где чума является эндемичной болезнью и где Красный Крест постоянно располагает тысячами экспресс-тестов.

Получается парадокс:

пока в Берлине сигналы искусственного интеллекта уже мигают красным, ВОЗ всё ещё вынуждена действовать по старым протоколам.

Её система устроена так, чтобы добиваться уверенности, а не скорости.

Это архитектура другой эпохи.

Несмотря на попытки реформ, ВОЗ не успевает за современными биологическими угрозами нового поколения, которые распространяются быстрее, чем система успевает их официально признать.

Достаточно вспомнить собственную хронологию ВОЗ во время пандемии Covid.

Именно система EIOS первой заметила сообщения о «загадочной пневмонии» в Ухане ранним утром 31 декабря 2019 года — всего через несколько часов после того, как Международное общество инфекционных заболеваний разместило предупреждение в своей системе ProMED.

Именно поэтому болезнь получила название Covid-19.

Прошли дни. Потом недели.

Лишь 22 января 2020 года ВОЗ созвала заседание Комитета по чрезвычайным ситуациям.

Но и тогда, после двух дней обсуждений, организация так и не решилась объявить чрезвычайную ситуацию международного значения.

Когда решение наконец было принято — 30 января 2020 года, — в мире уже насчитывалось 7 818 подтверждённых случаев Covid, причём инфекция успела выйти за пределы Китая и была зарегистрирована ещё в восемнадцати странах.

Остановить её было уже невозможно.

Covid-19 вышел в мир.

Дата	Официальные данные Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ)
31 декабря 2019 года	Система ВОЗ Epidemic Intelligence from Open Sources (EIOS) и партнёрские системы выявляют сообщения о «загадочной пневмонии» в Ухане, Китай. В тот же день китайские власти информируют представительство ВОЗ в Китае.
9 января 2020 года	Китайские учёные идентифицируют новый коронавирус, позднее получивший название SARS-CoV-2 , также известный как вирус, вызывающий Covid-19. ВОЗ публично объявляет об этом открытии.
22–23 января 2020 года	Комитет ВОЗ по чрезвычайным ситуациям в рамках Международных медико-санитарных правил проводит заседание, но не объявляет вспышку чрезвычайной ситуацией в области общественного здравоохранения, имеющей международное значение.
30 января 2020 года	После дальнейшего распространения инфекции, включая подтверждённую передачу вируса от человека к человеку за пределами Китая, ВОЗ объявляет Covid-19 чрезвычайной ситуацией в области общественного здравоохранения, имеющей международное значение.

■

Скид-Роу — Лос-Анджелес, Калифорния

На Скид-Роу полиция Лос-Анджелеса пытается удержать под контролем возбуждённую толпу. В палатке обнаружены четверо мёртвых бездомных, и слух разлетается по улицам мгновенно.

Полицейские оцепляют место лентой. Приезжают детективы. Один из них заходит внутрь импровизированной палатки.

Запах стоит гнилостный.

Тела выглядят чудовищно.

Осмотревшись, детектив не видит явных признаков насильственной смерти.

В Лос-Анджелесе около 75 тысяч бездомных — по военным меркам, целая полевая армия.

Ежедневно в округе Лос-Анджелес умирают шесть-восемь человек из этой среды. Самая частая причина — передозировка наркотиков. Многолетний рост зависимости от фентанила привёл к увеличению смертности примерно на 300 процентов.

Но четверо мёртвых в одной палатке в центре Лос-Анджелеса — случай необычный.

Скорее всего, об этом расскажут местные новости.

Когда полиция находит умершего на тротуаре, под мостом или в палатке, действует строгий протокол: тело должно быть правильно изъято, а место — исследовано с юридической точки зрения.

Полицейские собирают улики.

Опрашивают свидетелей.

Разговаривают с социальными работниками, которые занимаются помощью бездомным.

Процесс идёт медленно.

Двух одинаковых потенциальных мест преступления не бывает.

Свидетели рассказывают, что в этой палатке торговали наркотиками. Что сюда постоянно кто-то приходил и уходил, в том числе наркоторговцы на дорогих машинах.

Два детектива осторожно перемещаются внутри палатки, осматривая тела в нитриловых перчатках. Эти прочные, устойчивые к проколам перчатки должны защищать от опасных веществ, загрязнений и биологических жидкостей.

Когда один из полицейских отодвигает кучу мусора, чтобы лучше сфотографировать лицо одного из умерших, на него внезапно выплёскивается поток жидкости.

Запах становится невыносимым.

Детектив выбегает наружу, чтобы его вырвало.

На тротуаре он постепенно приходит в себя.

Прибывает коронер.

Тела увозят в морг.

И начинается тяжёлый, лабиринтный бюрократический процесс.

Управление медицинского эксперта-коронера округа Лос-Анджелес проведёт вскрытия, чтобы установить причину и характер смерти.

Приезжают сотрудники городской санитарной службы. Вместе с ними — целая система правил и инструкций, призванная защитить работников от инфекционных заболеваний.

Щипцами и захватами они собирают грязные иглы и складывают их в непрокаляемые контейнеры.

В масках и перчатках, с лопатами и метлами, они убирают человеческие экскременты и складывают их в синие пластиковые вёдра для вывоза.

Работа грязная.

И бесконечно повторяющаяся.

Согласно официальной городской панели учёта бездомности, только за первую половину 2025 года было зарегистрировано 11 540 санитарных операций, причём большинство из них — повторные выезды в одни и те же лагеря.

Как Америка дошла до такого?

Что сказал бы Франклин Рузвельт?

Смерть на Скид-Роу — обычное дело.

Как и человеческое падение.

В 2024 году ссора двух мужчин закончилась тем, что один зарубил другого мачете.

Всего через несколько месяцев на Скид-Роу погибли двое новорождённых; одного из младенцев нашли мёртвым в переулке.

Но представить, что теперь весь этот район заражён генетически модифицированным патогеном, словно вернувшимся из глубины веков, — это уже почти за пределами воображения.

Медицинский центр Wesley Health Center, Скид-Роу — Лос-Анджелес, Калифорния

Медсестра из отделения неотложной помощи Wesley Health Center выходит на обед.

Она покидает здание через заднюю дверь, намереваясь выполнить просьбу мужчины в зелёных кроксах.

На маленькой парковке позади клиники она осматривается и действительно видит его собаку — как он и говорил, привязанную к столбу.

Американский питбультерьер напоминает ей пса, который когда-то был у неё самой — ещё до замужества, до маленьких детей.

Это кастрированный кобель.

Выглядит он плохо.

Его трясёт, челюсти словно сведены, передние лапы не слушаются — атаксия: животное не может нормально ими управлять.

Медсестра думает, не посадить ли собаку в машину и не отвезти ли её в приют в Мар-Висте, где она сама живёт, на западной стороне Лос-Анджелеса. Там у животного было бы больше шансов найти хозяина.

Многих собак, попадающих в приюты в центре города, усыпляют.

Брошенных животных здесь слишком много — спасти всех невозможно.

Но собака пускает слюну, и медсестра начинает бояться, что у бедняги может быть бешенство.

Правильнее вызвать службу контроля за животными.

Она так и делает.

Пока медсестра ждёт на линии, чтобы ей ответили, собака начинает кашлять кровью.

Послеобеденное солнце сияет.

Тепло.

Ветрено.

Прекрасный день в Лос-Анджелесе.

И, как ни странно, вокруг — сплошная трагедия.

Медсестра дожидается, пока службу контроля за животными приедет за собакой, а затем идёт обедать в свой любимый ресторанчик с тако.

Ветер Санта-Ана усиливается — тот самый сухой, мощный и опасный ветер, который несётся из пустынных районов через город к океану.

В январе 2025 года именно Санта-Ана раздувал пожары, уничтожившие целые районы Лос-Анджелеса.

Две знакомые ей медсестры и один пожарный потеряли дома и всё, что у них было.

Воспоминания о тех днях до сих пор вызывают в ней злость и разочарование во власти.

Пока город горел, мэр Лос-Анджелеса находилась на коктейльном приёме в Африке.

И даже потом не извинилась.

А должна была, думает медсестра.

Во время кризиса она прочитала в *The New York Times* статью под заголовком: «Перед вступлением в должность мэр Лос-Анджелеса обещала не ездить за границу».

Но поехала.

Полтора месяца спустя, когда стало известно, что общие экономические потери от пожаров в Лос-Анджелесе выросли до четверти триллиона долларов, губернатор Калифорнии Гэвин Ньюсом запустил подкаст.

Это разозлило её ещё больше.

Она услышала об этом в подкасте *The Tim Dillon Show*, который обычно слушает во время обеденного перерыва.

«Никому, кто сидит среди пепла в Алтадине, не нужен губернатор в подкасте, — сказал Диллон в своей манере, когда непонятно, смеяться или нет. — Им нужно, чтобы он управлял штатом».

В ресторане полно людей.

Медсестре становится нехорошо.

И в голове у неё снова звучат слова мужчины в зелёных кроксах:

Если мне суждено умереть, может быть, хотя бы моя собака не должна.

■

Морг округа Лос-Анджелес — Лос-Анджелес, Калифорния

Управление судебно-медицинской экспертизы и коронера округа Лос-Анджелес.

В двух милях к северо-востоку от Скид-Роу, в центре Лос-Анджелеса, на Мишн-роуд, в городском морге полдень. Краснокирпичное здание 1970-х годов напоминает одновременно психиатрическую лечебницу и декорацию к мрачному нуару. Судебные патологоанатомы и их помощники заняты работой: измеряют тела, снимают отпечатки пальцев, фотографируют. После того как все данные о теле занесены в документы, его заворачивают в пластик и помещают на полку в огромном холодильном хранилище, состоящем из нескольких помещений.

Начальник смены выехал за очередными телами — жертвами несчастных случаев, убийств и самоубийств. В Лос-Анджелесе нет недостатка ни в смерти, ни в человеческом падении. Через этот морг ежегодно проходит около 13 000 тел.

Когда привозят четверых умерших из палатки на Скид-Роу, помощник патологоанатома помогает выгрузить их.

Эти тела выглядят особенно страшно; каждое упаковано сразу в два мешка. Срок проведения вскрытия в округе Лос-Анджелес зависит от ряда факторов, прежде всего от загруженности службы судебно-медицинской экспертизы. Обычно вскрытие проводят в течение двадцати четырёх —

семидесяти двух часов после поступления тела. Результаты судебно-медицинских анализов приходится ждать от четырёх до двенадцати недель.

Поскольку четыре тела, найденные в одном месте, — случай необычный и история, скорее всего, попадёт в вечерние новости, коронер хочет как можно скорее установить предварительную причину смерти. Поэтому эти вскрытия получают приоритет.

Надев респиратор N95 и длинный влагостойкий непроницаемый халат, помощник патологоанатома расстёгивает первый мешок и заглядывает внутрь.

«Средневековые болезни заражают бездомных Калифорнии», — сообщало Kaiser Health News. В данном случае эта формулировка кажется почти буквальной.

Работа в морге — не для слабонервных. Люди, работающие здесь, ежедневно видят весь спектр тяжёлых, часто многопричинных заболеваний.

Сепсис из-за нелеченных кожных инфекций, инфекции *E. coli*, целлюлит, эндокардит, столбняк, метициллин-резистентный *Staphylococcus aureus* (MRSA), дифтерия, сыпной тиф — лишь часть болезней, от которых страдают несчастные жители города, чья внезапная, насильственная, неожиданная или оставшаяся без медицинского наблюдения смерть заканчивается в холодильной камере окружного морга.

Первое тело выглядит чудовищно.

Конечности почернели и покрыты некрозом.

Кончики пальцев тёмно-синие, ногтевые ложа приподняты давлением изнутри.

Грудь и плечи покрыты багровыми пятнами.

Вокруг ноздрей и рта засохла ржаво-чёрная пена, превратившись в корку.

Во рту зубы и дёсны покрыты чем-то похожим на дёготь.

Помощник патологоанатома медлит.

Думает, что делать дальше.

Если пометить тело как представляющее высокий риск, дальнейшую работу придётся вести в респираторе с принудительной подачей очищенного воздуха — PAPR.

PAPR — это респиратор на аккумуляторе, который прогоняет воздух через фильтр и защищает человека от вдыхания опасных частиц и инфекционных агентов.

При процедурах, образующих аэрозоль, например при распиливании костей, PAPR используется всегда.

А вот при сильно разложившихся телах или смерти от неустановленной респираторной инфекции решение остаётся за сотрудником.

Инфекционные болезни особенно тяжело поражают бездомных, но даже на этом фоне происходящее выглядит необычно.

Помощник делает пометку в журнале.

Высокий риск или нет, исследование всех четырёх тел — работа куда более масштабная, чем коронер успеет выполнить сегодня.

Перед ними в очереди ещё двенадцать тел.

Этим тоже придётся подождать.

Помощник застёгивает мешок.

Слишком поздно.

Миллионы микроскопических частиц чумного возбудителя уже остаются в воздухе.

■

Los Angeles General Medical Center — Лос-Анджелес, Калифорния

В медицинском центре Los Angeles General, расположенном в трёх милях к северо-востоку от Скид-Роу, мужчина в зелёных кроксах проходит медицинское обследование в отделении неотложной помощи, после чего его переводят в реанимацию.

Его состояние ухудшается с каждым часом.

Ещё в клинике при кровохарканье — выделении крови из лёгких при кашле — кровь была ярко-красной и пенистой.

Теперь она напоминает сироп.

Лёгкие заполнены жидкостью, и он уже не может получать достаточно кислорода.

Сердце, ощущая нехватку кислорода, начинает биться быстрее.

Дыхание учащается.

Ноздри раздуваются при каждом вдохе.

Перед тем как везти пациента по коридорам в отделение интенсивной терапии, медсестра надевает ему на рот и нос хирургическую маску.

Хирургическая маска не способна предотвратить распространение лёгочной чумы, передающейся воздушным путём.

Los Angeles General Medical Center — одна из старейших больниц города, один из крупнейших учебных медицинских центров США и одна из самых загруженных государственных больниц на Западе страны.

В Лос-Анджелесе сюда попадают самые бедные, незастрахованные, бездомные.

Главный медицинский директор доктор Брэд Спеллберг так описывает своих пациентов:

«Бездомные, люди с психическими заболеваниями, пациенты с зависимостью от психоактивных веществ. От нас ожидают, что мы будем лечить тех, кого другие больницы лечить не хотят».

Как травматологический центр первого уровня, больница рассчитана на приём большого числа тяжёлых пациентов.

В ней более 600 коек, из которых менее двух десятков предназначены для интенсивной терапии.

Но к вспышке лёгочной чумы эта больница не готова.

Пациент, заражённый возбудителем, относящимся к категории Tier 1 Select Agent, таким как воздушно передающаяся чума, нуждается в специальной изоляционной системе — так называемом боксе для особо опасных патогенов первого уровня.

Во всех пятидесяти штатах существует всего тринадцать биоконтейнмент-центров, финансируемых федеральным правительством и располагающих такими блоками Level 1 Special Pathogen.

Такой блок — это уже не просто больничная палата.

Это автономная крепость биологической безопасности.

Она спроектирована так, чтобы наружу не вырвалась ни одна заразная частица.

Здесь поддерживается отрицательное давление, действует отдельная система вентиляции и фильтрации воздуха, имеются собственные системы обеззараживания и стерилизации, а вход осуществляется через шлюзовые помещения.

Каждый такой блок обслуживает специально подготовленная команда врачей, клиницистов, лабораторных сотрудников и специалистов по обращению с отходами, имеющих доступ к отдельному инсинератору.

При работе с особо заразными болезнями это критически важно.

Каждый инфицированный пациент производит от десяти до сорока мешков биологически опасных отходов в сутки — более 1 000 фунтов на одного человека.

«При лечении одного пациента у нас образовалось в общей сложности 464,4 кубических футов твёрдых отходов весом 1 011 фунтов, главным образом средств индивидуальной защиты», — пишут Джон Дж. Лоу, заместитель директора по исследованиям Nebraska Biocontainment Unit при Nebraska Medical Center, и его коллеги в статье для *American Journal of Infection Control*.

Каждый сотрудник работает в защитном снаряжении максимального уровня и с автономным дыхательным оборудованием.

Все они специально обучены работе в среде высокого риска с патогенами, с которыми в обычных условиях сталкиваются лишь внутри лабораторий BSL-3 или BSL-4.

В Соединённых Штатах существует тринадцать Regional Emerging Special Pathogen Treatment Centers.

В каждом из них — от двух до десяти коек.

Иными словами, в стране с населением более 340 миллионов человек имеется всего около ста высокоуровневых изоляционных мест, рассчитанных примерно на сто инфицированных пациентов одновременно.

В 2014 году американская миссионерка Нэнси Райтбол и американский врач доктор Кент Брэнтли заразились Эболой — возбудителем категории Tier 1 Select Agent — во время эпидемии в Западной Африке.

Обоих эвакуировали из Африки по воздуху в специальных биоконтейнмент-капсулах на борту чартерных самолётов Gulfstream и доставили в один из федеральных центров по лечению особо опасных инфекций.

После того как оба пациента были признаны свободными от вируса Эболы и выписаны, на обеззараживание каждого бокса ушло две недели.

Один из этих тринадцати центров первого уровня находится в Лос-Анджелесе.

Медицинский центр Cedars-Sinai, расположенный у границы Беверли-Хиллз, располагает двумя одноместными изоляционными палатами для инфекций, передающихся воздушным путём.

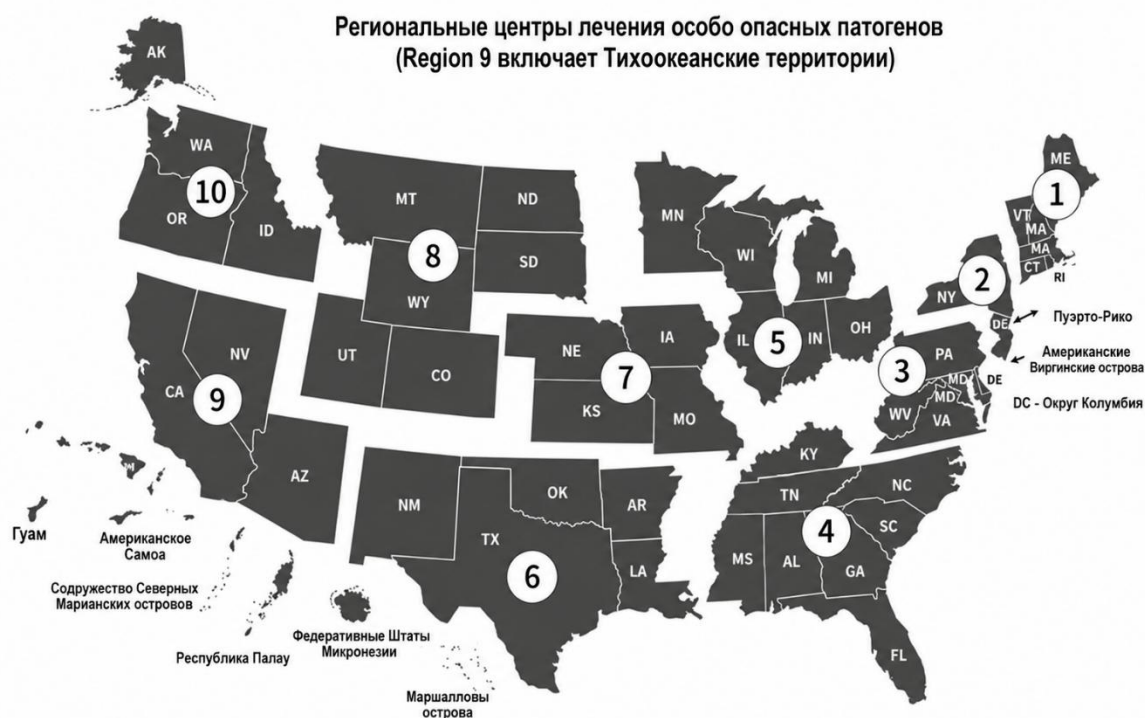
У каждой — отдельный травматологический лифт и четыре крупных стерилизатора для обеззараживания инфекционных отходов.

И эти две койки должны обслуживать всю Калифорнию, Аризону, Неваду и Гавайи.

Этот регион, известный в системе Министерства здравоохранения и социальных служб США как Region 9, включает также все американские территории и юрисдикции в Тихом океане: Самоа, Микронезию, Гуам, Палау, Северные Марианские острова и Маршалловы острова.

Если гражданин или постоянный житель США заразится возбудителем категории Tier 1 Select Agent в любом из этих четырёх штатов или шести тихоокеанских юрисдикций, его должны доставить в Cedars-Sinai в Лос-Анджелесе.

Если заражённых окажется больше двух, придётся обращаться за помощью к другим регионам.

Всего два специализированных бокса для особо опасных инфекций предназначены для обслуживания всего региона 9 Министерства здравоохранения и социальных служб США, в который входят Калифорния, Аризона, Невада и Гавайи, а также все тихоокеанские юрисдикции США.

Специализированный центр **Cedars-Sinai Level 1 Special Pathogen** существует уже около десяти лет, однако до сих пор в нём не лечили ни одного пациента с инфекцией, вызванной патогеном из категории **Tier 1 Select Agent**. Не было здесь и ни одного случая лёгочной чумы, передающейся воздушным путём.

По данным пресс-службы больницы, с момента получения уведомления о прибытии потенциального пациента команде требуется около восьми часов, чтобы подготовиться к его приёму.

Мужчину в зелёных кроксах везут по коридорам L.A. General Medical Center в отделение интенсивной терапии, где у дверей уже ждут две медсестры. Используя технику перекачивания пациента на бок, транспортная бригада перекладывает его с каталки отделения неотложной помощи на койку в реанимации.

В отделении интенсивной терапии его подключают к кардиомонитору, интубируют и переводят на искусственную вентиляцию лёгких. Берут кровь, делают посевы и отправляют образцы во внутреннюю лабораторию больницы на диагностику.

Палаты отрицательного давления в этой реанимации рассчитаны на предотвращение перекрёстного заражения такими инфекциями, как туберкулёз или сезонный грипп, а не высокоопасными патогенами из списка CDC Tier 1 Select Agents.

Заражено уже всё вокруг.

Частицы чумного возбудителя разносятся по коридорам, лифтам и вентиляционным каналам.

Болезни, передающиеся воздушным путём, заражают людей порой самым непредсказуемым и почти не поддающимся количественной оценке образом. В книге *The Demon in the Freezer* Ричард Престон описывает, как во время вспышки оспы в Германии в 1970 году человек, проходивший по улице возле больницы, заразился, хотя никогда не входил внутрь: частицы вируса вышли из изоляционной палаты через щель открытого окна.

Теперь в L.A. General Medical Center у многих посетителей, пациентов, уборщиков, капелланов и вспомогательного персонала частицы чумного возбудителя уже размножаются в лёгких.

Пройдёт ещё несколько часов, прежде чем кто-либо поймёт, что происходит.

Военно-морская авиабаза — Ки-Уэст, Флорида

На военно-морской авиабазе США в Ки-Уэсте дежурный офицер, отслеживающий ситуацию в прибрежных водах Карибского бассейна, замечает необычное движение судов, покидающих порт Санто-Доминго в Доминиканской Республике.

Учитывая близость этого района к проливу Мона, объединённая межведомственная оперативная группа ВМС США **Joint Interagency Task Force South** направляет морской патрульный самолёт для проверки.

Карта Карибского бассейна: Пуэрто-Рико, территория США, находится в сфере ответственности системы внутренней обороны Соединённых Штатов.

Пролив Мона — морской коридор шириной около восьмидесяти миль, начинающийся примерно в двадцати милях от восточной оконечности Доминиканской Республики. Он соединяет Атлантику с Карибским морем и потому служит главным маршрутом для лодок, которые нелегально идут из Южной Америки к восточному побережью Соединённых Штатов.

На другом берегу пролива Мона, ещё примерно в двадцати милях дальше, находится Пуэрто-Рико — территория США, находящаяся в сфере ответственности американской системы внутренней обороны.

Именно поэтому пролив Мона является зоной наивысшего приоритета для Южного командования Министерства обороны США.

Патрульный самолёт ВМС кружит над районом.

Радар обзора морской поверхности обнаруживает необычно большое скопление небольших судов, одновременно выходящих из разных точек вдоль юго-восточного побережья Доминиканской Республики.

Карибские прибрежные воды и без того постоянно заняты: наркоторговцы, перевозчики нелегальных мигрантов, рыбацкие суда. Поэтому американские военные ведут здесь непрерывное наблюдение.

Но сейчас происходит нечто иное.

Начинается массовое бегство людей.

Кризис только зарождается.

Южное командование США уведомляет передовой отряд на Кюрасао, откуда для разведки направляют беспилотники MQ-9 Reaper.

По защищённым каналам связи экипаж наблюдения передаёт изображения десятков — возможно, уже более сотни — лодок, которые почти одновременно покидают остров и идут в одном направлении.

К Пуэрто-Рико.

До американской территории — меньше девяноста миль.

Исход вызывает тревогу в Национальном военном командном центре — подземном бункере под Пентагоном.

Министерство обороны пока ещё не связывает вспышку в Сибири с массовым бегством людей из Доминиканской Республики.

Информация от Министерства здравоохранения и социальных служб США и CDC медленно проходит по цепочке.

С тех пор как российские власти объявили ранее неизвестный штамм бубонной чумы причиной вспышки необычной пневмониеподобной болезни, убивающей людей в Сибири, прошло чуть больше шести часов.

Но если таким инфекциям, как Covid, требуются недели, а то и месяцы, чтобы распространиться по миру, генетически модифицированным патогенам достаточно часов и дней.

■

Los Angeles General Medical Center — Лос-Анджелес, Калифорния

Пока врачи Los Angeles General Medical Center ждут результатов анализов крови мужчины в зелёных кроках, ему начинают вводить антибиотики внутривенно.

Диагноза нет.

Лучшее, что пока могут предположить врачи, — тяжёлая форма пневмонии.

В этой больнице, как и в той, где лечили больного чумой в Колорадо в 2014 году, используется внутренняя автоматизированная система посева крови.

Считается, что анализы внутри больницы дают результат быстрее, чем отправка образцов во внешнюю лабораторию.

А быстрый результат спасает жизни.

По крайней мере, такова идея.

Большинство людей едва ли задумывается, насколько сложен сам процесс диагностики.

И насколько критически важен он во время пандемии.

Пока врач не знает, с чем имеет дело, он, по сути, лишь делает обоснованное предположение.

В первые месяцы Covid доступного теста на SARS-CoV-2 вообще не существовало.

Все образцы приходилось отправлять в штаб-квартиру CDC в Атланте, потому что только там в тот момент умели проводить такие исследования.

Первые тесты на коронавирус основывались на методе RT-PCR — полимеразной цепной реакции с обратной транскрипцией, одном из самых современных лабораторных способов обнаружения и измерения генетического материала вирусов и бактерий.

В том числе генетического материала искусственно созданного биологического оружия.

Но ПЦР требует сложного лабораторного оборудования, подготовленных специалистов и времени.

Во время Covid, после целой серии катастрофических ошибок, о которых теперь известно публично, получение первых диагнозов занимало многие дни.

И лишь после введения в США режима самоизоляции огромные деньги, технологии и интеллектуальные ресурсы были брошены на создание быстрого теста — доступного, простого и пригодного для массового применения.

Лишь в 2021 году, почти через два года после начала пандемии, так называемые экспресс-тесты получили широкое распространение.

В крупных городах вроде Лос-Анджелеса такой тест уже можно было купить в ближайшем магазине и сделать дома.

Система строилась на доверии.

Если результат оказывался положительным, даже если человек чувствовал себя прекрасно и не имел симптомов, предполагалось, что он останется дома, чтобы не заражать других.

За исключением этих домашних экспресс-тестов, разработанных во время Covid, диагностика нового высокозаразного заболевания обычно представляет собой многоступенчатый профессиональный процесс.

И это помогает понять, как вспышка нового патогена, для которого ещё не существует готового теста, способна в рекордные сроки превратиться сначала в эпидемию, а затем в пандемию.

В общем виде диагностический процесс состоит из шести этапов:

Взятие образца

Оформление документов

Физическая транспортировка

Подготовка образца к исследованию

Тестирование

Передача результатов

Но внутри каждого из этих шести этапов есть ещё несколько.

Для взятия материала стерильным тампоном собирают слизь или ткань из носа или горла пациента.

Образец помещают в пробирку с консервирующей жидкостью и герметично закрывают.

Затем пробирку маркируют.

Оформляются документы: имя пациента, дата рождения и другие сведения.

Этикетка распечатывается и прикрепляется к пробирке.

Одновременно создаётся электронное направление, чтобы можно было сопоставить физический образец и запись в системе.

Обязательно фиксируется время.

После этого пробирку физически доставляют во внешнюю лабораторию — в термоизолированном контейнере и специальным медицинским курьером, нередко с соблюдением строгого температурного режима, чтобы генетический материал не был повреждён.

Но далеко не каждая курьерская компания имеет право перевозить опасные патогены.

В 2015 году американский военный полигон Dugway Proving Ground в Юте случайно разослал живые образцы сибирской язвы в восемьдесят шесть лабораторий в США и за рубежом.

Когда об этом узнал FedEx, компания отказалась перевозить патогены категории Tier 1 Select Agent, регулируемые федеральной программой Select Agent Program.

Это только первые три этапа из шести.

Когда физический образец наконец поступает в лабораторию, начинается подготовка.

Техник принимает материал, регистрирует его сканированием штрихкода, проверяет целостность и готовит к исследованию.

Затем проводятся один или несколько тестов:

экспресс-антигенный тест — около 15 минут;

молекулярный ПЦР-тест — от 1 до 3 часов;

культуральный метод — примерно от 1 до 3 суток.

Результат должен проверить человек.

И лишь после этого сотрудник с помощью компьютерной системы отправляет электронное заключение обратно — в медицинское учреждение, пациенту или обоим.

Автоматизированные системы посева крови внутри больницы, подобные той, что используется в L.A. General, как раз и предназначены для сокращения этого сложного пути.

Пока лабораторного подтверждения нет, врачи продолжают лечить пациента, основываясь на профессиональной догадке.

Но есть ещё одна неприятная истина:

машины ошибаются.

Именно это произошло в 2014 году с пациентом А., заболевшим лёгочной чумой в Колорадо.

И именно это происходит теперь с мужчиной в зелёных кроксах.

Автоматизированная система L.A. General ошибочно определяет в его крови бактерию *P. luteola*.

Для большинства людей она сравнительно безвредна, хотя для пациентов с ослабленным иммунитетом может представлять серьёзную угрозу.

Эта находка и вводит врачей в заблуждение.

P. luteola часто обнаруживается в загрязнённой среде — например, в больницах.

Она также встречается в приютах и лагерях бездомных.

Получив ошибочный диагноз, пациент, подобно пациенту А. в Колорадо, получает антибиотики широкого спектра — сразу несколько препаратов, чтобы преодолеть предполагаемую устойчивость бактерии.

В том числе левофлоксацин и стрептомицин.

Но болезнь зашла слишком далеко.

Мужчина впадает в кому.

Скоро он умрёт.

Тем временем его собаку, доставленную в службу контроля за животными, оставляют на ночь.

На следующий день животное «гуманно усыпляют после появления одышки и кровавистой мокроты».

Через сорок восемь часов приходит результат:

«признаков заражения вирусом бешенства не выявлено».

Сотрудники службы облегчённо вздыхают.

Бешенства нет.

Они ещё не знают, что уже заражены чумой, передающейся воздушным путём.

Домашние животные, как выясняется, тоже могут болеть чумой.

И кошки, и собаки способны передавать её человеку.

В случае пациента А. в Колорадо вспышку удалось остановить.

Прежде всего потому, что он заразился естественной лёгочной чумой — не генетически модифицированной в лаборатории вроде «Вектора».

Как мы уже знаем, коэффициент распространения R_0 природной лёгочной чумы составляет примерно 1,3–3,5.

Для созданного в этом сценарии «суперчумного» оружия, генетически изменённого ради усиления передачи, R_0 находится в диапазоне 10–12, в среднем около 11.

В случае пациента А CDC предпринял чрезвычайные меры, чтобы не допустить заражения медиков и людей, находившихся с ним в контакте.

«Медицинский персонал и личные контакты... были уведомлены о возможном воздействии возбудителя чумы».

Из 114 человек, которые могли контактировать с пациентом А. или его собакой, 88 было рекомендовано пройти антимикробную профилактику — получить высокие дозы антибиотиков ещё до появления болезни.

У троих заражение всё же подтвердилось.

Все трое выздоровели.

«Пациента А. лечили антибиотиками широкого спектра, включая левофлоксацин и стрептомицин; после двадцати трёх дней госпитализации он выздоровел», — сообщает CDC.

Один человек, естественным путём заразившийся лёгочной чумой в Колорадо, привёл к тому, что 88 другим людям потребовались профилактические антибиотики.

И здесь мы подходим к настоящему ужасу, лежащему в основе всей этой истории.

Даже если надвигающуюся эпидемию лёгочной чумы удастся лечить антибиотиками широкого спектра, в Соединённых Штатах лекарств на всех не хватит.

Дефицит вызывает мощнейшие психологические реакции.

Когда жизненно необходимые вещи становятся редкостью, социальные связи начинают разрушаться.

Когда лекарства не хватает на всех, включается инстинкт выживания.

«Дефицит захватывает сознание, — пишут исследователи поведения Сендхил Муллайнатан и Элдар Шафир. — Он меняет наше мышление».

Примерно это имел в виду бывший лидер большинства в Сенате Том Дэшл, когда сказал:

«Люди совершают бесчеловечные поступки просто ради того, чтобы выжить».

■

Штаб-квартира Агентства национальной безопасности — Форт-Мид, Мэриленд

АНБ перехватывает новые сообщения между штаб-квартирой ФСБ в Москве и военными в Кольцово.

Подтверждено 2 262 погибших в наукограде.

Запрашиваем дополнительные мобильные крематории.

На улицах никого.

Город похож на призрак.

Официально больше ничего не сообщается.

Интернет в наукограде по-прежнему отключён.

Пока аналитик АНБ продолжает слушать, появляются новые детали.

Учёный, найденный в лесу десятью охотниками, признан виновником взрыва в «Векторе».

Его тело вскрыто.

Его органы будут ценны для дальнейших исследований.

В отличие от доктора Устинова, который сорок лет назад умер после случайного заражения вирусом Марбург в лаборатории «Вектора» и был похоронен в официально обозначенной могиле, этого учёного разрежут ради науки, положат в свинцовый гроб и бросят в безымянную могилу.

— Он совершил измену, когда попытался уничтожить свою работу, — говорит военный.

— Мы нашли его семью, — отвечает офицер ФСБ. — Все умерли от чумы.

Из перехваченного разговора аналитик АНБ узнаёт ещё несколько вещей.

Россия не намерена отвечать на многочисленные обращения Государственного департамента США.

— К чёрту этих ублюдков.

ВОЗ не пустят в Новосибирск ещё несколько дней.

— К чёрту этих бюрократов.

Генетический код не передан и передан не будет.

— К чёрту этих идиотов, — говорят оба.

■

Национальный военный командный центр, Пентагон — Арлингтон, Вирджиния

В бункере под Пентагоном офицеры Национального военного командного центра наблюдают в реальном времени за массовым исходом людей с южного побережья Доминиканской Республики.

Масштаб происходящего беспрецедентен.

Лодки продолжают уходить с острова с пугающей скоростью.

В бурных водах пролива Мона катер береговой охраны США *Richard Dixon* оказывается лицом к лицу с флотилией из нескольких десятков судов, набитых мигрантами, отчаянно пытающимися добраться до Пуэрто-Рико.

До берега — сорок миль.

Среди судов есть и небольшие лодки с подвесными моторами, и контрабандистский корабль длиной более шестидесяти футов.

Тем временем в Х распространяется дезинформационная кампания.

Людям обещают, что если они доберутся до Пуэрто-Рико, их ждёт бесплатная неотложная медицинская помощь и американское гражданство.

Южное командование США направляет в район силы Четвёртого флота.

Береговая охрана получает из Пентагона строгий приказ не вступать в силовое столкновение.

Боевой корабль *USS St. Louis* уже вышел с военно-морской базы Гуантанамо на Кубе, но даже на максимальной скорости ему потребуется пятнадцать часов, чтобы добраться до места.

На глазах формируется катастрофа национальной безопасности.

Даже столкновение береговой охраны с одной лодкой, полной мигрантов, способно превратиться в информационный кошмар.

Разведывательный беспилотник выходит на позицию над крупнейшим судном флотилии.

Картина почти сюрреалистическая.

На палубе плечом к плечу стоят более ста мужчин, женщин и детей.

Многие выглядят больными.

Некоторые тяжело кашляют и настолько ослабли, что не могут стоять.

Один мужчина у носа судна размахивает белой рубашкой, привязанной к палке.

Помогите нам.

А на горизонте — ещё десятки лодок.

Кто-то поднимает плакат:

Мы безоружны и больны. Просим убежища.

Если в Пентагоне ещё сомневались, связан ли массовый исход с чумной вспышкой в Новосибирске, теперь основания для таких подозрений есть.

Перед Пентагоном и структурами внутренней безопасности встаёт практически неразрешимая задача:

как остановить сотни мигрантов, оказавшихся в море, явно больных и с высокой вероятностью заражённых генетически модифицированным патогеном?

Как ни поразительно это звучит, сценарий массовой миграции после биологической атаки или аварии уже отработывался в закрытых и открытых военных играх.

Одна из них называлась **Clade X**.

Она была проведена в 2018 году при участии бывших высокопоставленных членов американского правительства.

И из неё можно извлечь немало уроков.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Сценарий Clade X

В военной игре Clade X, проведённой Центром безопасности здоровья Джонса Хопкинса, экологическая террористическая группировка выпускает генетически модифицированное биологическое оружие, которое быстро сеет хаос по всему миру.

Вспышка — часть преднамеренной атаки — начинается в Германии.

Люди умирают.

Инфекция распространяется в другие страны.

Умирает всё больше людей.

Когда болезнь достигает Южной Америки, в Венесуэле начинают рушиться больницы и воцаряется анархия.

Толпы больных и умирающих мигрантов бегут с северного побережья континента и на лодках направляются к американской территории Пуэрто-Рико — примерно в шестистах милях к северу.

У побережья возникает противостояние с береговой охраной США.

Бывшие министры, играющие роли действующих членов кабинета, приходят к единому выводу: в сложившихся условиях гуманитарного решения нет.

Они решают, что остаётся лишь одно:

развернуть заражённых мигрантов обратно.

Отправить их назад в открытое море, где они почти наверняка погибнут от голода или утонут.

«В Пуэрто-Рико меньше дюжины настоящих изоляционных коков для инфекций, передающихся воздушным путём», — говорит бывший директор CDC Джули Гербердинг, исполняющая в игре роль главы CDC.

После обсуждения участники соглашаются: попытка перехватить и изолировать сотни перепуганных заражённых людей в море или уже после высадки полностью перегрузит и без того напряжённую систему здравоохранения острова.

В сценарии Clade X министр внутренней безопасности, роль которого исполняет бывший высокопоставленный сотрудник DHS Тара О'Тул, подчёркивает, насколько ужасно всё это будет выглядеть в глазах публики.

Прямые телетрансляции, где испуганные семьи в протекающих лодках силой разворачивают обратно в открытый океан, станут катастрофой для кабельных новостей.

Бывший лидер большинства в Сенате Том Дэшл, играющий самого себя в аналогичной должности, предупреждает:

«Это катастрофа, которая только ждёт момента, чтобы случиться».

Одной из главных целей сценария биологической атаки 2018 года было показать пробелы в системе национальной безопасности США на случай, если массовое бегство людей из соседней страны начнёт угрожать американскому суверенитету.

По итогам Clade X участники выделили три особенно серьёзные проблемы для внутренней обороны США:

Ранние потоки беженцев — стратегический признак начинающегося распада государства.

Потоки беженцев, вероятно, начнутся ещё до того, как патоген достигнет территории США.

Морские границы США — уязвимое место американской системы карантинного планирования. Если потребуется создать карантинную зону на воде, заранее подготовленных возможностей для этого не существует.

Суверенные границы Америки могут оказаться под угрозой прорыва, но допустить этого нельзя. Крайние меры должны рассматриваться с первых часов кризиса.

В сценарии Clade X окончательная судьба мигрантов так и не раскрывается.

Члены Совета национальной безопасности захлёбываются в череде всё новых кризисов.

После вспышек в Германии и Венесуэле заражением охвачены триста крупнейших городов мира.

К двадцатому месяцу погибает 150 миллионов человек.

Пятнадцать миллионов — только в США.

И затем военная игра внезапно заканчивается.
Мир погружён в хаос.
В мрачную, незавершённую панику.
Это всё, что вам позволено узнать.
Но это вовсе не значит, что правительство не знает, что произойдёт дальше.
Знает.

Ситуационная комната Белого дома — Вашингтон, округ Колумбия

В Ситуационной комнате президента информируют сразу о нескольких угрозах национальной безопасности.

На столе разложены фотографии лодок с мигрантами.

Министр внутренней безопасности: Они идут к Пуэрто-Рико. И к Флориде.

Президент: Остановите их.

Министр обороны: Нас ограничивает время реакции, сэр. Лодок уже сотни. Многие успеют дойти до Пуэрто-Рико прежде, чем наши силы перехвата соберутся в районе.

Министр здравоохранения и социальных служб предупреждает президента: если хотя бы одно такое судно достигнет берега, инфекция закрепится в населении.

Директор CDC: У нас там практически нет резервных возможностей.

Министр обороны предлагает другой вариант.

Министр обороны: У нас есть авиация.

Генеральный прокурор потрясён.

Генеральный прокурор: Вы не можете начать стрелять по лодкам с мигрантами. Это безоружные гражданские.

Министр обороны: Скоро среди них появятся гаитянские террористы.

Все смотрят на президента.

Президент: Гаити? А какое отношение Гаити имеет ко всему этому?

Советник по национальной безопасности: Это тот же остров, сэр.

Поправлять президента — всегда плохая идея.

Президент: Насколько реально, что они доберутся до Флориды?

Глава береговой охраны: Во время Covid мы перехватили 7 175 мигрантов с Гаити, пытавшихся попасть в Майами.

Президент: Кто, чёрт возьми, командует береговой охраной?

Все взгляды обращаются к министру внутренней безопасности.

Министр внутренней безопасности: Мы, сэр.

(Уточняет.)

Я. Председатель Объединённого комитета начальников штабов предлагает другой вариант.

Председатель ОКНШ: В условиях военного времени вы можете передать береговую охрану Министерству обороны.

Президент: Сделайте это.

(Генеральному прокурору.)

Оформите.

Генеральный прокурор: Да, сэр.

Советник по национальной безопасности переводит разговор на вспышку в России.

Директор CDC: Чумная вспышка, начавшаяся в России, теперь подтверждена в Казахстане, Вьетнаме и на Кипре. Про Карибский бассейн мы уже знаем. Появились новые сообщения из Финляндии и Франции.

Директор ЦРУ: В России уже тысячи погибших. Это биологическое оружие.

Директор национальной разведки: Район вокруг «Вектора» превратился в город-призрак. Российские войска в Новосибирске покидают посты.

Министр обороны: Там есть мобильный комплекс запуска межконтинентальных баллистических ракет. Мы наблюдаем.

Президент: Откуда мы знаем, что это всё одно и то же?

Руководитель биозащиты: Не знаем. Все ждут диагностики. Результатов тестов. До тех пор исходим из того, что это одно и то же.

Президент: Я хочу сосредоточиться на территории страны.

Министр обороны: NORTHCOM должен перейти в режим повышенной готовности.

Генеральный прокурор: Для этого необходимо соблюсти определённые юридические условия.

Президент: Обеспечьте.

Генеральный прокурор: Готовим декларацию о чрезвычайном положении, сэр.

Президент обращается к руководителю биозащиты.

Президент: Что нам сейчас нужно больше всего?

Руководитель биозащиты: Образец патогена.

Президент: Почему вы просто не скажете «вирус»? Мне надоели все эти умные слова.

Руководитель биозащиты: Это не вирус, сэр. Это бактерия.

Директор CDC: Патоген — это бактерия или вирус, способные вызывать смертельную болезнь.

Президент: Я думал, от бактерий у нас есть антибиотики.

Директор CDC: Бактерию можно генетически изменить так, чтобы она обходила действие антибиотиков.

Руководитель биозащиты: А это может означать, что лекарства вообще нет.

Президент: Что, чёрт возьми, не так с этими людьми? Зачем вообще кому-то создавать такое? Вопрос, который висит в воздухе.

И спорить с ним трудно.

Министр обороны: Россия отказывается передать генетический код.

Президент: Надо было ударить по ним, когда была возможность.

Министр обороны втягивает щёки и кривит рот.

Президент снова обращается к руководителю биозащиты.

Президент: Как защитить наших людей?

Министр здравоохранения: Начать развёртывание Стратегического национального запаса. Все антибиотики.

Президент: Я думал, вы сказали, что антибиотики могут не работать.

Руководитель биозащиты: Мы не узнаем, пока не попробуем.

Президент: Господи.

Министр здравоохранения: Развернуть полевые госпитали.

Министр обороны: Направить силы CBRN.

Министр поясняет: CBRN означает специальные подразделения по химическим, биологическим, радиологическим и ядерным угрозам.

Президент: Делайте.

Председатель ОКНШ: Вам нужно отдать WARNORD, сэр.

WARNORD — Warning Order, предварительный приказ-предупреждение.

Он выпускается министром обороны по распоряжению президента и направляется одному или нескольким из одиннадцати боевых командований США — военных структур, которые делят земной шар по географическим и функциональным зонам ответственности.

Мир огромен.

Но для Министерства обороны США он разделён на одиннадцать зон, каждая из которых находится под наблюдением отдельного боевого командования.

Где бы вы ни находились — на Земле или в космосе, — американские вооружённые силы где-то рядом.

След, присутствие, возможность проецировать силу, обеспечивать готовность и защищать американские интересы по всему миру.

Повсюду. В каждом уголке Земли. В каждой среде.

Министерство обороны США организовано в одиннадцать объединённых боевых командований.

WARNORD может иметь гриф **Confidential**, **Secret** или **Top Secret**.

Такие предупреждающие приказы ежедневно рассылаются по всему миру. Но этот — особенный.

Этот WARNORD касается Северного командования США — того самого боевого командования, которое отвечает за защиту территории страны. Приказ означает, что войска должны готовиться к возможному внутреннему развёртыванию в соответствии с **Title 10**.

Военная операция внутри Соединённых Штатов.

Исключительная по своему характеру операция, допускаемая лишь особыми правовыми полномочиями, позволяющими вооружённым силам действовать на территории США для защиты страны в рамках правового режима, известного как **Defense Support of Civil Authorities** — «военная поддержка гражданских властей».

WARNORD, направленный на внутреннюю территорию страны, — это уже шаг до военного положения.

Америка превращается в зону военных действий.

Комендантский час. Ограничение передвижения. Приостановка гражданских прав и действия *habeas corpus*. Задержание и заключение граждан без предъявления обвинений.

Если общественность узнает о таком внутреннем WARNORD, может начаться паника — именно та реакция, которая способна подорвать безопасность, ради которой вся эта операция и затевается.

Однажды подобный WARNORD уже выпускался — тайно.

В первые недели кризиса Covid министр обороны Марк Эспер подписал WARNORD, предписывавший NORTHCOM «подготовиться к развёртыванию» для выполнения возможных чрезвычайных задач. Эту историю раскрыл журналист *Newsweek* Уильям Аркин — остальные СМИ её почти не заметили.

Теперь президент санкционирует министру обороны выпуск нового WARNORD.

В Северном командовании, в Колорадо, войска начинают готовиться к развёртыванию.

Это силы, о существовании которых большинство американцев даже не подозревает — и уж тем более никогда не видело их в действии:

Все подразделения химической, биологической, радиологической и ядерной защиты — CBRN — приводятся в готовность к действиям внутри страны.

Все медицинские подразделения реагирования на биологическое оружие и оружие массового поражения начинают готовиться к переброске наземным и воздушным транспортом.

Все подразделения Бюро Национальной гвардии готовят в каждом штате **Weapons of Mass Destruction–Civil Support Teams** — группы гражданской поддержки на случай применения оружия массового поражения.

Все силы переходят в готовность к выполнению задач **Defense Support of Civil Authorities**.

Соединённым Штатам одновременно угрожают несколько кризисов национальной безопасности, причём сразу на нескольких направлениях.

На языке Министерства обороны это называется **complex catastrophe** — «комплексная катастрофа».

То есть ситуация, в которой взаимозависимые системы жизнеобеспечения начинают рушиться одна за другой, вызывая массовые человеческие потери и цепную реакцию новых катастрофических последствий.

Бывший глава FEMA Крейг Фьюгейт называет подобный сценарий **“Maximum of Maximums”** — «максимум из максимумов».

Лазарет круизного лайнера *Diamond Princess* — Тихий океан

До круизного терминала Кай Так в порту Гонконга остаётся два часа, когда восьмидесятилетний пассажир, лежащий в изоляторе, внезапно умирает.

Судовой врач начинает паниковать.

За последний час поступили ещё тридцать четыре пациента.

Одна из медсестёр куда-то исчезла.

Что, чёрт возьми, происходит?

Для пациентов с подозрением на инфекционное заболевание на *Diamond Princess* предусмотрены две изоляционные каюты. В дверях каждой есть окно, чтобы персонал мог наблюдать за находящимися внутри пациентами. В обеих поддерживается отрицательное давление, чтобы заражённый воздух не выходил наружу.

Когда накануне вечером восьмидесятилетнего пассажира доставили в судовой лазарет, его сопровождали две дочери.

Мужчина — судья из Германии.

Уже тогда его состояние было тяжёлым.

Теперь он мёртв.

Час назад у одной из дочерей внезапно появились те же симптомы, что и у отца.

Температура подскочила до 40 градусов Цельсия.

Вторая дочь тоже почувствовала себя плохо.

Обеих поместили во вторую изоляционную каюту.

Врачи на *Diamond Princess* работают как независимые подрядчики. Медицинские услуги — обследования, лечение, лекарства — оплачиваются отдельно.

Дочери, сопровождавшие больного отца, сказали судовому врачу, что хотят для него самого лучшего лечения и готовы за это платить.

Врач связался с санитарными властями порта Гонконга и сообщил, что подозревает вспышку норовируса на борту.

Норовирус — чрезвычайно заразный желудочно-кишечный вирус, настоящее бедствие для круизных лайнеров. Он распространяется через заражённую пищу, поверхности и от человека к человеку, вызывая острый гастроэнтерит — воспаление желудка и кишечника.

Большинство заболевших выздоравливают за один-три дня без специального лечения.

Смертельные случаи редки, хотя у пожилых и людей с ослабленным иммунитетом случаются.

После сообщения судового врача санитарные власти порта уведомляют подразделение скорой помощи пожарной службы Гонконга.

На причале готовят специальную изоляционную каталку, чтобы сразу доставить пассажира в местную больницу.

Но дело уже давно не в одном пациенте.

Одна из медсестёр говорит врачу, что насчитала в коридоре около сорока человек.

Один лежит без сознания прямо на ковровом покрытии.

Другая медсестра мечется по лазарету, не понимая, что делать.

Третья, ничего никому не сказав, уходит в жилую зону экипажа отдохнуть, но падает возле салат-бара для персонала.

Коллеги бросаются к ней.

Вокруг рта — ржаво-бурая пена.

На полу скапливается кровянистая слизь.

На верхних палубах люди начинают тяжело заболеть.

Возле Neptune's Reef and Pool женщина хватается за поручень и кашляет кровью.

Органы, о существовании которых она почти никогда не задумывалась, начинают отказывать.

Бактерии *Y. pestis* в крови выбрасывают токсины в клетки иммунной системы, лишая организм способности защищаться.

Чумные бактерии похожи на диверсантов.

Они проникают внутрь, размножаются и, если их ничто не останавливает, продолжают увеличивать свою численность до тех пор, пока организм хозяина не оказывается полностью подавлен.

И не умирает.

На шестой палубе мужчина с резко поднявшейся температурой закрывает глаза, пытаясь хоть немного уменьшить боль.

Сосуды в тканях его лёгких разрушаются.

Кровь просачивается в альвеолы.

Доли лёгких наполняются жидкостью и гноем, как губки, насквозь пропитанные водой.

Он тонет изнутри.

Не может дышать.

Из рта вырывается поток розовой пузырящейся мокроты — смесь гноя, погибших лейкоцитов, белков и клеточного мусора.

Эта жидкость заразна.

От неё пахнет разложением.

Мужчина спотыкается.

Падает.

Кувыркком летит вниз по лестнице.

Как такое вообще могло случиться?

Он приехал сюда ради хвостов омара и японского виски.

А получил генетически модифицированную лёгочную чуму.

И только подумать:

где-то в лаборатории человек в белом халате перепрограммировал природу именно на это.

Убивала сотни миллионов людей.

И оставляла инфраструктуру нетронутой.

Бывший советский разработчик биологического оружия Сергей Попов рассказывал Милтону Лейтенбергу, что сожалел о своей работе над этой чудовищной программой.

«Я восхищаюсь теми, у кого хватило мужества сказать “нет”», — говорил он журналисту Дэвиду Хоффману.

«Я всегда верил, что это оружие никогда не будет применено, потому что сама идея была слишком абсурдна».

Но он работал над ним.

И другие работали.

«Долгое время мне хотелось просто забыть всё, что я сделал», — признался Попов аудитории специалистов по биозащите в 2002 году.

Четверть века спустя, в этом сценарии, биологическое оружие, которое он и другие помогали создавать — убеждая себя, что оно никогда не будет использовано, — уже убивает людей по всему миру.

Ящик Пандоры открыт.

Но вина лежит не только на учёных советского «Биопрепарата».

Расширение сети лабораторий высокого и максимального уровня биологической защиты в XXI веке, как и эксперименты по усилению функций патогенов, стало прежде всего американской инициативой эпохи после 11 сентября.

Это был старт нового гигантского биотехнологического соревнования вооружений.

Гонка, которую подпитывали страх, терроризм, паранойя и жадность.

Бум BioDefense превратился в золотую жилу для нового поколения оборонных подрядчиков и биотехнологов.

Каждый хочет получить свою долю.

Спрос на целые новые классы препаратов — средства противодействия биологическому оружию — только растёт.

Если вы ещё ничего об этом не знаете, скоро узнаете.

Джинна обратно в бутылку уже не загнать.

Все старые метафоры внезапно оказываются правдой.

Медицинский центр на *Diamond Princess* захлёбывается.

Пациенты умирают.

Медсёстры умирают.

Скоро умрёт и судовой врач.

По всему кораблю пассажиры начинают паниковать, понимая, что происходит нечто страшное.

Что на борту — кошмарная инфекция.

Что они, возможно, уже заражены.

Капитан, пожалуй, лучше всех понимающий реальные возможности корабля и то, насколько скоро они будут исчерпаны, делает экстренное объявление.

Всем пассажирам приказано вернуться в каюты, запереть двери и не выходить.

Используя морской протокол бедствия Гонконга, капитан выходит на УКВ-канал 16:

Mayday, Mayday, Mayday.

Говорит Diamond Princess, Diamond Princess, Diamond Princess.

Mayday, Diamond Princess, позывной 2HFZ7.

Координаты: 22,32° северной широты, 114,70° восточной долготы.

У нас чрезвычайная ситуация.

На борту подозревается биологический агент, вызывающий тяжёлое заболевание и смерть.

Запрашиваем немедленную медицинскую, карантинную и эвакуационную помощь.

Всего на борту: 3 700 человек.

Приём.

Как когда-то радисты «Титаника», капитан заканчивает одним последним криком о помощи.

SOS. Спасите наши души.

ЧАСТЬ IV

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ АМЕРИКАНСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

День пятый

Скид-Роу — Лос-Анджелес, Калифорния

Утро в Лос-Анджелесе.

На тротуаре перед Wesley Health Center на Сан-Педро-стрит в Скид-Роу бурлит толпа тяжело больных людей.

Они толкаются, пытаясь удержать место в том, что лишь условно можно назвать очередью.

Каждый отчаянно хочет попасть в эту бесплатную клинику.

Никто ещё не знает, что заражён лёгочной чумой.

Прошли сутки с тех пор, как за углом в палатке нашли четыре тела.

И двое с половиной суток с тех пор, как студент-медик заразил сорок четыре бездомных во время события-суперраспространения в центре Лос-Анджелеса.

Модели передачи — прогнозные, но никогда не абсолютно точные — показывают, что несколько тысяч человек, живущих в Скид-Роу или просто пересекавшихся с местными жителями, уже заразились генетически модифицированной лёгочной чумой.

Большинство пока ещё ощущает странную эйфорию.

Но некоторые уже начинают погружаться в мучительную боль.

Лёгочную чуму называют **молниеносной болезнью** — *fulminant disease* — потому что она обрушивается внезапно и яростно, словно удар молнии.

Она не тлеет.

Не развивается медленно.

Она захватывает организм почти мгновенно и за короткое время проводит человека путь от заражения к смерти.

Но бездомные практически не видны американской национальной системе синдромного эпидемиологического надзора.

И потому медлительная, бюрократическая система здравоохранения США не понимает, что вспышка болезни здесь — та же самая воздушно передающаяся чума, которая уже распространяется по миру.

Условия для этой ошибки возникли задолго до нынешней вспышки.

Люди, лежащие без сознания на тротуарах, давно стали частью повседневного пейзажа.

Одна из причин — фентанил — чрезвычайно мощный синтетический опиоид, действующий прежде всего на рецепторы головного и спинного мозга и снижающий реакцию организма на внешние раздражители.

В смеси с ветеринарным седативным препаратом ксилазином он вызывает сильнейшую заторможенность, расслабление мышц и длительную неподвижность.

Человек выглядит застывшим.

Почти статуей.

Метамфетамины, также широко распространённые в Скид-Роу, действуют противоположно: вызывают крайнюю паранойю, галлюцинации, непредсказуемое поведение и вспышки агрессии.

Двое заражённых чумой мужчин дерутся за место в очереди.

Один сбивает другого с ног.

Оба падают на пару, сидящую у стены.

Женщина пытается заслонить собой двоих детей, но сама уже почти не воспринимает происходящее.

В нескольких дюймах от неё мужчина корчится на асфальте, его руки и ноги выкручиваются в неестественных движениях.

Другой, стоявший возле парковочного автомата, внезапно бросается на проезжую часть, размахивая воображаемой палкой.

Машины сигналият.

Насилие здесь, среди крайней бедности и распада, давно никого не удивляет.

Но ещё пройдут часы, прежде чем кто-нибудь поймёт, что происходит на самом деле.
Вооружённый охранник у входа в бесплатную клинику пытается удержать порядок.

День только начался, а уже кажется бесконечным.

Половина персонала не вышла на работу.
Как и медсестра № 1, многие позвонили и сообщили, что заболели.
Кто-то в очереди хватается за монтировку и угрожает охраннику.
— Впусти меня, чёрт тебя дери! Я был первым!
Охранник снова звонит 911.
Где полиция?
Вдали слышны сирены.
Над районом кружит вертолёт.
То, что происходит на Сан-Педро-стрит, уже повторяется в разных частях
пятидесятиквартального района Скид-Роу.
Клиники.
Временные медицинские пункты.
Midnight Mission.
Перед входами повсюду собираются толпы.
Почувствовав реальную угрозу, охранник достаёт оружие и отступает внутрь.
За усиленными дверями с двойными замками — зал ожидания.
Пластиковые стулья заняты полубессознательными людьми.
Сесть больше нигде.
Стоять тоже.
— Что, чёрт возьми, здесь происходит? — спрашивает охранник медсестру.
На полу он замечает мужчину, свернувшегося в позу эмбриона.
Плечи судорожно вздрагивают.
Он кашляет кровью.
— Кровохарканье не бывает от передозировки опиоидами, — говорит медсестра.
Охранник пытается осмыслить увиденное.
Он ветеран армии.
Больше десяти лет назад служил рядовым первого класса в Афганистане.
Во время патрулей видел медицинский хаос в деревнях, видел мёртвых и умирающих в полевых
пунктах сортировки буквально в нескольких шагах от себя.
Но это другое.
Он смотрит на мужчину, у которого кровоточат глаза.
На языке медицины — субконъюнктивальное кровоизлияние.
Лицо серое.
Губы тёмно-синие.
В глазах ужас.
Он вообще не должен быть в сознании, думает охранник.
И вдруг ему приходит в голову странный вопрос:
может ли человек привыкнуть к боли настолько, чтобы перестать её чувствовать?
Рядом на линолеуме женщина извивается в агонии.
Кожа покрыта красными пятнами.
Мужчина наклоняется и извергает на пол нечто, похожее на куски лёгочной ткани.
Остатки разлетаются вокруг, смешиваясь с лужами медно-бурой пенистой мокроты.
Люди поскальзываются.
Падают в неё.
Касаются руками и локтями триллионов бактерий *Y. pestis*.
Невооружённым глазом их не видно.
Но они здесь.
И всё это происходит в Америке.

В Лос-Анджелесе, Калифорния, где примерно три четверти года светит солнце.

Где утром можно заниматься сёрфингом, а после обеда кататься на лыжах.

Где всего в восьми милях отсюда парковку в Беверли-Хиллз недавно продали за 90 миллионов долларов.

Охранник не знает, что делать.

Он не врач.

Но и без медицинского образования ясно: происходит катастрофа.

Это уже не просто неудачная партия фентанила.

К нему подходит вторая медсестра.

В глазах страх.

— А если это заразно? У меня дети.

Охранник снова набирает 911.

Но система перегружена.

Модернизация калифорнийской системы **Next Generation 911**, стоившая полмиллиарда долларов, уже столкнулась с массовыми сбоями после запуска зимой 2025 года.

Теперь система снова отказывает.

Уи-и-и... Уи-и-и... Уи-и-и...

Сигнал «занято» повторяется снова и снова.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Программа BioSense

В 2003 году, после террористических атак 11 сентября, Центры по контролю и профилактике заболеваний США — CDC — создали многомиллиардную национальную систему синдромного эпидемиологического надзора под названием **BioSense**.

Её обещали превратить в своего рода «национальный радар здоровья Америки».

Задача BioSense — обнаруживать вспышки заболеваний, биологические инциденты или атаки в городах и штатах и останавливать их до того, как локальная аномалия превратится в катастрофу национального масштаба.

Через платформу BioSense CDC получает биомониторинговые данные об американцах из 7 200 медицинских учреждений во всех пятидесяти штатах, Вашингтоне, округ Колумбия, и на Гуаме.

Сюда входят почти в реальном времени поступающие данные из отделений неотложной помощи, клиник срочной помощи, амбулаторных центров и других зарегистрированных учреждений.

Всё это стекается на центральные серверы CDC для оперативного анализа.

«Глобальная безопасность здравоохранения — это национальная безопасность», — предупреждает CDC и заявляет, что BioSense является «первой линией обороны, позволяющей остановить вспышку там, где она начинается».

Но система не получает никаких данных из приютов для бездомных.

И никаких данных из клиник, работающих с бездомными.

Вообще никаких.

Это означает, что вся американская популяция бездомных — около 800 тысяч человек — по сути остаётся за пределами национальной системы синдромного эпидемиологического надзора CDC.

«Мы не ведём последовательного сбора и отчётности данных по этой демографической группе», — подтверждает через пресс-службу Министерство здравоохранения и социальных служб США, которому подчиняется CDC.

«Эти уязвимые, густо сконцентрированные группы населения... представляют собой катастрофу, которая только ждёт момента, чтобы произойти», — предупреждает доктор Майкл В. Каллахан, один из ведущих мировых специалистов по инфекционным заболеваниям.

Предупреждения остались без внимания.

И вот теперь — это.

Департамент полиции Лос-Анджелеса — центр города

В полумиле к северу от Скид-Роу, в центре связи LAPD, диспетчеры 911 захлёбываются от сообщений о каком-то массовом происшествии в районе Скид-Роу.

Первое предположение — массовая передозировка.

Почти все сообщения звучат одинаково.

Люди падают прямо на улицах.

Люди лежат без сознания на тротуарах.

Не дышат.

Пена у рта.

По всей Америке массовые передозировки в лагерях бездомных из редкого явления превратились почти в обыденность.

В июле 2025 года полиция Балтимора отреагировала на «инцидент с массовыми пострадавшими» на открытом рынке наркотиков после того, как двадцать семь человек одновременно получили передозировку фентанилом, смешанным, как сообщалось, с каким-то мощным седативным веществом.

На место направили тринадцать медицинских бригад и четыре пожарных машины.

Десятки полицейских искали других возможных пострадавших.

«Все начали отключаться одновременно, — вспоминал Билл Брукс, директор Penn North Recovery Center. — Мы никогда не видели ничего подобного. Пришлось задействовать вообще всех».

«Они работали здесь весь день и всю ночь, прочёсывали район, вводили Narcan», — рассказывал мэр Брэндон М. Скотт *The New York Times*.

Narcan — торговое название налоксона, препарата, который способен обратить действие опиоидной передозировки.

Позиция Управления по борьбе с наркотиками США проста:

«Массовые передозировки, связанные с фентанилом, убивают американцев с беспрецедентной скоростью».

В нашем сценарии авиационная служба LAPD поднимает второй вертолёт, чтобы расширить воздушное наблюдение и получать дополнительные видеоданные о происходящем в Скид-Роу.

LAPD объявляет **Tactical Alert**.

Этот повышенный режим работы увеличивает полицейское присутствие, мобилизует дополнительные ресурсы и заставляет сотрудников оставаться на службе после окончания обычной смены.

По всему городу подразделения LAPD разворачиваются и направляются в центр.

Пожарный департамент Лос-Анджелеса — центр города

При массовом происшествии с большим числом пострадавших, в том числе если предполагается наркотическая причина, именно пожарный департамент Лос-Анджелеса отвечает за медицинскую часть реагирования.

В Metropolitan Fire Communications, примерно в десяти кварталах к северо-востоку от Скид-Роу, диспетчерский центр 911, обслуживающий все пожарные и экстренные медицинские вызовы Лос-Анджелеса, работает на пределе.

Массовый инцидент, разворачивающийся вокруг Пятой улицы и Сан-Педро, парализует систему.

Сообщения о новых пострадавших поступают без остановки.

- Вам лучше поторопиться.
- Торчки дохнут прямо на улице.
- К чёрту полицию.

Машины скорой помощи, пожарные расчёты и парамедики несутся через центр города к Скид-Роу.

LAFD разворачивает командный пункт на перекрёстке Уолл-стрит и Бойд-стрит, в нескольких кварталах к северо-западу от Wesley Health Center.

Первые прибывшие рассредоточиваются по району.

Они вводят Narcan.

Дают кислород.

Оказывают расширенную реанимационную помощь.

Сортируют пострадавших.

Организируют перевозку в больницы.

С точки зрения распространения инфекции это катастрофа.

Никто даже не предполагает, что речь может идти о биологическом оружии.

Поэтому никто не носит биозащитного снаряжения.

«Мы не готовы к вспышке лёгочной чумы в центре Лос-Анджелеса, — говорит комиссар пожарной службы Лос-Анджелеса Джимми Х. Хара. — Даже наша HazMat-команда не готова к биологической катастрофе такого масштаба».

Комиссар Хара хорошо знает, что такое сортировка пострадавших и массовые потери.

Он врач всю взрослую жизнь.

Во время войны во Вьетнаме служил медицинским офицером сил крейсеров и эсминцев Седьмого флота.

Он также профессор семейной медицины, а позднее был связующим звеном между системой больниц Kaiser Permanente и всей Южной Калифорнией.

«Каждая больница могла бы справиться, может быть, с несколькими случаями воздушно передающейся чумы, — говорит Хара. — И то лишь если бы врачи сразу поняли, с чем имеют дело».

Но число заражающихся сотрудников экстренных служб очень быстро делает ситуацию неуправляемой.

«Те, кто приходит спасать, станут следующей волной жертв», — предупреждает комиссар Хара.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Биологические инциденты: руководство для правоохранительных органов

Более двадцати лет назад Edgewood Chemical Biological Center армии США подготовил руководство для полицейских, объяснявшее, чего ожидать при биологическом инциденте или атаке.

В нём признавалась беспощадная истина.

В отличие от американских военных, которых обучают и оснащают для работы в заражённой зоне в защитных костюмах и противогазах, местные полицейские и сотрудники экстренных служб встретятся с биологической угрозой практически без защиты.

После публикации этого армейского руководства на то, что государство называет BioDefense, были потрачены сотни миллиардов долларов.

Написаны тысячи докладов и монографий.

Созданы бесчисленные агентства, организации и рабочие группы.

Проведены сотни, если не тысячи, учений по биологической войне.

Десятки рассекреченных симуляций, в которых участвовали многие из тех же бывших высокопоставленных чиновников, доступны публике.

Ещё больше остаются засекреченными.

Но помогло ли всё это хоть сколько-нибудь предотвратить биологическую атаку или улучшить реагирование и восстановление, если она всё же произойдёт, — неизвестно.

«Правительство ежегодно тратит миллиарды долларов налогоплательщиков на программы, которые, возможно, работают, а возможно, и нет, чтобы предотвратить биологическую катастрофу»,

— писали в 2018 году первый министр внутренней безопасности США Том Ридж и сенатор Джо Либерман в статье для *The Hill*.

«Некоторые из крупнейших угроз для страны исходят от самых маленьких организмов на планете».

Даже самые высокопоставленные чиновники, которым поручено решать проблему биологической войны, знают:

у этой проблемы нет решения.

Армейское руководство предупреждает: если это всё-таки случится, биологическая война, подобно ядерной, уничтожит и заново перекроит современный мир.

Руководство было написано десятилетия назад.

Его не обновляли.

И, возможно, обновлять не нужно.

Те же неразрешимые проблемы, которые существовали при биологической атаке в 2004 году, существуют и сегодня.

В военной терминологии такая проблема называется **wicked problem** — «неразрешимая системная проблема».

Термин заимствован из теории систем и обозначает задачу настолько сложную и динамичную, что к тому моменту, когда она становится полностью видимой, сами условия задачи уже успевают измениться.

Армейское руководство выделяет четыре такие проблемы, которые никуда не исчезнут:

Биологическая атака невидима. Она бесшумна и не имеет запаха. Её не замечают до тех пор, пока люди не начинают умирать, а уровень распространения инфекции уже выходит из-под контроля.

Аэрозольный патоген — худший из возможных сценариев. Чтобы жить, человек должен дышать. Если патоген передаётся по воздуху, само дыхание становится главным механизмом распространения смерти.

Полиция, первые службы реагирования, врачи и медсёстры окажутся заражены. Люди, которые лучше всего подготовлены спасать других, сами заболеют и умрут, и вскоре почти никому будет ухаживать за больными и умирающими.

Массовая паника, скорее всего, обрушит медицинскую систему. Внезапное появление огромного числа умирающих вызовет поток не только действительно заражённых, но и «тревожно здоровых» — людей, уверенных, что они больны. Система скорой медицинской помощи окажется перегружена ещё до постановки диагнозов. А здоровые будут заражаться, пока ждут помощи.

Полицейский дал присягу откликаться на зов о помощи.

Обеспечивать общественную безопасность.

Защищать жизнь и имущество.

Следить за соблюдением закона.

Как пожарные, которые 11 сентября бросились в башни Всемирного торгового центра, первая волна спасателей при биологическом инциденте может ещё не понимать, с чем столкнулась.

Что большинство из них погибнет.

Управление готовности и реагирования на чрезвычайные ситуации, Департамент общественного здравоохранения округа Лос-Анджелес — Лос-Анджелес, Калифорния

В двух милях к северо-западу от диспетчерского центра LAFD сотрудники городского здравоохранения из подразделения Emergency Preparedness and Response проводят стремительный оперативный брифинг по поводу предполагаемого массового отравления фентанилом в Скид-Роу.

Здание на Коммонвелт-авеню — офисная башня позднемодернистского стиля с фасадом из отражающего зеркального стекла.

Седьмой этаж полностью отведён под кризисы общественного здравоохранения.

Оперативный центр здесь — сердце планирования и координации всего департамента.

Именно сюда стекаются чиновники, когда необходимо мобилизовать ответ на чрезвычайную ситуацию в области здравоохранения — такую, какая сейчас разворачивается в Скид-Роу.

Управление по готовности и реагированию на чрезвычайные ситуации Департамента общественного здравоохранения округа Лос-Анджелес.

Первоначальная оценка чиновников, которые только начинают получать сообщения от полиции и экстренных служб, такова: почти наверняка виновата особо мощная партия фентанила.

Конгресс предупреждал об этом ещё в 2022 году. «Незаконные синтетические опиоиды действуют как оружие массового поражения замедленного действия — только в форме таблеток», — пришла к выводу Комиссия по борьбе с незаконным оборотом синтетических опиоидов.

В том году от передозировок наркотиками умерли более 107 000 американцев — это сопоставимо с тридцатью шестью трагедиями масштаба 11 сентября.

«Чтобы представить это в правильной перспективе, — говорил Конгрессу в 2024 году бывший генеральный прокурор Уильям Барр, — в самый кровопролитный год Второй мировой войны мы потеряли 106 000 военнослужащих убитыми в бою. Иными словами, год за годом мы теперь несём от передозировок наркотиками потери, превышающие наши боевые потери в мировой войне».

Конгресс продолжил расследование.

«Фентаниловый кризис — одна из самых страшных катастроф, с которыми когда-либо сталкивалась Америка», — заключил двухпартийный комитет.

В нашем сценарии сотрудники окружного департамента здравоохранения просматривают поступающие данные в WebEOC — устаревшей веб-системе управления чрезвычайными ситуациями, созданной десятилетия назад, чтобы заменить бумажные отчёты о происшествиях.

Эта система позволяет видеть часть того, что видят пожарные и полиция, но у сотрудников здравоохранения нет неограниченного доступа к потокам данных в реальном времени.

Поэтому они не знают всего, что происходит прямо сейчас.

Система настолько несовершенна, что временами фактически перестаёт работать.

В отчёте 2022 года по итогам учений, имитировавших террористическую атаку в Лос-Анджелесе, было установлено, что Оперативный центр округа Лос-Анджелес оказался «неспособен эффективно координировать распространение экстренной информации для населения» и, даже когда стало ясно, что система дала сбой, «не предпринял никаких корректирующих действий для создания альтернативного способа связи».

Но одну вещь чиновники общественного здравоохранения Лос-Анджелеса понимают прекрасно: важно, как всё это выглядит со стороны.

Скид-Роу — тема болезненная, политически взрывоопасная, а происходящее сейчас выглядит драматично.

Если действовать неосторожно, история мгновенно выйдет из-под контроля.

Позднее утро.

Директор Департамента общественного здравоохранения округа Лос-Анджелес уже едет домой, собираясь остаток дня работать удалённо, когда звонит её заместитель и настоятельно советует немедленно провести пресс-конференцию.

Ждать нельзя.

Она вздыхает, разворачивает машину и возвращается в Оперативный центр в центре города.

Там, в медиа-комнате, можно записать обращение к населению.

Резиденция губернатора — Сакраменто, Калифорния

В Сакраменто губернатор только что загрузил в интернет новое интервью для своего подкаста и ждёт от руководителя аппарата свежих цифр популярности, когда узнаёт, что на первой линии его ждёт мэр Лос-Анджелеса.

Глава аппарата: Срочно.

В Скид-Роу произошло массовое происшествие.

Там, похоже, десятки погибших бездомных.

Губернатор просит соединить его с мэром по видеосвязи.

Он ставит собственный подкаст на паузу и ждёт, пока мэр появится на экране.

Подкаст этого губернатора построен по образцу подкаста губернатора Калифорнии Гэвина Ньюсома, заявленная цель которого — вести «честные разговоры», в том числе с представителями другой политической партии.

Когда подкаст Ньюсома впервые вышел в 2025 году, одна из ведущих газет Сан-Франциско раскритиковала губернатора за то, что тот «заискивает перед правыми инфлюенсерами и одновременно поддевает собственную партию», назвав всю затею «по-настоящему унижительной».

Для губернатора из нашего сценария очень важно, чтобы его собственный подкаст оказался успешным — и чтобы его не истолковали превратно.

Как и многие губернаторы в американской истории, он собирается баллотироваться в президенты на следующих выборах.

Гостем только что опубликованного выпуска стал чрезвычайно популярный правый интернет-инфлюенсер с пятнадцатью миллионами подписчиков в социальных сетях.

Новые медиа способны как создать кампанию, так и уничтожить её.

Недавно сын губернатора, студент колледжа, помог отцу это понять.

Дружба с восьмидесятипятилетними сенаторами, голливудскими знаменитостями и популярными музыкантами уже не поможет выиграть президентские выборы.

Не в современном мире.

А вот интернет-инфлюенсеры — помогут.

На экране появляется мэр.

Положение у неё чрезвычайно тяжёлое.

По словам начальника пожарной службы, двадцать минут назад насчитывалось сорок, а может быть, пятьдесят погибших бездомных.

Ещё сто или больше человек лежат на тротуарах без сознания или не реагируют на окружающее.

И никто не знает, что происходит внутри бесчисленных палаток, разбросанных по всему Скид-Роу.

Нагсан не действует.

Сотрудники экстренных служб сталкиваются с враждебностью собирающейся толпы.

Полицейские LAPD сообщают, что в них летят бутылки и камни.

— Господи, — говорит губернатор. — Что за наркотик?

Мэр: Фентанил. Скорее всего.

Губернатор: Чёрт.

Мэр: Начались грабежи.

Губернатор кивает.

Ну конечно.

После многих лет ожесточённых протестов, связанных с действиями полиции в Лос-Анджелесе, любое резкое усиление полицейского присутствия само по себе несёт риск.

Слишком резко нарастить силы — и можно спровоцировать новую точку взрыва.

Но если сил будет слишком мало, хаоса станет ещё больше.

Ситуация уже начинает выходить из-под контроля.

— Вам нужно объявить чрезвычайное положение, — говорит мэр.

— Уже, — отвечает губернатор. — Подниму Национальную гвардию.

Мэр, обеспокоенно: Из Кэмп-Пендлтона?

Губернатор: Да.

Мэр: Силам быстрого реагирования потребуется минимум восемь часов, чтобы развернуться.

Губернатор: Да.

Мэр: Это может оказаться слишком долго.

Губернатор: Максимально задействуйте SWAT.

Мэр кивает.

Он спрашивает, нужно ли ей что-нибудь ещё.

Нет.

Губернатор: Держите меня в курсе.

Он отключается и возвращается к тому, чем занимался прежде.

■

Скид-Роу — центр Лос-Анджелеса

С сиреной и мигающими проблесковыми маячками командир полиции на месте происшествия мчит от штаб-квартиры LAPD к Сан-Педро-стрит — всего семь кварталов.

Переезжая из Литл-Токио в Скид-Роу, этот опытный офицер чувствует: что-то не так.

День в штаб-квартире LAPD и без того выдался бурным.

Восемь полицейских не вышли на работу.

Двое из них сейчас борются за жизнь в отделении интенсивной терапии больницы в Торрансе.

Оба участвовали накануне в одной и той же антинаркотической операции в Скид-Роу.

Сбавляя скорость перед пешеходным переходом, командир видит, как прямо перед ним нарастает безумие.

Какой-то мужчина швыряет в полицейскую машину стакан Big Gulp и показывает средний палец.

Загорается зелёный.

Командир едет дальше.

Как и многие сотрудники правоохранительных органов, опрошенные для этой книги, он служит в LAPD уже больше тридцати лет.

Скоро уйдёт на пенсию.

Раньше, чем собирался.

Последние несколько лет были «ужасными для морального состояния», говорит он.

Поддержка полиции упала до нового минимума.

В прошлом месяце кто-то плюнул в него в Starbucks.

Мэр Лос-Анджелеса Карен Басс признаёт, что положение полицейских непростое, а отношение горожан к ним противоречиво.

«Сначала они хотят лишить полицию финансирования, а потом требуют помощи от полиции, когда их преследует ICE», — говорит Басс.

Командир прибывает на место.

Вокруг Wesley Health Center стоят пожарные машины и кареты скорой помощи.

Сотрудники LAFD сортируют пострадавших, лежащих без сознания прямо на улице.

Налоксон — препарат, обращающий действие передозировки, — не помогает.

Остаётся только кислород.

Пожарные и парамедики переходят на мешки Амбу и начинают вручную вентилировать лёгкие пострадавших.

Скид-Роу взрывается хаосом.

Почему люди кашляют кровью?

Одурманенный наркотиками мужчина переворачивает каталку, и медицинские принадлежности разлетаются по улице.

Охваченная эйфорией толпа бросается к машине скорой помощи и начинает колотить по дверям.

LAPD пытается удержать ситуацию под контролем.

Полицейские пытаются попасть внутрь Wesley Health Center, но двери клиники забаррикадированы.

В них летят различные предметы.

Полиция не может войти.

По радио начальник батальона сообщает о новом скоплении пострадавших в переулке за Midnight Mission.

LAPD перекрывает улицу.

— Где, чёрт возьми, наш токсиколог на месте? — кричит командир LAFD.

В окружной департамент общественного здравоохранения уже отправлено экстренное сообщение с просьбой о помощи.

Но представителей общественного здравоохранения на месте нет.

«Коррупцированная, раздутая и неэффективная бюрократия» — так характеризует Департамент общественного здравоохранения округа Лос-Анджелес местная AIDS Healthcare Foundation.

И она не одинока в этой оценке.

Аудит 2025 года показал, что сотни миллионов долларов из годового бюджета Лос-Анджелеса на помощь бездомным — тогда он составлял 875 миллионов долларов, а в 2025–2026 финансовом году был увеличен до 953 миллионов — тратились без должного контроля и прозрачности.

«Теперь уже два аудита подтвердили, что город не способен отчитаться за работу, на которую получает финансирование, — заявила Associated Press член городского совета Моника Родригес. — И для меня это вопиющее нарушение доверия налогоплательщиков».

Система общественного здравоохранения Лос-Анджелеса давно расколота и разобщена.

Внутри Wesley Health Center, за заблокированными дверями, врачи и медсёстры тщетно пытаются взять под контроль стремительно ухудшающуюся ситуацию.

Охранник бежит вверх по задней лестнице и выбирается на крышу.

Звонки на 911 всё ещё упираются в бесконечный сигнал «занято».

Ему нужна полиция.

Размахивать руками с крыши — единственное, что приходит ему в голову.

Внутри уже больше десятка мёртвых.

Группа медсестёр забаррикадировалась в кладовой.

Какой-то безумец поджёг туалет.

Дым заполняет нижний этаж.

То, что происходит в Лос-Анджелесе, не имеет прецедента.

Но прецеденты учений — есть.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

ТОРОFF 2000

Ещё в середине — конце 1990-х годов Конгресс и Белый дом запустили целую серию программ внутренней готовности, в рамках которых федеральное правительство должно было регулярно проводить полномасштабные учения по сценарию биологической атаки.

Идея заключалась в том, чтобы федеральные, штатные и местные правоохранительные органы и службы экстренного реагирования заранее знали, как действовать при катастрофе подобного масштаба — «до того, как произойдёт реальный инцидент».

Это были не кабинетные обсуждения за столом.

В учениях участвовали тысячи людей в реальных условиях.

В то время в кругах национальной безопасности США быстро нарастал страх перед тем, что террористы могут завладеть биологическим оружием и применить его внутри страны.

Именно этот сценарий лежал в основе многих правительственных симуляций того периода.

(Изображение Джетта Якобсена, перерисовано по графику Центра исследований гражданской биозащиты Джонса Хопкинса.)

Одним из первых рассекреченных учений стало **ТОРОFF 2000** — полномасштабная межведомственная и межрегиональная симуляция.

ТОРОFF расшифровывается как **Top Officials** — «высшие должностные лица».

В одной из частей сценария террористы тайно распространяли лёгочную чуму внутри Denver Performing Arts Center в центре Денвера, штат Колорадо.

Авторы сценария исходили из естественной заразности лёгочной чумы — в среднем R_0 около 2,4.

В моделируемой атаке биологическое оружие не было генетически модифицировано террористами.

При этом предполагалось, что быстрое внутривенное введение антибиотиков пострадавшим в больницах Денвера резко снизит число новых заражений.

После четырёх поколений передачи число новых случаев чумы выглядело так:

Поколение 1: 733 новых случая

Поколение 2: 1 871 новый случай

Поколение 3: 3 060 новых случаев

Поколение 4: 3 700 новых случаев — «Учение прекращено»

После четвёртого поколения заражённых симуляция внезапно обрывается.

Но если не вникать в детали, остаётся незаметным главное: учения остановили потому, что система здравоохранения Денвера попросту рухнула.

В итоговом отчёте один из авторов ТОРОFF, доктор Томас В. Инглсби, и его коллеги писали:

«Сотрудники органов здравоохранения были полностью измотаны, и многих участников быстро охватило чувство безысходности».

ТОРОFF 2000 показал, насколько катастрофически плохо и власти штатов, и федеральное правительство были подготовлены к биологической катастрофе.

Запасы закончились.

Службы экстренного реагирования не успевали сортировать пострадавших.

Больницы оказались переполнены.

На федеральном уровне царила путаница относительно того, кто вообще отвечает за происходящее.

Инглсби обнаружил пересечение полномочий Министерства юстиции, отвечавшего за правоохранительную часть, FEMA, отвечавшего за ликвидацию последствий, Министерства здравоохранения и CDC, совместно управлявших санитарно-эпидемиологическим реагированием, и Министерства обороны, обеспечивавшего военную поддержку.

То, что было верно в мае 2000 года, когда проходили учения ТОРОFF, остаётся верным и сегодня.

Полноценно отреагировать на биологический инцидент или атаку с воздушно передающимся патогеном вроде лёгочной чумы практически невозможно.

Разница лишь в одном.

С тех пор биотехнологии продвинулись настолько далеко, что патоген в будущем биологическом инциденте почти наверняка окажется генетически модифицированным — более вирулентным, более заразным и способным обходить лечение.

■

Оперативный центр Департамента общественного здравоохранения округа Лос-Анджелес — центр Лос-Анджелеса

Директор Департамента общественного здравоохранения округа Лос-Анджелес выходит к трибуне для пресс-брифинга.

Это невысокая женщина средних лет со светлой кожей, в синем платье и удобных туфлях на каблуке.

Позади неё аккуратно расставлены флаги, деревянный стол и зелёное комнатное растение.

Рядом молодой мужчина энергично переводит её слова на язык жестов.

Директор общественного здравоохранения: Мы хотим сообщить о вспышке, которая, по всей видимости, представляет собой массовую передозировку наркотиков в центральной части Лос-Анджелеса.

Это чрезвычайная ситуация в сфере общественного здравоохранения.

Она улыбается — улыбкой, которая должна выражать сочувствие.

Пока мы считаем, что ситуация связана с опиоидным кризисом — войной, которая ведётся против наших граждан, особенно против наших соседей, не имеющих жилья.

Она умолкает на мгновение.

Продолжает.

Наши сотрудники вводят Narsan, однако сейчас у нас большое число пострадавших, поэтому нам нужна помощь всех.

Если у вас появились боль в груди, высокая температура или кашель, немедленно обратитесь за помощью через систему общественного здравоохранения округа Лос-Анджелес, города Лос-Анджелес либо через наши партнёрские общественные организации.

В углу экрана появляется карта с ярко-красными линиями автобусных маршрутов к различным государственным больницам округа Лос-Анджелес.

Мы получаем сообщения о насилии.

Это недопустимо.

Это не то, кем мы являемся.

Мы должны позволить полицейским и сотрудникам экстренных служб выполнять свою работу.

Ещё одна пауза.

Если вы не больны и живёте в центре города, пожалуйста, оставайтесь дома.

Переводчик на язык жестов хмурится.

У бездомных нет дома.

Мы будем информировать вас по мере поступления новой информации.

Она благодарит аудиторию и отходит от трибуны.

Камера выключается.

■

Воздушное пространство — Даллас, Техас

В небе над Далласом самолёт с 420 пассажирами на борту готовится к посадке.

Последнее время бортпроводники особенно внимательно следят за тяжело больным пассажиром в кресле 8А бизнес-класса.

Как мы знаем, этот техасский нефтяник, житель Далласа, был одним из десяти охотников, отправившихся на крупную дичь в Новосибирск, в Сибири.

Как и остальные участники той поездки, три с половиной дня назад он заразился лёгочной чумой после того, как группа наткнулась в лесу на умирающего учёного из «Вектора».

Из Сибири техасец вылетел во Франкфурт.

Там он провёл деловую встречу.

Поел.

Сходил на дискотеку.

Переночевал.

Взял такси до аэропорта.

Прошёл досмотр.

Сел в этот самолёт.

И занял кресло 8А.

По данным CDC, естественная лёгочная чума имеет инкубационный период от одного до трёх дней.

У нового варианта, судя по всему, у большинства людей инкубация длится примерно сутки.

У техасца она затянулась потому, что в момент заражения он как раз заканчивал десятидневный курс доксициклина от синусита.

«Трудно сказать, смогли бы последние дозы антибиотика, назначенного от другого заболевания, полностью уничтожить возбудителя лёгочной чумы, — говорит бывший помощник министра здравоохранения Бретт Жируар, — или лишь затормозить его, как это происходит в этом сценарии».

Чтобы знать наверняка, добавляет Жируар, «пришлось бы сначала испытать это на людях».

«Не то, что мне хотелось бы увидеть».

Но враждебные государства могут пойти и на такое.

Когда речь идёт о генетически модифицированном варианте заболевания, без данных невозможно предсказать его поведение.

Covid уже научил нас этому.

Первоначальная доза возбудителя у техасца была меньше, чем у остальных охотников.

А это, как мы знаем, тоже важный фактор передачи болезни.

Техасец боится микробов.

Когда группа обнаружила учёного в снегу, он специально держался подальше.

Не стал помогать нести человека, сославшись на больную спину.

Но генетически модифицированную чуму не перехитришь.

Он не пошёл ни в сауну, ни в парную.

Но заразился в микроавтобусе по дороге в новосибирский аэропорт.

Доксициклин в его организме замедлил размножение *Y. pestis* в лёгких.

Но полностью бактерии не уничтожил.

К тому времени, когда примерно двенадцать часов назад он занял кресло 8А, искусственно вызванная эйфория уже прошла, и начали проявляться полноценные симптомы чумы.

В последний час рейса Франкфурт — Даллас бортпроводники помогают техасскому нефтянику как могут.

Но запас экстренного медицинского оборудования на борту 747-го ограничен.

Очевидно одно:

пассажиру немедленно нужна больница.

Все сидят на своих местах.

Столики убраны.

Спинки кресел подняты.

Все готовятся к посадке.

Бортпроводница делает объявление.

Дамы и господа, на борту находится пассажир, которому требуется экстренная медицинская помощь.

Миллионы авиапассажиров слышали такие объявления.

То самое, когда просят всех оставаться на местах, пока экстренные службы не вынесут больного из самолёта.

Капитан оставит табло «Пристегните ремни» включённым до тех пор, пока передвигаться по салону не станет безопасно.

Спасибо за сотрудничество.

Многие из остальных 419 пассажиров и несколько членов экипажа тоже начинают чувствовать себя плохо.

У многих появляется стеснение в груди.

Поднимается небольшая температура.

Возникает лёгкое головокружение.

Мало кто чувствует себя великолепно после одиннадцатичасового перелёта.

И потому никто не сообщает экипажу о своём самочувствии, когда пассажиры начинают выходить.

В аэропорту Даллас — Форт-Уэрт у выхода уже ждёт бригада экстренной медицинской помощи.

Самолёт прибывает из Франкфурта.

Медики заходят на борт и перекладывают находящегося почти в коме пассажира на каталку.

С помощью аэродромной лестничной машины его спускают на перрон и загружают в ожидающую скорую помощь.

Остальные 419 человек выходят из самолёта.

Перелёт был долгим.

Многие выглядят измученными и бледными.

Некоторые кашляют.

Один мужчина с ослабленным иммунитетом из-за хронического заболевания чувствует себя настолько слабым, что ждёт, пока выйдут все остальные, и только потом медленно покидает самолёт и входит в переполненный терминал.

По всей территории США существуют многомиллиардные системы, предназначенные для того, что американская индустрия BioDefense называет наблюдением и обнаружением биологических угроз.

Ни одна из них здесь не срабатывает.

Один отчёт Конгресса за другим показывает, что большинство этих сложнейших систем обнаружения почти никогда не работает так, как было задумано.

История Томаса Эрика Дункана хорошо показывает почему.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Эбола в Техасе

20 сентября 2014 года гражданин Либерии Томас Эрик Дункан прибыл в международный аэропорт Даллас — Форт-Уэрт, не подозревая, что заражён вирусом геморрагической лихорадки Эбола.

После прибытия в Даллас он почувствовал себя плохо и обратился в отделение неотложной помощи Texas Health Presbyterian Hospital.

Там ему ошибочно поставили диагноз «синусит», назначили антибиотики — которые, разумеется, не действуют на вирусы, — и посоветовали принимать Tylenol.

Проведя четыре часа в переполненном отделении неотложной помощи, он был выписан.

Его состояние ухудшалось.

Через несколько дней Дункана снова привезли на скорой в ту же больницу, которая не госпитализировала его при первом обращении — человека, недавно прибывшего из Западной Африки и уже имевшего ранние признаки Эболы.

Теперь у него появились симптомы поздней стадии заболевания, включая кровотечение из глаз — признаки, которые уже почти невозможно принять за что-либо другое.

Нельзя сказать, что в 2014 году эпидемия Эболы была неизвестна медицинскому сообществу или рядовым американцам.

К моменту прибытия Дункана в аэропорт Даллас — Форт-Уэрт эпидемия в Западной Африке уже унесла 3 000 жизней.

На первых полосах американских газет вышло более ста материалов о вспышке на другом конце света.

Согласно одному заметному исследованию медийного внимания, «значительная часть американского общества была обеспокоена возможностью заражения вирусом Эбола».

Поняв, что столкнулись с кошмарной ситуацией, представители техасской больницы связались с CDC.

На следующее утро CDC подтвердил у Дункана Эболу.

Он стал первым человеком, которому диагноз геморрагической лихорадки Эбола был поставлен непосредственно на территории Соединённых Штатов.

До него в страну уже доставляли нескольких пациентов с заранее установленным диагнозом, но их специально перевозили для лечения в изоляционные блоки Университетской больницы Эмори в Атланте.

Как и заражённый путешественник в нашем сценарии, Томас Эрик Дункан начал долгий путь в США на далёком континенте и делал пересадку в Европе — в Брюсселе.

Но, в отличие от лёгочной чумы, Эбола не передаётся по воздуху.

Она распространяется при физическом контакте с заражённым человеком, обычно через биологические жидкости — например, слюну или кровь.

Ранние симптомы включают сыпь, высокую температуру, головную боль и боли в мышцах.

Затем появляются рвота, диарея и, в тяжёлых случаях, смерть.

По данным, приводимым авторами, от 60 до 92 процентов жертв Эболы могут погибать на фоне массивного кровотечения — кровь идёт из глаз, ушей, носа и повреждённой кожи.

Дункан заразился в Либерии после того, как помогал доставить в больницу беременную женщину, больную Эболой.

Когда он покинул Западную Африку, никаких симптомов у него ещё не было.

В то время на Либерию приходилось около 45 процентов всех смертей от Эболы.

Сегодня может показаться невероятным, что ни бельгийские, ни американские власти не спросили Дункана, бывал ли он в эпицентре эпидемии, прежде чем позволить ему въехать в страну.

Но именно так всё и произошло.

Поскольку Эбола не передаётся воздушным путём, ни один из пассажиров самолётов, которыми летел Дункан, и ни один человек в посещённых им аэропортах не заразился.

Но он заразил двух медицинских работников Texas Health Presbyterian Hospital в Далласе — той самой больницы, где оказался в реанимации и впоследствии умер мучительной смертью.

И если это трудно осмыслить, дальнейшее выглядит ещё невероятнее.

Одной из медсестёр, ухаживавших за первым диагностированным в США пациентом с Эболой, была Эмбер Джой Винсон.

Ещё до начала ухода за Дунканом в отделении интенсивной терапии она купила билеты на самолёт в Кливленд, штат Огайо.

Она собиралась навестить мать и жениха.

И заняться подготовкой к собственной свадьбе.

В 2014 году диагностические возможности были таковы, что вирус Эболы нельзя было надёжно обнаружить в крови до появления симптомов.

Поскольку Винсон ухаживала за больным Эболой в реанимации, она связалась с CDC и спросила, можно ли ей лететь.

В CDC посоветовали измерить температуру.

Она сообщила, что температура немного повышена — 99,5 °F, или 37,5 °C.

Сотрудник CDC отметил, что порогом лихорадки считается 100,4 °F — 38 °C, — и разрешил медсестре лететь обычным коммерческим рейсом.

После возвращения из Огайо анализ Эмбер Джой Винсон оказался положительным на Эболу.

Когда об этом стало известно общественности, вспыхнуло возмущение.

Директор CDC Том Фриден пытался объяснить принятое решение тем, что «у неё не было рвоты и кровотечения», а следовательно, разрешение на полёт считалось допустимым.

Позже Фриден извинился.

Вторая медсестра из реанимации, также ухаживавшая за Дунканом, тоже заразилась Эболой.

Обе техасские медсестры получили первоклассное лечение и выздоровели.

8 октября 2014 года Томас Эрик Дункан умер, став первым человеком, скончавшимся от геморрагической лихорадки Эбола на территории США.

Скид-Роу — центр Лос-Анджелеса

«Грань между порядком и анархией очень тонка, — говорит доктор Томас Эрхард, бывший специальный помощник заместителя министра обороны. — И рвётся она быстро».

В центре Лос-Анджелеса беспорядки начинают разрастаться.

В интернете появляются кадры с телами погибших бездомных.

Реакция — самая разная: от возмущения государственной политикой до откровенного расчеловечивания.

#ОчиститеУлицы

#ГородскойУпадок

#АпокалипсисТорчков

В Калифорнии люди давно притупили чувствительность к историям о катастрофах в лагерях бездомных.

Пожары.

Взрывы.

Новости о том, что частным компаниям платят по сто миллионов долларов за ликвидацию лагерей, после чего их жители просто возвращаются.

Многие калифорнийцы перестали обращать внимание.

В Лос-Анджелесе ещё нет и полудня.

Люди заняты работой.

Полиция ограничила доступ к нескольким кварталам Скид-Роу и пока удерживает телесъёмочные машины традиционных СМИ на расстоянии.

Но гражданские журналисты и интернет-инфлюенсеры умеют обходить систему.

Они приезжают на электросамокатах и снимают разворачивающийся хаос.

Эта сеть активистов специализируется на отслеживании действий полиции: слушает сканеры и собирает информацию из открытых потоков данных.

Среди этих партизанских документалистов — тот самый чрезвычайно популярный правый интернет-инфлюенсер, который недавно появился в подкасте губернатора.

Он идёт прямо в центр хаоса, транслируя происходящее в прямом эфире со своего iPhone.

Насилие в центре города и вокруг Скид-Роу достигает нового уровня даже для города, привыкшего к беспорядкам.

Инфлюенсер потрясён количеством бездомных, лежащих на улицах без сознания или уже мёртвых.

Полиция оцепила десять кварталов вокруг Wesley Health Center.

С крыши соседнего здания он снимает, как полицейские выбивают входную дверь клиники тараном.

Воют сирены.

Пожарные включают воздушные сигналы.

Скорые не могут проехать.

За ограждениями сотрудники экстренных служб сортируют полубессознательных людей по вероятности выживания.

Вокруг них заражённые чумой жители, охваченные паникой, всё сильнее выходят из-под контроля.

Сортировка означает, что одни получают помощь немедленно.

Другим приходится ждать.

А некоторых признают безнадежными и оставляют умирать.

Для толпы людей, находящихся под воздействием наркотиков и зачастую имеющих тяжёлые психические расстройства, чёрные бирки триажа с обозначением «ожидаемая смерть / умер» выглядят как свидетельство чего-то куда более зловещего.

— Они специально нас убивают! — кричит мужчина.

— Это управляемое сокращение населения! — вопит другой. — Евгеника!

Люди вокруг ошеломлены тем, как быстро растёт число тел.

Из ряда палаток вдоль Сан-Джулиан-стрит вытаскивают всё новые трупы.

Около 4 000 человек называют Скид-Роу своим домом.

И теперь каждый требует ответа.

Что, чёрт возьми, происходит?

Уличные медики и группы помощи бездомным спешат на место — как соседи с вёдрами, когда горит чей-то дом.

На перекрёстке Крокер-стрит и Ист-Седьмой женщины падает прямо на пешеходном переходе.

Инфлюенсер спускается с крыши и начинает снимать с улицы.

Мужчина в бреду пронзительно кричит, его кишечник непроизвольно опорожняется, пока он судорожно хватается воздух.

За углом, позади предприятия по упаковке рыбы, группа умирающих мужчин бьётся в конвульсиях.

Губы потемнели от цианоза.

Носы и кончики пальцев — почти чёрно-синие.

Мужчина выпадает из инвалидной коляски.

Глаза налились кровью.

На губах кровь.

Обстановка острой наркотической зависимости скрывает настоящую природу происходящего — вспышку инфекционного заболевания.

Уличный фентанил подавляет ноцицепцию, то есть способность нервной системы регистрировать повреждение.

Из-за этого ожоги, обморожения, открытые раны и тяжёлые заболевания могут оставаться почти незамеченными самими больными до тех пор, пока не начнётся отказ органов или дыхательная недостаточность.

Поэтому люди, находящиеся на грани смерти от чумы, внешне почти не отличаются от окружающей толпы, охваченной действием стимуляторов.

Люди воют.

Кричат.

Издают почти звериные звуки.

Скид-Роу всё больше напоминает то ли ад Данте, то ли картину Иеронима Босха.

У многих заражённых заканчивается последняя стадия генетически вызванной эйфории, усиленной метамфетамином, фентанилом и Tranq.

На улицах.

На тротуарах.

В переулках.

В общественных парках.

Люди падают в судорогах и кашляют кровью.

Если бы все только знали, что сюда нельзя приближаться.

Но мародёры видят возможность.

Формируются толпы.

Полицейские кордоны рушатся.

Под прикрытием нарастающего хаоса люди бьют витрины и тащат всё, что не прикручено.
Магазины на Уинстон-стрит и Уолл-стрит захватывают.
Аптеки на Мейпл-стрит громят и опустошают.
Вандалы переворачивают переносные туалеты.
Поджигают мусорные контейнеры.
Матрасы.

Даже скамейки в парке.
Из автодомов, припаркованных вдоль Уолл-стрит, вытаскивают новые тела.
Только в этом квартале — двадцать пять погибших.
Полиция натягивает всё новые полосы жёлтой ленты.
Толпа начинает бросать кирпичи.
По полицейской рации:

SWAT — через три квартала.

Одноногий мужчина в инвалидной коляске умоляет полицейского:

— Они нас убивают, брат.
— Что с нами происходит? — спрашивает кто-то ещё.
— Это план Нового мирового порядка.

Когда ничто другое не имеет смысла, теория заговора начинает казаться разумной.

— Где президент? — неожиданно вежливо спрашивает пожилой мужчина в кепке *USS New Jersey*.

Он воевал во Вьетнаме.

Служил своей стране.

Потом учился по программе GI Bill.

И до сих пор не понимает, как оказался здесь.

Без дома.

У края полицейского оцепления инфлюенсер продолжает прямую трансляцию.

Камера поворачивается к бездомному, мёртвому на тротуаре.

Другой мужчина тычет труп палкой, потом наклоняется и снимает с него обувь.

— Сначала они посадили нас на наркотики, — говорит вор в камеру. — А теперь устраивают нам геноцид.

По улице появляются бронированные машины BearCat с подразделениями SWAT.

Инфлюенсер бежит рядом.

Медленные, защищённые от взрывов машины военного класса перевозят по двенадцать полицейских — часть сидит внутри, часть стоит на наружных подножках.

Подразделение Special Weapons and Tactics LAPD выглядит почти как армейское соединение.

Баллистические шлемы.

Бронежилеты с плитами.

Наколенники.

Налокотники.

На груди — современные образцы вооружения: газоотводные штурмовые винтовки Heckler & Koch 416, системы Geissele Super Duty, лазерные целеуказатели.

Для выбивания дверей и пролома преград у командира группы — дробовик Benelli M4 Super 90.

Из менее летальных средств — электрошокеры Taser, 37-миллиметровые газовые пусковые устройства, дробовики с мешочными боеприпасами и перцовый аэрозоль.

Инфлюенсер продолжает снимать.

И наконец обращается к миллионам своих подписчиков с последним, зловещим сообщением:

— Здесь творится какое-то безумие. Всё, что вам рассказывали, — ложь.

Пассажира рейса из Франкфурта, находящегося при смерти, доставляют в Texas Health Presbyterian Hospital в Далласе.

В ту самую больницу, где когда-то неправильно диагностировали Томаса Эрика Дункана и где он впоследствии умер.

С тех пор больница значительно усилила протоколы готовности к инфекционным заболеваниям. Теперь всех поступающих пациентов спрашивают о недавних поездках.

Но нефтяник из Техаса находится в коме.

Он один.

Поэтому сотрудники внимательно изучают его документы.

Специалист по инфекционному контролю, проверяя его американский паспорт, замечает недавнюю поездку в Новосибирск, Россия.

Для внимательного специалиста этой маленькой детали достаточно, чтобы загорелся тревожный сигнал.

Она проверяет на сайте CDC предупреждения для путешественников.

Регион Новосибирска в Сибири уже переведён с уровня 3 — **«Пересмотрите необходимость необязательных поездок»** — на уровень 4:

«Избегайте любых поездок».

Продолжая поиск, специалист замечает, что вспышка в Сибири связана с новым вариантом того, что Российская Федерация всё ещё называет «бубонной чумой».

Предупреждения CDC для путешественников, как и сообщения сети Health Alert Network, «многие медицинские работники просто не замечают», говорит комиссар пожарной службы Лос-Анджелеса Хара.

«Они слишком заняты лечением пациентов».

Но этот специалист в Техасе — исключение.

Она внимательна.

Добросовестна.

Она помнит катастрофу с Эболой в 2014 году и не хочет повторить подобную ошибку.

Быстро вводит слово **plague** — «чума» — в поиск на сайте CDC.

Этого достаточно.

Она поднимает тревогу.

Техасские органы здравоохранения уведомляют CDC.

Срабатывает цепочка тревог общественного здравоохранения уровня Tier 1 и процедур немедленного оповещения.

CDC относит чуму к заболеваниям, о которых государство обязано уведомлять на национальном уровне.

Если возникает подозрение на «преднамеренное распространение», ситуация классифицируется как **чрезвычайно срочная**.

В отделение неотложной помощи прибывает медицинская команда HazMat.

В отличие от бригады, которая снимала пассажира с самолёта после посадки, эти специалисты работают в биозащитных костюмах.

На них респираторы с принудительной подачей очищенного воздуха.

Влагостойкие непроницаемые халаты.

Бахилы и перчатки, герметично заклеенные лентой.

Пациента помещают в переносной респираторный изолятор — прозрачную поливиниловую капсулу на каталке с собственной системой вытяжки отрицательного давления.

Команда сопровождает находящегося в коме пациента из отделения неотложной помощи в изолятор на третьем этаже.

Тем временем в пятнадцати милях к северо-западу находится международный аэропорт Даллас — Форт-Уэрт — третий по загруженности аэропорт мира.

Ежедневно через него проходят около 250 000 пассажиров.

По данным администрации аэропорта, до 65 процентов прилетающих продолжают путешествие пересадочными рейсами.

Это означает, что примерно 272 из 419 остальных пассажиров франкфуртского рейса к этому моменту уже пересели на десятки, а возможно, сотни других самолётов, разлетающихся по США и по всему миру.

От отставного адмирала Бретта Жируара мы уже знаем: самолёт, как и круизный лайнер, — идеальная среда для события-суперраспространения.

То же самое — переполненные больницы.

И загруженные аэропорты.

Согласно статистике аэропорта, около 35 процентов всех пассажиров — то есть примерно восемьдесят человек с рейса Франкфурт — Даллас — выйдут из аэропорта и разъедутся по агломерации Даллас — Форт-Уэрт.

Там живёт почти девять миллионов человек.

Если каждый заражённый в среднем заражает одиннадцать человек, с которыми контактирует, то есть при $R_0 = 11$, уже примерно через сутки симптомы лёгочной чумы начнут появляться у сотен, а затем тысяч местных жителей.

А в мегаполисе такого размера неизбежны ситуации суперраспространения, при которых один инфицированный потенциально может заразить около сорока четырёх человек — условный $R_0 = 44$.

Число заражённых быстро пойдёт на тысячи.

И спустя совсем немного времени остановить распространение инфекции по всему городу станет почти невозможно.

Белый дом — Вашингтон, округ Колумбия

Президент находится в Восточном крыле и смотрит фильм в семейном кинотеатре Белого дома, когда его внезапно прерывает Секретная служба.

Фильм — срочная режиссёрская версия чрезвычайно дорогого документального проекта о его жене.

Это и объясняет, почему президент Соединённых Штатов посреди рабочего дня сидит в кинотеатре.

Старший специальный агент сообщает:

президента переводят в **Presidential Emergency Operations Center** — защищённый бункер глубоко под Восточным крылом.

Время перехода — сорок секунд.

Когда президент прибывает, по защищённой видеосвязи уже подключены министр обороны, председатель Объединённого комитета начальников штабов, руководители HHS, FEMA, DHS, CDC и ЦРУ, а также другие старшие советники.

Советник по национальной безопасности: Оно уже здесь, сэр.

Министр внутренней безопасности: Оно прилетело в Даллас.

Президент закрывает глаза и качает головой.

Ему хочется, чтобы всего этого не происходило.

Министр здравоохранения: Прибыло на самолёте из Франкфурта.

Но это происходит.

Руководитель биозащиты: Несколько дней назад пассажир был в Новосибирске, в Сибири.

Директор CDC: Ситуация прошла мимо нашего внимания.

Все смотрят на CDC.

Руководитель биозащиты: Несколько сотен пассажиров с того рейса уже пересели на неизвестное количество других коммерческих самолётов.

Президент: Господи Иисусе.

Директор CDC: Мы проводим отслеживание контактов.

Все напрягаются.

Каждый вспоминает провалы Covid.

Директор CDC: Чтобы не было недоразумений: диагностического подтверждения у нас пока нет. Чума всё ещё лишь предполагается.

Руководитель биозащиты: Мы не можем ждать. Действовать нужно сейчас.

Он советует президенту объявить чрезвычайную ситуацию в соответствии с **Stafford Act** — основным федеральным законом США о ликвидации последствий бедствий.

Это запускает общегосударственное реагирование в рамках протоколов **National Response Framework**, разработанных FEMA, включая приложение по биологическим инцидентам — **Biological Incident Annex**.

Президент: Делайте.

При биологическом инциденте или атаке внутри страны руководство принадлежит гражданским федеральным структурам, а не военным.

Если атаку удастся связать с террористами, параллельно уголовное расследование ведёт ФБР.

Министерство здравоохранения и социальных служб через CDC руководит медицинским и эпидемиологическим реагированием.

FEMA отвечает за общую координацию и взаимодействует с военными, оказывающими поддержку губернаторам штатов.

Министерство обороны действует в рамках **Defense Support of Civil Authorities** — правовой системы, которая позволяет военным помогать гражданским ведомствам во время внутренних чрезвычайных ситуаций, не нарушая закон **Posse Comitatus Act**, запрещающий использовать вооружённые силы для непосредственного исполнения законов внутри страны.

Но в этой федеральной системе есть одно заметное отсутствие.

У неё нет достаточных полномочий для наведения порядка.

Stafford Act создавался для ликвидации последствий стихийных бедствий.

Не для управления озлобленными, паникующими и агрессивными толпами.

Министр обороны это знает.

Советник по национальной безопасности — тоже.

Он читает с планшета:

Советник по национальной безопасности: Сэр, как вам известно, у нас идут антиправоохранительные беспорядки в Чикаго, Портленде, Миннеаполисе и — уже несколько часов — в Лос-Анджелесе.

Министр обороны предлагает другой вариант.

Министр обороны: Нам нужно перевести NORTHCOM с WARNORD на EXORD.

Если говорить обычным языком, министр хочет перевести Северное командование США со статуса **Warning Order** — «готовьтесь» — на **Execution Order**:

«Начинайте действовать сейчас».

— Делайте, — говорит президент.

Execution Order министра обороны позволяет Пентагону развернуть силы реагирования на оружие массового поражения — структуру из пяти крупных компонентов, известную в совокупности как **CBRN Response Enterprise**.

В её составе 18 730 военнослужащих, лётчиков и специалистов, сведённых в подразделения по конкретным задачам.

Они размещены на военных базах по всей территории США.

Вся система CBRN Response Enterprise подготовлена к тому, чтобы войти непосредственно в зону, насыщенную биологическим оружием.

Это огромная, хорошо отлаженная машина.

Она тренировалась.

Она готова.

При крупномасштабном биологическом инциденте или атаке федеральные силы и силы штатов действуют как единая огромная структура.

Именно поэтому каждый год они тренируются вместе на совместных учениях **Vibrant Response**.

«Все подразделения в течение учений продемонстрировали дальнейший и превосходный рост готовности и готовы реагировать, чтобы защищать человеческие жизни и прекращать страдания», — заявил генерал-майор Уильям Дж. Прендергаст, командовавший учениями 2023 года.

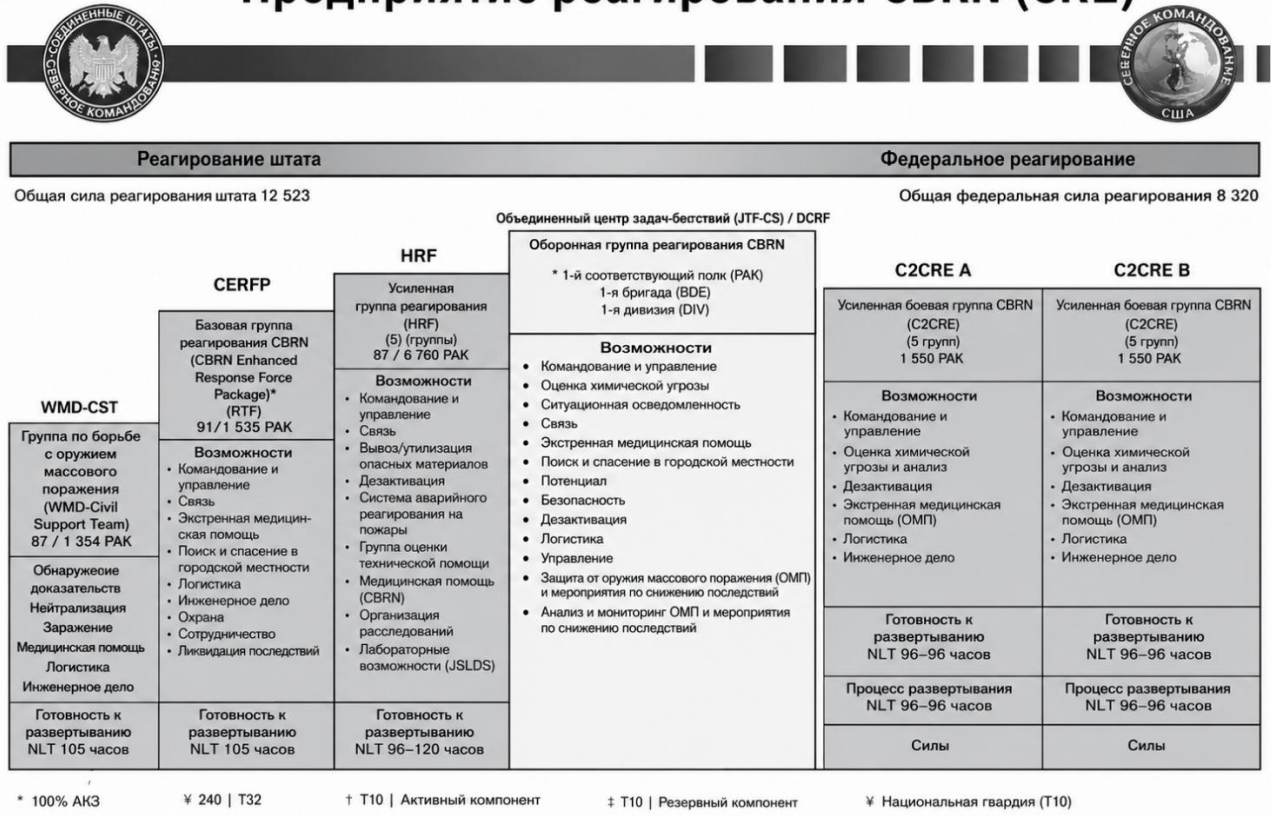
Проблема только одна.

Время.

В биологической войне время — ахиллесова пята.

НЕКЛАССИФИЦИРОВАНО

Предприятие реагирования CBRN (CRE)

Американские силы реагирования на применение оружия массового поражения объединены в структуру **CBRN Response Enterprise** — систему реагирования на химические, биологические, радиологические и ядерные угрозы.

Лишь небольшая часть подразделений CBRN Response Enterprise способна выдвинуться в течение нескольких часов. Большинству сил уровня штатов требуется около половины суток на мобилизацию, а федеральным подразделениям — значительно больше: нередко от одного до четырёх дней до фактического развёртывания.

При молниеносно развивающемся заболевании вроде лёгочной чумы успех сдерживания зависит от того, насколько быстро прибудет помощь — пока ещё остаётся время что-то изменить. Каждые восемнадцать — двадцать четыре часа возникает новое поколение заражённых. И с каждым таким поколением всё реальнее становится угроза широкомасштабных гражданских беспорядков.

«Биологическая война запускает целый набор культурных и социальных процессов, которые носят откровенно антиутопический характер», — говорит доктор Томас Эрхард. И его слова звучат особенно пугающе, потому что доктор Эрхард сам разрабатывал и проигрывал в Пентагоне крупномасштабные сценарии ядерной и биологической войны для министра обороны.

Штаб-квартира Федерального агентства по чрезвычайным ситуациям — Вашингтон, округ Колумбия

В штаб-квартире FEMA в Вашингтоне, которая в условиях нынешнего кризиса действует совместно с Министерством здравоохранения и социальных служб, одновременно приводятся в движение все федеральные ресурсы.

Объявлен **первый уровень — максимальная активация**. Все задействованные ведомства переходят на полную мощность, мобилизуя весь персонал и все имеющиеся средства перед надвигающейся угрозой.

По всему Вашингтону звучат сигналы тревоги, компьютеры подают оповещения, мобильные телефоны разрываются от уведомлений.

Руководители ведомств и их заместители собираются в подземном бункере, чтобы обсудить Strategic National Stockpile — Стратегический национальный запас, засекреченный правительственный резерв экстренных медицинских средств стоимостью в миллиарды долларов.

В сети секретных складов и подземных хранилищ по всей стране содержатся антибиотики и вакцины, антитоксические сыворотки к нервно-паралитическим веществам, антитоксины против ботулизма, препараты от отравления цезием после радиологической атаки и другие медицинские средства противодействия.

Сам факт существования запаса официально признан, но точные сведения о его составе и размещении засекречены.

Вместе с базовыми медицинскими материалами — хирургическими масками, бинтами и прочим — эти средства заранее комплектуются в так называемые **12-Hour Push Packages** — двенадцатичасовые экстренные комплекты.

Они уже упакованы и погружены на пятидесятитонные паллеты.

Остаётся только отправить.

И теперь их действительно отправят.

Совещание проходит именно в этом подземном помещении, известном как **SCIF** — защищённая зона для работы с особо чувствительной секретной информацией, — потому что места хранения запасов имеют высший уровень секретности.

Планы федерального реагирования исходят из простой и неприятной истины: если во время биологического инцидента или атаки местонахождение этих складов станет известно широкой публике, Стратегический национальный запас почти наверняка подвергнется нападению и будет захвачен гражданами.

Когда лекарств начинает не хватать, вступает в действие страх.

Сотрудничество уступает место борьбе.

И даже законопослушные граждане способны очень быстро превратиться в преступников, если на кону окажется жизнь их семей.

Патоген прибыл в Даллас четыре часа назад.

В самом Далласе нет достаточного количества антибиотиков для всех, кто вскоре может заразиться.

И ни в одном американском городе их нет.

Сколько именно миллионов доз антибиотиков находится в Стратегическом национальном запасе — строго засекреченная информация.

Какую часть этих запасов направят в первые города, затронутые биологическим инцидентом, — тоже секрет.

Можно лишь с уверенностью предположить одно:

лекарств не хватит на более чем 340 миллионов американцев.

«От всего защититься невозможно», — говорил бывший бактериолог армии США доктор Генри Хайне.

И всё же сейчас нет ничего важнее, чем как можно скорее доставить эти 12-Hour Push Packages на места.

В нашем сценарии первым в списке стоит Даллас, штат Техас.

Министерство здравоохранения и социальных служб США санкционирует выдачу запасов.

Внутри этой триллионной бюрократической системы помощник министра по вопросам готовности и реагирования координирует распределение.

Чтобы доставить всё в Даллас, FEMA и HHS должны синхронизировать действия с **U.S. Transportation Command** — глобальной логистической структурой Пентагона, способной

перебрасывать войска, технику и критически важные грузы быстрее, чем кто-либо в гражданском секторе.

Задействованы все.

Секретность и безопасность должны соблюдаться жёстко.

Даже губернатор Техаса не должен заранее знать, куда именно придут первые двенадцатичасовые комплекты.

Ему сообщают подробности лишь незадолго до их прибытия.

Но комплект называется двенадцатичасовым не случайно.

На его развёртывание требуется двенадцать часов.

А за двенадцать часов может произойти очень многое.

■

Даллас, Техас

Пассажир из Далласа мёртв.

В техасской больнице офицер, сертифицированный Министерством обороны по работе с особо опасными биологическими агентами и токсинами, упаковывает образец патогена в тройную защитную тару.

Материал взят из мокроты, крови и ткани лёгких погибшего.

Контейнер помещают в биозащитную упаковку и маркируют:

Категория А: UN 2814.

Так завершается длинный перечень требований CDC.

По распоряжению президента министр обороны обходит обычную процедуру FEMA в рамках National Response Framework и запрашивает у Министерства обороны проведение **срочной транспортировки биологического образца.**

Сейчас мало что важнее, чем как можно скорее доставить этот образец в **Медицинский научно-исследовательский институт инфекционных заболеваний армии США — USAMRIID** в Форт-Детрике, штат Мэриленд.

Это единственная лаборатория Министерства обороны уровня BSL-4.

U.S. Transportation Command совместно с Air Mobility Command преобразует запрос министра обороны в **Special Assignment Airlift Mission** — специальную миссию воздушной переброски.

Поскольку речь идёт о перевозке биологически опасного материала национального уровня под непрерывным защищённым контролем, запускается жёстко регламентированная процедура.

Судебные маршалы США сопровождают образец из изоляционного блока больницы на военноморскую авиабазу Joint Reserve Base Fort Worth, примерно в пятидесяти милях к западу.

Там контейнер по защищённой военной рампе грузят на заранее допущенный к перевозке самолёт.

Федеральное управление гражданской авиации вводит специальные правила управления воздушным движением для военного Boeing C-32A, в плане полёта которого указано:

«Опасный груз на борту».

Начинается перелёт длиной около 1 200 миль до объединённой базы Эндрюс в Кэмп-Спрингс, штат Мэриленд.

Самолёту предоставляют приоритетный маршрут, исключаяющий пролёт над густонаселёнными районами из-за наличия на борту CBRN-материалов.

В Мэриленде контейнер примет армейский медицинский курьер, имеющий допуск к работе с агентами категории А.

Далее образец повезут наземным транспортом в Форт-Детрик.

От базы Эндрюс до Форт-Детрика — около семидесяти миль.

Под полицейским сопровождением дорога займёт примерно шестьдесят — семьдесят минут.

Таким образом, примерно через три с половиной часа образец патогена окажется в главной военной лаборатории страны по исследованиям в области биологической защиты.

В этом есть странная историческая замкнутость.

Именно там, где сегодня действует U.S. Army Medical Research Institute of Infectious Diseases, во время Второй мировой войны начиналась американская программа биологической войны.

Именно в Форт-Детрике, который первоначально назывался Camp Detrick, первый американский инженер по биологическому оружию доктор Джордж У. Мерк задумал первое в США предприятие по его производству.

В то время Мерк возглавлял War Research Service и одновременно был президентом компании Merck & Co. — одной из крупнейших фармацевтических компаний мира.

Когда образец прибывает в USAMRIID, армейские микробиологи, бактериологи и генетики потратят несколько часов на диагностику и анализ.

Результаты будут переданы напрямую в Белый дом.

От того, что выяснят учёные, теперь зависит будущее страны.

Такой срочности ещё не было.

Президент ждёт.

■

Штаб-квартира Министерства здравоохранения и социальных служб США — Вашингтон, округ Колумбия
В столице уже вечер.

Директор CDC и главный санитарный врач США встречаются в штаб-квартире Министерства здравоохранения и социальных служб — ведомства кабинетного уровня, которому подчиняются оба.

Специальный пресс-центр HHS, расположенный в здании имени Хьюберта Хамфри на Индепенденс-авеню, используется для брифингов во время общенациональных кризисов.

Президент решил, что стране необходимо сообщить о происходящем.

Хотя бы в общих и осторожных формулировках.

Главный санитарный врач США служит в форме в Комиссионном корпусе Службы общественного здравоохранения.

Он не военный.

Но присутствие человека в форме должно внушать авторитет и создавать ощущение, что ситуация находится под контролем.

Директор CDC — врач в гражданской одежде — начинает брифинг.

Она обращается к камерам и небольшой группе журналистов.

Директор CDC: В Сибири, на территории России, развивается эпидемия чумы.

Вместе с нашими партнёрами из Всемирной организации здравоохранения мы внимательно следим за ситуацией.

Речь идёт об атипичном штамме чумы, и это вызывает серьёзную обеспокоенность.

Слова «утечка из лаборатории» и «биологическое оружие» директор CDC не произносит.

Директор CDC: Гражданин США находился в этом регионе и сегодня вернулся в Даллас рейсом из Франкфурта, Германия.

С высокой вероятностью он был заражён этим заболеванием.

После возвращения в Техас он умер.

Она уступает место у трибуны главному санитарному врачу, который выбирает тон строгий, но успокаивающий.

Главный санитарный врач: Ситуация серьёзная.

Эта форма чумы называется лёгочной.

Она чрезвычайно заразна и поражает лёгкие.

Симптомы включают быстрое повышение температуры, бред и кашель с кровью.

Крайне важно, чтобы все внимательно следили за происходящим.

Только так мы сможем взять ситуацию под контроль.

Главный санитарный врач заверяет население, что сейчас в Соединённых Штатах нет ни одного лабораторно подтверждённого случая.

Главный санитарный врач: Однако инфекция передаётся по воздуху.

Директор CDC: Поэтому мы ожидаем появления новых случаев.

Главный санитарный врач: Если вы находились на этом рейсе из Франкфурта в Даллас, ситуация для вас чрезвычайно серьёзна.

Вам необходимо связаться с CDC.

На экране появляются телефон, адрес электронной почты и сайт CDC.

Директор CDC: Мы организуем вашу транспортировку и обеспечим необходимые антибиотики. По имеющимся данным, речь идёт о бактериальной пневмонии, а не о вирусе.

Главный санитарный врач: А пока, если вы находились на рейсе Франкфурт — Даллас, немедленно самоизолируйтесь.

И свяжитесь со всеми, с кем вы контактировали.

Они тоже могут подвергаться риску заражения.

Им также необходимо самоизолироваться.

Директор CDC: Я повторю ещё раз: каждый, кто считает, что мог заразиться, должен связаться с CDC.

Два главных представителя системы общественного здравоохранения страны тщательно выстраивают формулировки, стараясь не противоречить друг другу.

Им приходится балансировать между срочностью и тревогой — и риском вызвать панику и истерию.

Главный санитарный врач: Если вы чувствуете себя слишком плохо, чтобы ждать, плотно наденьте респиратор N95 и отправляйтесь в больницу.

Директор CDC сообщает, что во все отделения неотложной помощи страны уже направлена специальная директива с инструкциями по обращению с пациентами, у которых имеются признаки чумы.

На экране появляется текст:

НЕ ЖДИТЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ДИАГНОСТИЧЕСКИХ ТЕСТОВ, ЕСЛИ ПОДОЗРЕВАЕТЕ ЧУМУ

Подтверждающий диагноз можно установить позднее с помощью специализированных лабораторных исследований.

Никогда не откладывайте и не приостанавливайте лечение в ожидании результатов лабораторных анализов.

Директор CDC сообщает американским врачам, что гентамицин и фторхинолоны следует рассматривать как препараты первой линии при лечении чумы.

Чтобы сохранить работоспособность тех, кто находится на передовой, NHS и FEMA рассылают совместные экстренные инструкции, разрешающие властям штатов, местным и племенным органам власти предписать сотрудникам полиции, экстренных служб, врачам, медицинскому персоналу и другим работникам первой линии начать один из двух видов профилактики:

Доконтактная профилактика: антибиотики назначаются до возможного заражения.

Постконтактная профилактика: антибиотики назначаются после возможного заражения.

Главный санитарный врач: У всех нас одна цель.

Мы должны остановить распространение этого патогена.

Он предлагает журналистам задавать вопросы.

Журналист № 1, читая из X: Сейчас в Лос-Анджелесе, похоже, уже пятьдесят или сто погибших бездомных, и интернет сходит с ума.

Это та самая бубонная чума из России?

Главный санитарный врач явно застигнут врасплох.

Он слышит об этом впервые.

Журналист № 2: А если это она, почему вы об этом не сказали?

Директор CDC тоже ошеломлена.

Она тоже слышит об этом впервые.

Журналист № 1: И чем вообще бубонная чума отличается от лёгочной?

Главный санитарный врач и директор CDC смотрят на журналистов как люди, ослеплённые внезапно вспыхнувшими фарами.

Чиновники общественного здравоохранения округа Лос-Анджелес до сих пор рассматривали происходящее в Скид-Роу как массовую передозировку.

А такие события не подлежат немедленному уведомлению CDC.

Данные о смертельных передозировках собираются на основании отчётов coronера.

На их получение и обработку могут уйти месяцы.

А поскольку национальная система бионаблюдения BioSense вообще не получает данные из клиник для бездомных, CDC полностью пропустил вспышку в Лос-Анджелесе.

Пропустил ту самую первую искру, которая вот-вот разожжёт катастрофический биологический пожар.

■

Оперативный центр Лос-Анджелеса — центр города

В центре Лос-Анджелеса городские чиновники в Оперативном центре смотрят сразу несколько прямых трансляций, когда до них доходит ошеломляющая истина.

Массовые жертвы в Скид-Роу почти наверняка вызваны не синтетическими уличными наркотиками.

Это вспышка лёгочной чумы.

Мэр, потрясённо: Господи Иисусе, Мария и Иосиф. Что, чёрт возьми, происходит?

Заместитель комиссара здравоохранения, не менее потрясённо: Я не знаю.

Глава аппарата мэра смотрит не на экраны.

Его внимание приковано к анархии, разворачивающейся прямо за стенами здания.

Глава аппарата, указывая рукой: Вы это видите?

Оперативный центр Лос-Анджелеса расположен менее чем в одной миле от Скид-Роу

KTLA 5 News ведёт прямую трансляцию с вертолётa, зависшего прямо над центром города.

Оперативный центр в центре Лос-Анджелеса окружён тысячами агрессивных протестующих. На улицах поджигают припаркованные автомобили. Горит городской автобус Metro. Хаос давно вышел далеко за пределы Скид-Роу. Машины экстренных служб не могут пробиться.

Мэр: Кто-нибудь, дайте мне свежую информацию.

Заместитель директора по готовности и реагированию на чрезвычайные ситуации как раз докладывал о положении в больницах, когда трансляция пресс-конференции NHS из Вашингтона перевернула всё совещание. Теперь он продолжает.

Заместитель директора EPR: Приёмное отделение L.A. General переполнено.

Сотрудник: ReddiNet сообщает о нескольких случаях давки у входов в больницы. Людей прижимает к запертым дверям.

Начальник полиции: LAPD переклассифицирует происходящее как биологически опасный инцидент первого уровня с массовыми пострадавшими.

Мэр, начальнику пожарной службы: LAFD?

Начальник пожарной службы: Пока держимся, мэ.

Глава аппарата, перебивая: Губернатор на первом канале конференц-связи.

В комнате становится тихо. Все смотрят на телевизионные экраны и ждут.

Оператор в новостном вертолётe приближает изображение: участники беспорядков пытаются поджечь Оперативный центр.

Пальмы по периметру уже охвачены огнём.

Los Angeles EOC — двухэтажная крепость площадью 84 000 квадратных футов, стоимостью 107 миллионов долларов, с усиленной сейсмостойкостью и защитой от взрывной волны.

Подобно средневековому замку, он спроектирован так, чтобы выдержать условный «бунт с вилами».

Здесь круглосуточная охрана и видеонаблюдение.

Резервные канализационные ёмкости.

Генераторы.

Ограждение по периметру.

Стальные ворота.

Автономные системы HVAC и связи.

Запасы пищи, воды, электроэнергии и медицинских средств на несколько дней.

Центр рассчитан на то, чтобы более тридцати суток работать полностью автономно, без подвоза извне.

При условии, конечно, что его не подожгут и он не сгорит.

На видеосвязи появляется губернатор.

Губернатор: Белый дом направляет группу биологической защиты из Лос-Аламитоса. Расчётное время прибытия — двадцать пять минут.

Мэр: Где, чёрт возьми, Национальная гвардия?

Губернатор сообщает, что подразделения гвардии находятся примерно в сорока милях.

Он объясняет медленную реакцию тем, что предыдущий президент в 2025 году слишком активно использовал Национальную гвардию Калифорнии.

Мэр называет губернатора идиотом за то, что он в такой момент приплетаёт политику.

Губернатор извиняется и отключается: его аппарат завален звонками из Вашингтона.

Мэр снова поворачивается к сидящим за столом.

Мэр: Мы отводим полицию и пожарных уже сейчас, исходя из подозрения на биологическую угрозу, или ждём подтверждения от группы CBRN из Лос-Аламитоса?

Высказываются начальник полиции, начальник пожарной службы и комиссар здравоохранения.

Один из сотрудников вытаскивает руководство толщиной с телефонный справочник и тяжело кладёт его на стол.

Протоколы городского Плана действий в чрезвычайных ситуациях, раздел **Chemical, Biological, Radiological, and Nuclear (CBRN) Hazard Specific Annex**, написаны туманно и местами противоречат друг другу.

Сотрудник начинает читать.

Кто-то произносит:

— Господи.

Другой отвечает:

— Нам всем конец.

Глава аппарата, указывая на телевизор: Вы это видите?

FOX 11 Los Angeles показывает нарастающий хаос снаружи.

В нижнем углу экрана идёт прямая трансляция с iPhone гражданского журналиста.

Слышен его голос — он комментирует происходящее.

Один из сотрудников узнаёт его:

— Это тот правый псих из подкаста губернатора!

Кадры тревожные.

От Литл-Токио до Crypto.com Arena на тротуарах и проезжей части лежат тела.

Некоторые накрыты брезентом.

Другие остаются открытыми.

Толпы напирают.

В полицейских и сотрудников экстренных служб летят обломки бетона.

Горят мусорные баки и заграждения.

Контроль рассыпается.

Полицейские цепи начинают рушиться.

Группа мародёров на пешеходном переходе разбивает окно фургона Amazon, застрявшего в толпе.

Водителя вытаскивают из кабины и валят на землю.

Вокруг его головы растекается лужа крови, пока толпа бьёт его ногами и кулаками.

Картина напоминает избиение водителя грузовика Реджинальда Денни во время беспорядков в Лос-Анджелесе в 1992 году — тоже в прямом эфире.

Полицейские запускают в толпу гранаты со слезоточивым газом.

У кого-то в толпе оружие.

Раздаются выстрелы.

Радио, на экране: Офицер ранен!

Инфлюенсер, на экране: Чёрт! Бездомные убивают копов!

Бойцы SWAT открывают огонь по толпе.

Начинается перестрелка из полуавтоматического оружия.

Тра-та-та-та-та.

Тела падают.

Кровь брызжет.

Инфлюенсер, на экране: Чёрт! Копы убивают бездомных!

На несколько секунд за столом воцаряется полная тишина.

Мэр прерывает её.

Мэр: Отводите силы.

Она выглядит потрясённой.

Мэр: Если наши сотрудники экстренных служб заболеют и начнут умирать, некому будет помогать больным и умирающим.

Много лет назад, когда она только начинала государственную службу, ей довелось читать армейское руководство **Biological Incident Operations: A Guide for Law Enforcement**.

И сейчас его содержание внезапно всплывает в памяти.

От этого внутри всё холодеет.

Лёгочная чума — кошмарный сценарий.

Если она уже укоренилась, остановить её распространение практически невозможно.

■

Оперативный центр Центров по контролю и профилактике заболеваний — Атланта, Джорджия

В штаб-квартире CDC в Атланте сотрудники Оперативного центра принимают тысячи звонков от людей, утверждающих, что они находились на сегодняшнем рейсе Франкфурт — Даллас.

- У меня чума.
- Приезжайте и заберите меня.
- От государства ничего не осталось.
- Это уже конец света.

Оперативный центр CDC обеспечивает мониторинг ситуации в сфере общественного здравоохранения по всему миру в режиме реального времени, однако его системы не отслеживают и не учитывают данные примерно о 800 000 бездомных в США.

Оперативный центр CDC считается одним из важнейших командных центров общественного здравоохранения в мире. Во время кризиса он становится своего рода центральной нервной системой страны — сюда стекается информация со всех направлений. В большом открытом операционном зале — стена видеомониторов, информационные панели, карты, спутниковые каналы связи. Всё это даёт сотрудникам самые свежие сведения, которыми располагает CDC.

Но телефоны звонят без остановки, и дежурные офицеры уже не справляются с потоком обращений, большинство из которых связано с теориями заговора.

Даже если среди этих звонков есть сообщения, основанные на реальных фактах, отделить сигнал от шума практически невозможно.

Звонков слишком много.

Система захлёбывается.

■

Скид-Роу — центр Лос-Анджелеса

Первой группой биологической защиты, прибывающей в Скид-Роу, становится **9-я группа гражданской поддержки по реагированию на оружие массового поражения** Национальной гвардии.

«Люди в костюмах HAZMAT, чьё дыхание гулко усиливают противогазы» — так описывает их собственная пресс-служба.

SWAT оцепил район вокруг Wesley Health Center — места, которое в этом происшествии с массовыми жертвами ближе всего к эпицентру.

Бронированные машины BearCat перекрывают въезды на улицу. Двадцать два бойца Национальной гвардии высаживаются прямо в этот хаос из колонны специализированных машин, предназначенных для операций в условиях химической, биологической, радиологической и ядерной угрозы.

Выглядят они почти нереально.

Одни напоминают аквалангистов, вышедших на сушу, или существ из «Чёрной лагуны»: полнолицевые противогазы, толстые резиновые костюмы, кислородные баллоны и шланги.

Другие, двигаясь строем, одеты в ярко-жёлтые химически стойкие защитные костюмы биологической изоляции с прозрачными шлемами-колпаками и визорами.

У всех резиновые перчатки и сапоги, герметично проклеенные лентой.

Каждый работает в автономном дыхательном аппарате, внутри которого под давлением непрерывно циркулирует очищенный воздух.

Если костюм порвётся или будет проколот, воздух пойдёт наружу, а не внутрь.

Они входят в «горячую зону».

Военнослужащий группы гражданской поддержки по реагированию на оружие массового поражения

Они прибыли с Объединённой учебной базы вооружённых сил Лос-Аламитос, в двадцати восьми милях к югу от центра Лос-Анджелеса. Там эта группа находится в постоянной готовности — круглые сутки, 365 дней в году.

Это небольшое подразделение Национальной гвардии — первое звено огромной системы Chemical, Biological, Radiological, and Nuclear Response Enterprise, насчитывающей более 18 000 человек, которое выдвигается на место. И единственное, способное отреагировать на биологическую атаку менее чем за час.

Всего таких небольших групп пятьдесят семь. Они размещены в каждом штате, на территориях США и в Вашингтоне, округ Колумбия. В Калифорнии, Флориде и Нью-Йорке — по две.

Эти группы гражданской поддержки по реагированию на оружие массового уничтожения готовят именно к хаосу.

Их вводят в зоны чрезвычайной опасности — туда, где вокруг мёртвые и травмированные люди, где риск заражения остаётся постоянно высоким.

Но они прибыли не для того, чтобы кого-то спасти.

Это не те люди, которых хочется увидеть в своём городе. И уж тем более — на своей улице.

У этой группы противодействия оружию массового уничтожения есть одна конкретная задача:

обнаружить, идентифицировать и охарактеризовать патоген.

Войти.

Взять образец.

Выйти.

Белому дому и его команде BioDefense нужен образец.

И этот образец необходимо как можно быстрее доставить в USAMRIID.

Нужно ответить всего на один вопрос:

тот ли самый патоген убивает людей в Лос-Анджелесе, который убил пассажира в Далласе?

Подтвердить это можно только лабораторной диагностикой.

Диагностика раскрывает генетический профиль патогена.

Диагностика открывает путь к протоколам сдерживания и к медицинским контрмерам, которые, возможно, сработают.

А до тех пор вся триллионная машина National Response Framework, по сути, действует вслепую.

Офицер связи выпускает робот Talon IV с тремя камерами прямой трансляции.

Специалист по обследованию разворачивает лидар — систему лазерного измерения расстояний — для топографического картирования объекта.

Заместитель командира поднимает в воздух миниатюрный вертолётный беспилотник для наблюдения.

У группы есть собственное мобильное лабораторное оборудование, наборы для отбора проб и портативные тест-системы для полевого выявления таких патогенов, как сибирская язва, Эбола и чума.

С ударопрочными контейнерами в руках они направляются к Сан-Педро-стрит — искать эпицентр.

Wesley Health Center для диагностов — настоящая золотая жила.

Внутри полно биологически опасных отходов.

Этот городской квартал пуст, словно город-призрак.

SWAT оцепил его, гражданским вход запрещён.

В воздухе ещё висят химикаты слезоточивого газа и дым от горящего мусора.

Магазины разграблены.

Витрины разбиты.

Несколько бездомных собак лениво бродят по улице.

На исписанной граффити автобусной скамейке сидит одинокий мужчина и разговаривает с манекеном из витрины.

Как писал Йейтс после Первой мировой войны:

Сокол уже не слышит сокольного;

Всё распадается; центр не удержать;

И голая анархия хлынула в мир...

У входа в клинику для бездомных бойцы WMD Civil Support Team перешагивают через тела и входят в зал ожидания.

Все, кто ещё остаётся внутри, мертвы.

Они раскрывают контейнеры и достают армейские детекторы биологических агентов с GPS-метками, наборы для отбора проб, воздушные пробоотборники и тампоны для смывов с поверхностей.

Технический специалист собирает частицы с пола портативным полевым пылесосом.

Медицинский офицер берёт мазок с тела погибшего.

На секунду задерживается.

Рукой в перчатке закрывает ему глаза.

Тихо произносит несколько слов.

И идёт дальше.

Получив образец, группа возвращается к машине Unified Command Suite, припаркованной на улице под военной охраной.

Образец патогена взят с соблюдением всех требований по непрерывной цепочке хранения и передачи вещественных доказательств.

Используя военную систему амплификации ДНК, технический офицер запускает предварительный тест на *Yersinia pestis*.

Расчётное время — от пятнадцати до ста минут.

Проходит восемнадцать.

Y. pestis обнаружена.

Предварительный диагноз: чума — подтверждён.

Офицер загружает данные через спутниковую систему Iridium.

Они уходят напрямую в Пентагон. Оттуда — в Белый дом. К президенту.

Военнослужащие группы гражданской поддержки по реагированию на оружие массового уничтожения проводят разведку местности и отбор биологических проб.

■

Президент Джордж Буш-младший и вице-президент Дик Чейни в Президентском оперативном центре по чрезвычайным ситуациям 11 сентября 2001 года.

Из Президентского оперативного центра по чрезвычайным ситуациям президент по защищённой связи проводит совещание с Комитетом руководителей по биозащите. Все, кроме президента и его советника по национальной безопасности, подключены по видеосвязи.

Президент: Кто-нибудь объясните мне, как эта чума, передающаяся по воздуху, успела убить сотни людей в Лос-Анджелесе, если в Даллас она прилетела только что.

Министр здравоохранения: Мы это тоже упустили, сэр.

Президент: Это не ответ.

Руководитель биозащиты: Кто-то, видимо, заразил человека в одном из лагерей бездомных, и дальше инфекция пошла по цепочке. Возможно, врач. Или кто-то из медперсонала. Пока мы просто не знаем.

Советник по национальной безопасности: Давайте уточним: речь не о каком-то одном лагере бездомных. Это Скид-Роу.

Министр обороны: В Скид-Роу в Лос-Анджелесе живут более четырёх тысяч бездомных, многие с психическими расстройствами и резко настроенные против полиции.

Президент ругается.

Директор CDC: Полной диагностики у нас ещё нет, но происходящее в Лос-Анджелесе предварительно подтверждено как вспышка чумы, передающейся воздушным путём.

Министр обороны: Ради бога, это биологическое оружие, утекшее из «Вектора». Давайте хотя бы мы будем той администрацией, которая называет факты фактами.

Это выпад в адрес прежних администраций и того, как они разбирались с вопросом происхождения Covid.

Руководитель биозащиты: Лёгочная чума сама по себе в Лос-Анджелесе не появляется. По крайней мере, уже больше ста лет такого не было.

Президент: А что с этим бардаком в Карибском бассейне? Почему мне никто не докладывает, что происходит с больными мигрантами, которые пытаются добраться до Пуэрто-Рико?

Все смотрят на министра обороны.

Министр обороны: SOUTHCOM продолжает перехватывать многочисленные суда с мигрантами, идущие к территориям США и к материковой части страны, сэр. Морские операции по перехвату перешли к демонстрации силы.

Президент: По-человечески.

Министр обороны, пытаюсь проще: Правила применения силы ВМС разрешают открывать огонь по судам, которые не подчиняются требованиям, если устные предупреждения не действуют, — с целью вывести их из строя.

Rules of Engagement, или ROE, — это директивы Пентагона, определяющие, когда, где и каким образом военные могут применять силу для выполнения задачи, не выходя за рамки закона, политики и замысла командования.

Президент молча обдумывает происходящее. Все ждут.

Помощник прерывает министра обороны и передаёт ему срочное сообщение.

Министр быстро пробегает глазами записку, затем читает вслух.

Министр обороны: У нас авианосная ударная группа в Тихом океане. Её боеготовность сейчас пересматривается. У двух моряков на *USS Roosevelt* подтверждена лёгочная чума.

Президент снова ругается.

Министр обороны молча дочитывает записку.

Командир авианосца уже ввёл уровень Health Protection Condition Delta и дал жёсткую оценку ситуации. С учётом воздушного пути передачи и условий на военном корабле, где люди находятся в тесном пространстве, риск распространения чрезвычайно высок.

В записях командира сказано:

«Переходим на МОРР-4. Боеготовность *USS Roosevelt* пересматривается».

Министр обороны, всем: ВМС переходят на четвёртый уровень Mission Oriented Protective Posture.

Проще говоря, каждому члену экипажа *USS Roosevelt* приказано надеть выданный ВМС противогаз MCU-2P стандарта НАТО, защитный капюшон, перчатки и сапоги.

Руководитель биозащиты: Всё это бесполезно для тех, кто уже заразился *Yersinia pestis* — чумой.

Министр обороны, председателю ОКНШ: Карантин на *USS Roosevelt*.

Председатель Объединённого комитета начальников штабов: Принял.

Руководитель биозащиты, президенту: Карантин на весь Скид-Роу.

Директор CDC: И, скорее всего, на Даллас тоже.

Президент: Мы можем это сделать?

Руководитель биозащиты: Да. Можем.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Карантин

Карантин — одна из самых чрезвычайных мер, которые правительство США может применить к человеку или группе людей — к американским гражданам, не осуждённым и даже не обвинённым ни в каком преступлении.

Карантин означает принудительную изоляцию и медицинское обследование по закону.

В Соединённых Штатах карантин может быть введён в отношении любого человека, заражённого заболеванием, которое законом отнесено к карантинным.

По состоянию на 2026 год, в соответствии с Указом президента № 14047, к таким заболеваниям относятся:

Чума

Натуральная оспа

Вирусные геморрагические лихорадки

Холера

Дифтерия

Жёлтая лихорадка

Инфекционный туберкулёз

Тяжёлый острый респираторный синдром — SARS

Грипп, способный вызвать пандемию

Корь

Причём этот президентский указ позволяет изолировать не только тех, у кого заболевание уже подтверждено, но и любого, кого CDC или NHS лишь подозревают в заражении — даже если симптомов ещё нет и анализы пока отрицательны.

Само по себе представить, что тебя насильно изолируют против твоей воли, уже страшно.

Но оказаться запертым вместе с группой людей, среди которых кто-то почти наверняка заражён, хотя ты сам, возможно, здоров, — это уже вызывает картины средневекового дома смерти.

Представьте, что это происходит с вами.

Или с вашими детьми.

От Библии до трудов Гиппократы врачи веками призывали отделять больных от здоровых, чтобы остановить распространение заразы.

В позднеримские времена прокажённые носили колокольчики, чтобы здоровые слышали их приближение и могли отойти подальше.

Само слово «карантин» появилось во времена Чёрной смерти.

В XIV веке, когда власти поняли, что заражённые прибывают в европейские города на иностранных судах, портовые чиновники стали требовать, чтобы корабли сорок дней стояли на якоре у берега.

За это время заражённые либо выздоравливали, либо умирали.

По-итальянски *quaranta giorni* означает «сорок дней».

В современном мире действует тот же принцип.

Собаки, прибывающие в США из стран с высоким риском бешенства, должны быть вакцинированы и помещены в карантин на двадцать восемь дней.

Так же поступали и с астронавтами программы Apollo.

«После возвращения с Луны нас посадили на карантин на двадцать один день, — рассказывал нам перед смертью астронавт Apollo 14 Эдгар Митчелл. — Врачи проверяли нас на лунные микроорганизмы. Лунные микробы».

Вспомним историю американской медсестры Кэйси Хикокс во время эпидемии Эболы 2014 года.

Чуть больше месяца прошло после того, как Томас Эрик Дункан, сам того не зная, привёз Эболу в США и затем умер от неё, когда власти Нью-Джерси насильно отправили Хикокс на карантин после возвращения из Западной Африки.

Она работала в «Врачах без границ» и лечила больных Эболой в Сьерра-Леоне.

Новая политика штата Нью-Джерси требовала помещать на двадцать один день в карантин всех медработников, возвращавшихся из районов, охваченных Эболой, даже если их тесты были отрицательными.

По прибытии в аэропорт Ньюарк Хикокс задержали и поместили в палатку при University Hospital в Ньюарке.

Она немедленно наняла адвоката, который обратился к прессе.

«Принудительное удержание Кэйси Хикокс против её воли неконституционно, незаконно и ничем не оправдано», — заявил Эдвард Барокас из ACLU.

Сама Хикокс писала в *Dallas Morning News*, что с ней обращались как с преступницей и даже не позволяли принять душ.

Персонал больницы забрал почти все её вещи, рассматривая их как потенциально биологически опасные.

Постоянный представитель США при ООН Саманта Пауэр встала на её сторону.

«Мы должны сделать так, чтобы вернувшихся медицинских работников встречали как героев-победителей и никак иначе», — сказала Пауэр NBC.

Хикокс нарушила карантин, вышла наружу — и была снова помещена в изоляцию.

Общество раскололось.

В 2014 году люди панически боялись заразиться Эболой.

Но в то же время кто захочет, чтобы его насильно изолировали и принудительно обследовали?

Врач и специалист по медицинской этике Стивен Х. Майлз так объяснял спор вокруг Хикокс:

«Она бросила вызов карантину, и это вызвало огромный общественный резонанс, споры о карантине и всплеск страха».

В итоге суд признал распоряжение штата Нью-Джерси о карантине разумным в тех обстоятельствах, поскольку вспышка Эболы несла серьёзную угрозу общественному здоровью.

Суд постановил, что во время санитарного кризиса власти должны искать баланс между правами личности и общественной безопасностью.

Карантин был признан временной мерой предосторожности — не произвольной и не чрезмерной.

Федеральные иски были отклонены на основании иммунитета должностных лиц.

Геморрагическая лихорадка Эбола смертельно опасна.

Но, в отличие от лёгочной чумы, она не передаётся по воздуху.

И вот теперь, в нашем сценарии, используя National Emergencies Act и свои карантинные полномочия по Указу № 14047, президент санкционирует карантин всего Скид-Роу — с возможностью при необходимости распространить его на весь центр Лос-Анджелеса или даже на весь город.

Законы, нормативные акты и чрезвычайные полномочия уже существуют.

Генеральный прокурор направляет документы в Конгресс для публикации в *Federal Register*.

Принудительно изолировать десятки тысяч людей — это поразительная демонстрация федеральной власти.

И территория, на которую Америка ещё никогда не заходила.

Дом интернет-инфлюенсера — Голливуд-Хиллз, Лос-Анджелес, Калифорния

Популярный интернет-инфлюенсер уже вернулся домой — высоко над охваченным хаосом городом, в Голливуд-Хиллз.

Ещё несколько лет назад он был нищим студентом, бросившим колледж, — «простым парнем из народа».

С тех пор YouTube сделал его очень богатым.

Но его бренд по-прежнему строится на образе «человека из народа».

Чтобы поддерживать атмосферу классовой борьбы, ролики он снимает не в своём большом стеклянном доме, а в сарае на заднем дворе.

Инфлюенсер загружает новый динамичный объясняющий ролик.

В левом нижнем углу экрана появляется маленькая, почти аватарная версия его самого.

Такой стиль подачи стал его визитной карточкой.

Полутораминутный ролик напичкан яркой графикой, стрелками и восклицательными знаками и смонтирован почти как документальный фильм — с исторической хроникой и архивными документами.

— Народ, всё полетело к чёрту, — говорит он.

За спиной идут кадры хаоса в Скид-Роу и за его пределами.

— Здесь происходит что-то очень тёмное.

На экране — тела, накрытые брезентом.

Бездомные кашляют кровью.

— Сначала бубонная чума в России, — продолжает он. — В Сибири. Да, это реальное место.

Включаются новостные кадры из Новосибирска со звуком.

Его медиа-команда нашла в открытых источниках те же материалы, что и аналитик отдела контрраспространения ЦРУ.

— А теперь она здесь.

Снова кадры: жители Скид-Роу кашляют кровью.

Все в ярости.

Горящие беспилотные Waymo чередуются с бойцами SWAT на BearCat и пылающим мусорным контейнером.

Кадры нападения толпы на водителя Amazon специально замедлены.

— Так почему власти пытались сделать вид, будто это обычная передозировка? — спрашивает он.

Следует быстрая нарезка повторяющихся кадров, затем — пресс-конференция директора общественного здравоохранения округа Лос-Анджелес, которая несколько часов назад говорила о массовой передозировке наркотиков.

Видео и звук ускорены втрое.

Директор общественного здравоохранения, на видео: Война против наших граждан. Война против наших граждан. Война против наших граждан.

Инфлюенсер указывает за спину — на новые кадры умирающих на улице бездомных.

— А теперь они говорят, что это бубонная чума. Или лёгочная. Да какая разница, что это вообще такое?

Появляются кадры пресс-конференции главного санитарного врача и директора CDC.

Главный санитарный врач, на видео: Воздушно-капельная инфекция. Воздушно-капельная инфекция. Воздушно-капельная инфекция.

Инфлюенсер наклоняется ближе к камере.

— Почему они говорят разное?

Директор общественного здравоохранения, на видео: Боль в груди. Кашель. Боль в груди. Кашель.

Ещё несколько обрезанных фрагментов выступления.

— Значит, либо власти понятия не имеют, что происходит, — говорит инфлюенсер, — либо это очередная схема, чтобы снова всех заставить вакцинироваться.

За ним на экране — современные кадры россиян в очередях на вакцинацию, вперемешку со старыми кадрами американцев, стоявших в очереди за прививками от Covid.

Затем инфлюенсер предлагает другую версию.

— Или это российская дезинформационная операция. Вроде Operation INFEKTION.

Пауза.

— Хотя на самом деле она называлась Operation Denver.

Он рассказывает о советской дезинформационной кампании 1980-х годов, разработанной КГБ, чтобы убедить американцев, будто вирус СПИДа был создан армией США в лаборатории Форт-Детрика.

Кампания утверждала, что ЦРУ намеревалось уничтожить гомосексуалов и ради этого было готово вести биологическую войну против собственных граждан.

Инфлюенсер — и на этот раз совершенно верно — объясняет, что более широкая цель российской операции влияния, известной как **Active Measures**, заключалась в том, чтобы использовать антиправительственные настроения в США.

Подорвать доверие к государству.

К американской системе здравоохранения.

К научным учреждениям.

И углубить опасный политический раскол.

В конце ролика он делает предупреждение.

— Если тогда русские проиграли, то сейчас они эту битву выигрывают.

И снова возвращается к Лос-Анджелесу.

— Что бы это ни было, бездомных силой сажают в автобусы.

На экране снова и снова показывают больных людей.

Им дают воду.

Еду.

Потом в пластиковых стяжках заводят в автобусы.

— Очень мило. Ага. Ну конечно.

Ролик подходит к концу.

— Тёмные времена, друзья.

И затем предупреждение:

— Если бы я жил в Лос-Анджелесе... а я здесь живу... я бы уехал.

Пауза.

— Что я и собираюсь сделать.

Картинка замирает на полицейском, согнувшемся пополам и кашляющем кровью.

— Что бы это ни было, оно явно заразное.

И тут он задаёт вопрос сам себе:

— Так почему я ещё не уехал?

Камера переводится на экран ноутбука с корзиной Amazon.

— Я заказал на Amazon противогаз, — говорит он. — Полумаску-респиратор со сменными фильтрами и картриджами. Потому что после Covid мы все прекрасно поняли: эти двухслойные масочки ни от чего не защищают.

На ноутбуке он показывает зрителям расчётное время доставки.

— Через три часа будет здесь. Если только моего курьера FedEx не прикончит какая-нибудь обезумевшая толпа.

Он приближает изображение противогаза.

— Как только привезут — я отсюда сваливаю.

На этом трансляция заканчивается.

Он не знает, что уже заражён лёгочной чумой.

Никакой противогаз его уже не спасёт.

Примерно через тридцать шесть часов он умрёт.

Полумаски-респираторы можно купить в интернете менее чем за 50 долларов. Однако насколько они эффективны против генетически модифицированной чумы, неизвестно.

Президентский оперативный центр по чрезвычайным ситуациям, Белый дом — Вашингтон, округ Колумбия

В бункере под Белым домом между ближайшими советниками президента разгорается жаркий спор. Вопрос один:

Может ли Лос-Анджелес рухнуть?

Карантин Скид-Роу уже одобрен, и теперь федеральные власти лихорадочно пытаются понять, кто за что отвечает, когда должен действовать и с кем координироваться.

Одновременно президенту нужно заранее решить, что делать, если гражданские беспорядки начнут быстро распространяться.

Министр обороны: Господин президент, единственный способ справиться с этим — задействовать Министерство обороны.

Председатель Объединённого комитета начальников штабов: Мы именно к этому и готовимся.

Генеральный прокурор: У вас есть варианты, сэр. Как у главнокомандующего.

Председатель ОКНШ: Мы перебрасываем силы Министерства обороны туда, где они нужны.

Глава ФЕМА: Нам необходимо прямо сейчас обеспечить работу критически важных систем.

Советник по национальной безопасности: Прежде чем делать что-либо ещё, нам нужно решить, что мы будем говорить людям.

В комнате становится тихо.

Страну поражает ещё одна зараза — и каждый, кто сидит здесь или подключён по видеосвязи, прекрасно это понимает.

Насилие, подпитываемое политической поляризацией.

Племенное мышление.

Ненависть к другой партии.

Политическая вражда.

Достаточно вспомнить случаи крайнего политического насилия, произошедшие в самих Соединённых Штатах всего за последние несколько лет.

В 2020 году ФБР сорвало заговор местной вооружённой группы, планировавшей похитить губернатора Мичигана.

В 2021-м агрессивная толпа ворвалась в Капитолий США, пытаясь сорвать утверждение результатов президентских выборов.

В 2022 году безумец с молотком напал в собственном доме на мужа спикера Палаты представителей.

В 2024-м бывший президент, вновь баллотировавшийся на этот пост, едва не был убит выстрелом во время предвыборного митинга в сельской Пенсильвании.

Весной 2025 года дом губернатора Пенсильвании забросали зажигательными устройствами.

Два месяца спустя действующий сенатор штата и его жена были расстреляны у себя дома в Миннесоте. Они чудом выжили.

Через несколько часов в том же штате бывший спикер палаты представителей штата и её муж были застрелены у себя дома.

Осенью 2025 года политический активист и интернет-инфлюенсер Чарли Кирк был убит выстрелом снайпера, когда выступал перед аудиторией, состоявшей в основном из молодых студентов, в Юте.

Директор ЦРУ: Нам никто не доверяет. И неважно, кто сидит в Белом доме.

Советник по национальной безопасности: Люди изначально предполагают самое худшее.

Доверие к государству находится на историческом минимуме.

По данным опроса Pew Research за 2025 год, лишь 22 процента американцев доверяют правительству «поступать правильно».

Падение колоссальное.

Два поколения назад, в 1958 году, 78 процентов американцев считали, что правительство поступает правильно «всегда или почти всегда».

И без того тяжёлую ситуацию усугубил опрос *The New York Times* и Siena University за 2025 год: 64 процента американцев заявили, что страна «слишком политически расколота, чтобы решать свои проблемы».

К 2026 году положение стало ещё хуже.

Высшие советники убеждают президента: он должен обратиться к стране спокойно и позитивно.

Потому что каждое его слово сейчас вызовет последствия невиданного масштаба.

Советник по национальной безопасности: В такой момент стране нужно единство.

Глава аппарата Белого дома: Люди смотрят на президента.

Президент срывается.

Он говорит советникам, что все они провалили свою работу.

Что любую правду, которую он мог бы сказать американцам, невозможно слушать — настолько она мрачная и страшная.

Он начинает говорить почти в ярости.

Правда в том, что, насколько нам сейчас известно, каждый заражённый лёгочной чумой должен получить антибиотики в течение двадцати четырёх часов после появления симптомов — иначе он умрёт.

Но антибиотиков на всех не хватит.

Значит, погибнут десятки миллионов американцев.

А может быть, и сто миллионов.

CDC говорит, что препаратами первой линии против чумы являются гентамицин и фторхинолоны.

Но правда в том, что они уже подозревают: эти антибиотики могут не сработать.

Главный санитарный врач говорит, что в больницу должны обращаться только заражённые.

Но правда в том, что через двадцать четыре — сорок восемь часов огромное количество американских больниц окажется без достаточного персонала, будет переполнено и заражено чумой.

NHS говорит, что все, кто не заражён, должны оставаться дома неопределённо долго — до тех пор, пока сотни миллионов доз антибиотиков не будут произведены и доставлены людям прямо к дверям.

Но это тоже неправда.

Потому что примерно через двадцать четыре часа начнут рушиться цепочки поставок.

Президент замолкает.

Ждёт.

Никто ничего не говорит.

Он продолжает:

— Вот это вы хотите, чтобы я сказал стране?

Снова тишина.

Наконец говорит министр обороны.

Министр обороны: Сейчас не время для эмоций, сэр.

Руководитель биозащиты: Вам нужно уточнить параметры декларации по National Emergencies Act, чтобы мы могли реально вводить и обеспечивать карантин.

Президент кивает.

Он снова берёт себя в руки и объявляет чрезвычайное положение в соответствии с **National Emergencies Act**.

Этот шаг даёт ему как минимум 123 чрезвычайных полномочия, включая ускоренное развёртывание военных сил и других государственных ресурсов.

Как отмечают юристы Brennan Center for Justice, многие из этих полномочий «разумны и соразмерны», однако другие «напоминают инструменты авторитарных режимов»: они позволяют президенту взять под контроль внутренние коммуникации, заморозить банковские счета американцев и направить войска США практически в любую зарубежную страну.

Но эти полномочия существуют.

И теперь ими начинают пользоваться.

С объявлением чрезвычайного положения исполнительная власть резко расширяется.

Спящие до поры чрезвычайные законы оживают.

Запускается сложнейший механизм конституционных, законодательных и оперативных полномочий.

То, что происходит в Америке, кажется невозможным.

Утечка из российской лаборатории BSL-4 в Сибири убила неизвестное число тысяч местных жителей, перекинулась на другие континенты и всего за несколько дней достигла Соединённых Штатов.

Большинство населения пока ещё почти ничего не понимает.

Лос-Анджелес охвачен хаосом.

Но в других часовых поясах страны сейчас глубокая ночь, и многие американцы просто спят.

А тем временем ролик инфлюенсера начинает стремительно расходиться по интернету.

У него уже пятнадцать миллионов просмотров.

Скоро его увидят сотни миллионов людей по всему миру.

Научно-исследовательский институт инфекционных заболеваний Армии США — Форт-Детрик, штат Мэриленд.

Научно-исследовательский институт инфекционных заболеваний Армии США в Форт-Детрике, штат Мэриленд, — единственная лаборатория Министерства обороны США уровня биологической безопасности BSL-4. Его задача сформулирована так: «Мы оперативно выявляем угрозы биологической войны».

Образцы возбудителя, взятые у пассажира из Далласа, доставляют в Форт-Детрик в бронированном автомобиле. Принятый с соблюдением строжайших правил контроля и документирования, образец проходит через несколько шлюзов с отрицательным давлением и системы HEPA-фильтрации, прежде чем попасть в одну из лабораторий максимального уровня биологической защиты USAMRIID, где работают с особо опасными патогенами.

Это крупнейший в мире комплекс с высоким уровнем биологической защиты: общая площадь его сооружений составляет 931 000 квадратных футов. Ничто не может попасть сюда или выйти отсюда без прохождения строгих процедур контроля.

До появления в 1980-х годах экспресс-диагностики методом полимеразной цепной реакции — ПЦР — микробиологи выявляли *Y. pestis* в клинических лабораториях именно такими способами. До того как молекулярная биология была преобразована технологией амплификации определённых последовательностей ДНК, исследователям, стремившимся понять природу патогена, приходилось полагаться на методы, некоторые из которых насчитывали сотни лет.

Микроскопия — использование микроскопа для наблюдения объектов, слишком малых, чтобы их можно было увидеть невооружённым глазом, — появилась примерно в 1590 году благодаря двум голландским мастерам по изготовлению очков, отцу и сыну Хансу и Захариасу Янсенам. Двадцать

лет спустя, опираясь, как это всегда бывает в науке, на достижения предшественников, Галилео Галилей создал собственный составной микроскоп, получивший название *occholino* — «маленький глаз», состоявший из линз и источника света. Используя несколько линз, Галилей сумел добиться того, чтобы крошечные объекты под микроскопом казались ещё крупнее.

Спустя несколько десятилетий, в 1670-х годах, торговец тканями Антони ван Левенгук сконструировал ещё более мощный микроскоп с увеличением до 270 крат и стал первым человеком, увидевшим бактерии, простейших, сперматозоиды и эритроциты. Его изобретение стало своего рода линзой, через которую человеку открылся невидимый мир. Левенгук был одним из первых, кто наблюдал и описал бактерии, обнаруженные в зубном налёте, который он соскоблил со своих собственных зубов.

Прошло более двухсот пятидесяти лет. Когда в 1930-х годах появилась электронная микроскопия, учёные получили возможность видеть бактерии внутри клеток. Используя тончайшие пучки электронов для «освещения» микроорганизмов, микробиологи смогли разглядеть прежде скрытые структуры — клеточные мембраны, бактериальные пили и многое другое.

Образцы возбудителя, взятые у умершего техасского нефтяника, регистрируют в лабораторной информационной системе, помещают в бокс биологической безопасности, разделяют на части и наносят на предметные стёкла. Просунув руки в герметичные перчаточные порты боксов биологической безопасности класса III, микробиологи в защитных костюмах работают быстро. Белый дом ждёт ответа.

На образцы наносят последовательность красителей, позволяющих окрашивать бактерии. При световой микроскопии *Y. pestis* выглядит как палочковидная бактерия, для которой характерно биполярное окрашивание: концы клетки впитывают больше красителя, чем её середина, и в результате возникает характерный вид, напоминающий английскую булавку. Однако до получения окончательно ясной картины пройдет ещё несколько часов.

В другой части лаборатории бактериологи заканчивают дополнительную подготовительную работу. Культуры чумной палочки выращивают на кровяном агаре — желеобразной питательной среде, изготовленной из вещества, получаемого из морских водорослей, с добавлением овечьей крови. Чтобы узнать о бактерии больше, микробиологам необходимо вырастить дополнительный материал, который затем будет использован в серии последующих исследований.

Новые образцы наносят тампоном на чашки с агаром и помещают в инкубаторы. Через двадцать четыре — сорок восемь часов, если в образцах действительно присутствует *Y. pestis*, на поверхности появятся небольшие сероватые колонии, похожие на плесень.

Эти новые колонии будут использованы для проверки устойчивости патогена к антибиотикам — чтобы выяснить, какие противомикробные препараты способны уничтожить бактерию, а какие нет. Если этот штамм окажется новым, превращённым в биологическое оружие или каким-либо иным образом необычным, со временем это тоже удастся определить.

В поисках медицинских средств противодействия выращенные образцы чумной палочки будут испытаны на мелких лабораторных животных. В расположенном неподалёку помещении для грызунов целую армию мышей вводят в наркоз, чтобы они не испытывали боли во время предстоящих экспериментов. На мышей будут воздействовать аэрозолем с возбудителем чумы, а затем вводить им такие антибиотики, как стрептомицин, доксициклин, ципрофлоксацин и целый ряд других препаратов, проверяя эффективность лекарств.

— Именно так мы проверяем устойчивость к антибиотикам, — объясняет доктор Генри Хайне.

Некоторые мыши выживут, другие погибнут. Многие будут умерщвлены для вскрытия. При посмертном исследовании их крошечные органы проверят на наличие некроза, кровоизлияний и бактериальной колонизации.

Пока чашки Петри находятся в инкубаторах, а мышей готовят к экспериментам, генетическая часть диагностики идёт в ускоренном темпе.

Микробиологи извлекают ДНК из образца и загружают её в высокоскоростной секвенатор. Получение полного генетического «отпечатка» организма может занять двадцать четыре часа, но первые результаты расшифровки его генетической сигнатуры появляются гораздо раньше.

Специалист по геномике изучает полученные данные.

То, что она видит, ужасает.

Секвенаторы обнаруживают признаки вмешательства человека.

Следы, оставленные лабораторными инструментами на уровне ДНК.

Последовательности, не укладывающиеся в обычные закономерности эволюционных мутаций.

Этот организм был создан искусственно.

И он пугающе напоминает версию XXI века того, над чем российские учёные работали в рамках секретной советской программы биологического оружия.

Ведущий учёный USAMRIID звонит министру обороны.

Тот звонит президенту.

■

Белый дом — Вашингтон, округ Колумбия

Глубокая ночь.

Президент крепко спит, когда его будит помощник и сообщает о срочном телефонном звонке.

На линии — министр обороны.

Министр сообщает президенту новости из USAMRIID.

Возбудитель идентифицирован как генетически модифицированная чума, передающаяся по воздуху.

Президент садится на край кровати, пытаясь собраться с мыслями, но в этот момент его резко прерывает Секретная служба.

Старший специальный агент сообщает президенту, что его немедленно эвакуируют.

Сейчас же.

Не в SCIF — защищённое помещение для работы с секретной информацией.

Не в Ситуационную комнату.

Даже не в горный комплекс Рейвен-Рок — подземный командный пункт Пентагона по обеспечению непрерывности управления, расположенный в семидесяти милях от Белого дома, среди лесов Пенсильвании.

Его перевозят в место, местонахождение которого не разглашается.

Одного.

Далеко отсюда.

Министр обороны прерывает размышления президента. К разговору уже подключились министр внутренней безопасности и глава FEMA — Федерального агентства по чрезвычайным ситуациям.

Министр обороны, настойчиво:

— Мы перешли на DEFCON 2, господин президент. Уровень боевой готовности DEFCON 2 — второй по высоте уровень тревоги вооружённых сил США. Он означает, что американские войска готовы к развёртыванию и вступлению в крупномасштабный конфликт в течение ближайших шести часов.

Министр внутренней безопасности, настойчиво:

— Нам необходимо перейти на COGCON 1.

Уровень готовности системы непрерывности государственного управления COGCON 1 — наивысший уровень тревоги для гражданского правительства.

В дверях появляется советник по национальной безопасности с электронным планшетом в руке.

Советник по национальной безопасности:

— Господин президент, необходимо переходить к Devolution.

Devolution — это секретная передача полномочий резервным руководителям и скрытым командным центрам. Переход на COGCON 1 означает, что процедуры Devolution уже запущены.

Devolution должна гарантировать, что правительство продолжит функционировать даже тогда, когда инфраструктура страны рухнет, а сотни миллионов американских граждан погибают.

Devolution означает, что тайная группа военнослужащих уже бросилась на помощь Секретной службе США, чтобы любой ценой защитить президента — главнокомандующего.

Devolution начинается прямо сейчас.

ЧАСТЬ V ВОЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

День шестой

Национальный столичный регион — Вашингтон, округ Колумбия

Devolution начинается.

По всему Национальному столичному региону — тому, что все остальные называют Вашингтоном, округ Колумбия, — эти три простых слова шёпотом произносят в мобильные телефоны: на задних сиденьях бронированных автомобилей, внутри SCIF и подземных бункеров, в закрытых кабинетах и даже в туалетных комнатах.

Три слова, которые уведут будущее американской демократии на совершенно неизведанную территорию.

Devolution начинается.

Или, если пользоваться официальной формулировкой:

«Активировать План передачи функций управления — Devolution of Operations Plan».

Условия официальной матрицы принятия решений для «события с предварительным предупреждением» выполнены.

Объявлен COGCON 1.

По всему центру власти современного мира начинает развёртывание крошечная, засекреченная группа избранных людей. Это те, у кого в багажнике автомобиля всегда лежала заранее собранная тревожная сумка.

Задолго до того, как воздушная чума из этого сценария начала уничтожать страну и анархия стала разрывать её по швам, государственные планировщики допускали, что однажды такое может произойти. Готовясь к катастрофическому нападению с применением оружия массового уничтожения, специалисты, чья работа состояла именно в том, чтобы размышлять о подобных вещах, без лишнего шума разработали планы, позволяющие федеральному правительству продолжать функционировать даже в такой ситуации.

Одним из таких людей был бывший глава FEMA Крейг Фьюгейт.

— Сможет ли правительство продолжать действовать в рамках закона? — говорит Фьюгейт.

По его словам, именно этот вопрос был главным для создателей Плана Devolution. И ответ на него обязательно должен быть утвердительным.

Фьюгейт утвердил программу Devolution в последний день администрации Обамы, в январе 2017 года. Этот вариант стал исходной основой, которую с тех пор продолжают обновлять.

— Все знают, что такое DEFCON, — говорит Фьюгейт, имея в виду систему уровней боевой готовности вооружённых сил, включающую пять ступеней, где первая означает наихудший возможный сценарий. — DEFCON предназначен для военных. COGCON — для гражданских структур.

Когда Фьюгейт возглавил FEMA при администрации Обамы, само существование COGCON всё ещё было засекречено. Теперь его существование официально признано, однако конкретные механизмы действий при COGCON 1 по-прежнему держатся в строжайшем секрете.

— DEFCON 1 означает, что мы ведём войну — например, ядерную войну, — говорит Фьюгейт.

— При катастрофе или нападении COGCON 1 означает, что вы отправляете группы Devolution на места и рассредоточиваете руководство по всей стране.

Непрерывность государственного управления — фундамент системы.

Сохранение руководства — высшая обязанность.

Devolution нужна для того, чтобы сохранить Республику, даже если всё остальное рухнет.

— Программа обеспечения непрерывности управления рассчитана на события с низкой вероятностью, но чрезвычайно тяжёлыми последствиями, — поясняет Фьюгейт. — Астероиды, ядерная война... пандемия чумы.

События, угрожающие самому существованию человечества.

События, способные приблизить человечество к грани вымирания.

— В случае пандемии [лёгочной] чумы, — говорит Фьюгейт применительно к этому сценарию, — кто-то должен продолжать выполнять жизненно важные функции. Федеральное правительство обязано продолжать существовать.

Эта загадочная и намеренно непрозрачная государственная программа, известная как План Devolution, тайно отработывалась бесчисленное число раз восемь десятилетий — при каждой администрации начиная с момента появления атомной бомбы.

В разные годы различные версии этой засекреченной программы носили разные названия:

- Plan C и Plan D, которыми в 1950-х годах руководил Подкомитет по комплексной оценке;
- Federal Emergency Plan Other Than Plan D (OTD) и Operation Garden Plot — в 1960-х и 1970-х годах;
- Rex 84 и Cable Splicer — в 1980-х;
- PPD/NSC-32, PPD/NSC-62 и PPD/NSC-67 — в 1990-х;
- Federal Continuity Directive 1 — в 2000-х.

Devolution предусматривает передачу власти при катастрофе заранее утверждённой тайной группе лиц. Это своего рода параллельное правительство, которое должно быть негласно введено в действие, если руководители страны, а также определённая группа государственных служащих, отвечающих за жизненно важные функции Соединённых Штатов, начинают погибать или существует высокая вероятность их скорой смерти.

Devolution — крайняя страховочная мера на случай наихудшего из возможных сценариев.

План Devolution активируется тогда, когда власти опасаются, что происходящее способно привести к падению Америки.

Это последняя попытка федерального правительства удержать в руках хотя бы тончайшую нить контроля.

■

Подземный SCIF, штаб-квартира Федерального агентства по чрезвычайным ситуациям — Вашингтон, округ Колумбия

В подземном бункере под штаб-квартирой FEMA в Вашингтоне собираются директор FEMA, глава HHS — Министерства здравоохранения и социальных служб — и руководитель системы биологической обороны.

Вместе с ними присутствует группа заместителей и профильных экспертов.

Поздняя ночь.

Происходящее представляет угрозу самому существованию государства.

По словам бывшего главы FEMA Крейга Фьюгейта, все готовятся к событию категории «Maximum of Maximums» — «максимум из максимумов».

— Задаются два вопроса, — говорит отставной адмирал Бретт Джируар, бывший помощник министра здравоохранения. — С чем именно мы имеем дело и как нам распределить ресурсы?

Чиновники проводят совещание в Национальном центре координации реагирования Федерального агентства по чрезвычайным ситуациям США (FEMA).

Перед каждым лежит комплект документов.

Все смотрят на них.

Никто не произносит ни слова.

Перед ними таблицы стохастических прогнозов заражения под грифом:

«Биологическая ситуационная осведомлённость. Совершенно секретно».

Теперь, когда USAMRIID подтвердил, что возбудитель — генетически модифицированная чума, распространяющаяся воздушным путём, в этих таблицах содержатся прогнозы того, как инфекция может распространиться по территории Соединённых Штатов.

Одни модели предсказывают десятки миллионов смертей.

Другие заставляют опасаться, что погибнут сотни миллионов американцев.

Стохастическое моделирование используется в эпидемиологии для имитации распространения вспышки заболевания в популяции, когда динамика передачи инфекции всё ещё носит вероятностный характер.

В терминологии CDC «вероятностное моделирование» означает подходы, учитывающие случайные переменные и статистические распределения, включая пуассоновские регрессионные модели и моделирование методом Монте-Карло, чтобы оценить возможное распространение патогена в условиях неопределённости.

По существу, это предположения.

Все сидящие за столом это понимают.

Но никто не хочет произносить это вслух.

Ни один компьютер и ни один человек не способен точно предсказать уровень заражения, когда речь идёт о новом, ранее неизвестном патогене, — тем более если этот патоген был генетически модифицирован человеком.

Нет другого возбудителя, который можно было бы использовать как надёжный аналог.

Нет достоверных оценок того, как такая вспышка будет развиваться и с какой скоростью станет набирать силу.

Невозможно предсказать, как именно генетически модифицированный патоген будет заражать людей, пока не станут известны параметры, необходимые для моделирования распространения инфекции.

К ним относятся:

- Базовое репродуктивное число (R_0)
- Летальность
- Устойчивость к противомикробным препаратам
- Иммунитет

Во время пандемии Covid американцы уже наблюдали, как рушится точность прогнозов. Собственный Центр прогнозирования Covid-19 CDC раз за разом давал неточные результаты.

Исследование, подготовленное сотней авторов и опубликованное в Национальной медицинской библиотеке США, проанализировало 9,7 миллиона прогнозов Covid, составленных 67 финансируемыми федеральным правительством группами моделирования, и пришло к выводу, что большинство из них были «ненадёжными... [применительно] к новому патогену».

В этом исследовании отдельные прогнозные модели показывали успешность «ниже 50 процентов» — то есть примерно такую же точность, как подбрасывание монеты.

На протяжении нескольких месяцев Всемирная организация здравоохранения уверяла общественность, что Covid не передаётся по воздуху, опубликовав в марте 2020 года сообщение:

«ФАКТ: #COVID19 НЕ передаётся воздушным путём».

На самом деле Covid передавался по воздуху.

Твит Всемирной организации здравоохранения от 28 марта 2020 года. (@WHO через X) CDC потребовалось более пятнадцати месяцев — до мая 2021 года, — чтобы официально признать воздушный путь передачи инфекции в одном из своих научных обзоров.

К тому времени от коронавируса во всём мире умерло более 3,3 миллиона человек.

Были и другие ошибочные предположения.

Всемирная организация здравоохранения предупреждала людей о возможности заразиться вирусом через прикосновение к загрязнённым поверхностям — фомитам. Миллионы людей по всему миру бросились скупать дезинфицирующие средства, что привело к масштабному дефициту и перебоям в цепочках поставок.

CDC повторял те же предупреждения и даже заключил партнёрство с Lysol.

В итоге оказалось, что заражение Covid через поверхности происходило крайне редко.

Когда предположения выдаются за факты, это имеет далеко идущие психологические последствия.

Как в сказке о мальчике, который кричал: «Волк!»

Ложные тревоги разрушают доверие.

Теперь, здесь, в подземном SCIF FEMA, никто не знает, как реагировать на лежащие перед ними прогнозные таблицы.

Что вы скажете, если генетически модифицированная чума уже начала распространяться по Соединённым Штатам, а именно вы отвечаете за происходящее?

Генетически модифицированный патоген с летальностью как минимум 25,8 процента — если верить русским.

А что, если, как в случае с Covid, где летальность составляла примерно 1 процент, на создание средства противодействия потребуется одиннадцать месяцев?

Не рухнет ли общество раньше?

Компьютерные таблицы распространения инфекции, лежащие перед федеральными чиновниками, — всего лишь предположения.

Если бы им были известны реальные параметры возбудителя, вырвавшегося в этом сценарии из лаборатории «Вектор», картина выглядела бы так:

- Базовое репродуктивное число (R_0) = 10–12
- Летальность = 100%
- Устойчивость к противомикробным препаратам = устойчив ко всем антибиотикам
- Иммуитет = 0% — никакой естественной или приобретённой защиты

Согласно расчётам, выполненным с помощью общедоступных вычислительных систем, способных воспроизводить возможности вероятностного моделирования CDC, менее чем за шесть дней почти каждый американец, не находящийся в биозащитном снаряжении или в условиях крайней изоляции, заразится лёгочной чумой.

Глава FEMA и руководитель биологической обороны извиняются и выходят из-за стола.

Оба обладают достаточным опытом работы в реальных кризисах, чтобы понять: происходящее — настоящий кошмар.

Они проходят в небольшой SCIF дальше по коридору, чтобы поговорить наедине.

Первым говорит руководитель биологической обороны.

— Ты остаёшься или уезжаешь? — спрашивает он коллегу.

— Один из них должен остаться, другой, возможно, должен уехать, — объясняет Джируар.

Смысл в том, что один из руководителей должен возглавлять мероприятия Devolution из засекреченного объекта за пределами Вашингтона.

У Джируара есть непосредственный опыт работы с эпидемическими кризисами.

В первые дни Covid, когда ему предложили либо работать удалённо, либо оставаться в командном центре FEMA в Вашингтоне, которым совместно пользовалось HHS, Джируар решил остаться в столице.

— Нельзя [обоим] руководить страной из какого-нибудь [далёкого] бункера, — говорит отставной адмирал. — Кто-то должен оставаться на переднем крае.

Практический опыт Джируара действительно необычайно богат.

С 2006 по 2008 год он возглавлял Управление оборонных наук DARPA — Агентства перспективных исследовательских проектов Министерства обороны — и курировал программы в области инновационной биологической защиты, включая экспресс-диагностику и разработку медицинских средств противодействия.

В первые недели вспышки коронавируса, когда потребовалось эвакуировать из Японии 329 американцев, находившихся на карантине на круизном лайнере *Diamond Princess*, Джируар руководил операцией по их возвращению на родину.

Он направил в Йокогаму двух самых опытных американских специалистов по инфекционным заболеваниям — доктора Майкла Каллахана и доктора Джеймса Лоулера, не того Джеймса Лоулера, который работал в ЦРУ.

Облачённые в полные комплекты биозащитного снаряжения, они доставили американцев домой двумя военными самолётами, а затем контролировали их карантин на военных базах США в Техасе и Калифорнии.

Ни один из этих американцев не умер от Covid.

Пандемия Covid была далеко не первым столкновением Джируара со вспышкой чрезвычайно заразной болезни.

Во время кризиса Эболы 2014 года медсёстры больницы Далласа Эмбер Винсон и Нина Фам заразились геморрагической лихорадкой Эбола от приехавшего из Либерии Томаса Эрика Дункана.

Медицинские власти штата Техас и федерального правительства не предложили заражённым медсёстрам никаких медицинских средств противодействия, ограничившись по сути паллиативным уходом, поскольку предполагалось, что они умрут.

Пытаясь спасти жизни Винсон и Фам, Джируар договорился, чтобы его коллега, владевший частным самолётом и имевший лицензию пилота, вылетел в Калифорнию, забрал экспериментальный препарат против Эболы под названием ZMapp и доставил лекарство обратно в Техас.

— На тот момент это были единственные две дозы ZMapp во всей стране, — вспоминает Джируар.

Обе медсестры выжили.

Но финал бывает счастливым не всегда.

Ранее, во время вспышки менингита в Техасе, Джируар, по специальности педиатр, лечил десятки больных детей. Этот опыт болезненно ясно показал ему, насколько быстро и беспощадно может поражать человека молниеносное заболевание.

— Некоторые дети умирали в течение двенадцати часов после появления первых симптомов, — вспоминает он. — Другие лишались рук и ног из-за гангрены.

Когда работаешь в тени смертельной болезни, время решает всё.

Часы всегда тикают.

И действовать тоже нужно быстро.

Руководитель биологической обороны в этом сценарии сообщает главе FEMA, что остаётся в Вашингтоне.

— Я бы начал принимать [профилактические] антибиотики и продолжил руководить, — говорит Джируар.

Поскольку условия для запуска Devolution выполнены, разумнее всего, чтобы один остался, а другой уехал.

Глава FEMA кивает.

Он выходит из здания и направляется к вертолёту, который уже ждёт, чтобы доставить его в Маунт-Уэзер.

Подобно горному комплексу Рейвен-Рок, Центр чрезвычайных операций Маунт-Уэзер включает укреплённый подземный федеральный комплекс.

Он расположен в пятидесяти милях к западу от Белого дома, в горах Блу-Ридж штата Вирджиния, и предназначен для обеспечения непрерывности государственного управления в случае, если Вашингтон окажется выведен из строя.

При запуске Devolution Маунт-Уэзер превращается в закрытый автономный узел управления.

Уже в воздухе глава FEMA звонит в Белый дом.

Ему сообщают, что президент тоже находится в пути.

■

Президентский кортеж, за пределами Национального столичного региона — местонахождение не разглашается

Президентский кортеж стремительно покидает Национальный столичный регион.

Президент намеренно не летит на вертолёте Marine One.

Цель — скрыть сам факт его отъезда из Вашингтона.

Во время чрезвычайно тяжёлого кризиса весь мир следит за каждым передвижением президента Соединённых Штатов.

Все хотят знать, что предпримет Белый дом.

Президент направляется в засекреченное место, являющееся частью Плана Devolution.

Можно было бы предположить, что его перевозят в огромный защищённый бункер вроде комплекса Рейвен-Рок или Центра чрезвычайных операций Маунт-Уэзер.

Однако реальность иная.

Всё гораздо тоньше.

— Мы спрятали бы его у всех на виду, — говорит бывший глава FEMA Крейг Фьюгейт.

Президентский кортеж сопровождают машины, которые обычно не участвуют в перевозке главы государства.

Причина в исключительной важности перевода президента из Белого дома на засекреченный объект Devolution: Министерство обороны обязано оказывать Секретной службе необходимую поддержку.

В бронированных автомобилях, мчащихся прочь из Национального столичного региона вместе с президентом, находятся также военнослужащие малоизвестного подразделения под названием Very Important Personnel Protection Support Activity — VIPPSA, Служба поддержки защиты особо важных лиц.

Их задача — обеспечить президенту безопасный путь.

План Devolution исходит из того, что президент США может стать объектом покушения, в том числе с использованием самодельных взрывных устройств на маршрутах эвакуации.

Операции VIPPSA проводятся редко, поскольку требуют огромного количества людей.

Однажды пятидневный визит неназванного иностранного высокопоставленного лица в три американских города потребовал почти 800 специалистов Пентагона по обезвреживанию взрывных устройств — EOD — для поддержки Секретной службы.

Пока колонна движется, советники проводят для президента брифинг по защищённой видеосвязи.

Советник по национальной безопасности:

— Лос-Анджелес на грани краха.

Руководитель биологической обороны:

— В Далласе люди тоже начинают паниковать.

Президент:

— Что нам делать?

Министр обороны:

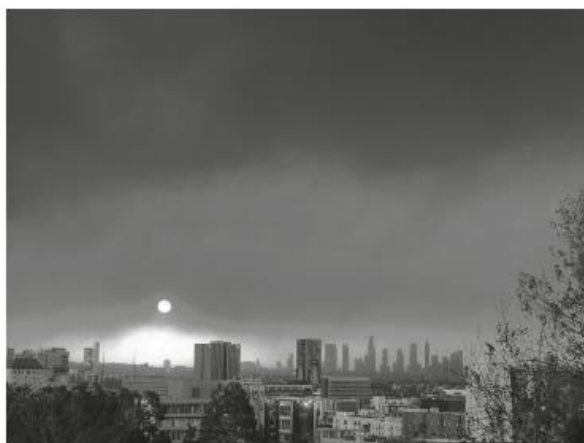
— Ввести в действие Закон о восстаниях.

Президент соглашается.

Он предвидел возможность такого развития событий — ещё со времён предыдущих администраций.

■

Лос-Анджелес, Калифорния

Лос-Анджелес горит в январе 2025 года после того, как ложные распоряжения об эвакуации усилили хаос.

Два часа ночи.

Спящих жителей Лос-Анджелеса внезапно будит пронзительная череда перемежающихся сигналов тревоги, раздающихся из каждого невыключенного смартфона.

Огромные районы города охвачены огнём.

Видео инфлюенсера стало вирусным.

От Венис-Бич до перевала Кауэнга жители, решившие взять дело в свои руки, забрасывают лагеря бездомных зажигательными устройствами.

ЭКСТРЕННОЕ ОПОВЕЩЕНИЕ!

Сообщения от властей Лос-Анджелеса заполняют электронные устройства по всему округу.

ЭКСТРЕННОЕ ОПОВЕЩЕНИЕ.

Это экстренное сообщение

Пожарного департамента округа Лос-Анджелес.

В вашем районе объявлена **ОБЯЗАТЕЛЬНАЯ ЭВАКУАЦИЯ.**

ПОКИНЬТЕ РАЙОН НЕМЕДЛЕННО.

НЕ ЖДИТЕ.

Как это уже случалось во время пожаров января 2025 года, уничтоживших часть Лос-Анджелеса, многие из таких адресных приказов об эвакуации оказываются ложными.

«Технические ошибки», — называли их городские власти, одновременно советуя жителям проверять информацию на официальном сайте города, прежде чем пытаться менее чем за десять минут собрать самые ценные вещи и эвакуироваться.

Социальные сети заполняют кадры жертв чумы, умирающих прямо на улицах Скид-Роу.

В X изображение полицейского, согнувшегося пополам и кашляющего кровью, перемежается кадрами водителя Amazon, которого вытаскивают из машины и избивают до потери сознания.

Этот ролик просмотрели более ста миллионов раз.

В Лос-Анджелесе глубокая ночь.

На Восточном побережье уже рассвет.

По стране прокатывается буря паники.

Интернет пылает.

#KillerPlague

#HomelessApocalypse

#NextPandemic

От Калифорнии до Арканзаса, от Дакоты до Флорида-Кис американцы лихорадочно пытаются понять по своим смартфонам, что реально, а что создано искусственным интеллектом.

Где информация, а где дезинформация.

Отличить одно от другого трудно.

Но всё же возможно.

Сайт CDC рухнул.

Телефонные линии перегружены.

Федеральные органы власти охвачены хаосом.

Сотрудники, которым по служебной необходимости не положено знать, понятия не имеют, что Devolution уже началась.

Те, кто допущен к участию в Devolution, отключили мобильные телефоны, чтобы никто не мог отследить их перемещения.

И чтобы никто не узнал, что именно их выбрали для спасения, тогда как миллионы других будут оставлены умирать.

В Instagram популярные публикации со знаменитостями, танцующими перед камерой, и ликующими спортивными болельщиками сменяются кадрами жителей Лос-Анджелеса в масках, поджигающих фитили бутылок, наполненных бензином, и забрасывающих этими коктейлями Молотова лагеря бездомных.

По всему миру начинается убийственная паника.

В Лондоне, где уже позднее утро, драки в супермаркетах из-за консервов заканчиваются гибелью людей.

В Германии толпа поджигает штаб-квартиру Bayer AG в Лёверкузене после того, как в интернете распространяется ложное сообщение о том, будто под зданием хранятся миллионы флаконов антибиотиков.

В китайском Урумчи двери больниц заваривают, запирая внутри больных чумой.

В Южной Корее военные, размещённые вдоль демилитаризованной зоны, запускают беспилотники, чтобы наблюдать за происходящим на Севере.

Север отвечает артиллерийским залпом.

— В случае краха, — говорит заместитель председателя Объединённого комитета начальников штабов Республики Корея генерал-лейтенант Ким Бон Су, — мы опасаемся, что голодающие жители [Северной Кореи], разыскивая продовольствие, могут проникнуть на склады, где хранится их биологическое оружие.

Для всего Корейского полуострова это кошмарный сценарий, сопоставимый с ядерной угрозой.

— Биологическое [оружие] может оказаться опаснее, — говорит заместитель председателя, возможно, потому, что вероятность такого сценария выше. — Если Север рухнет, [ситуацию] будет невозможно удержать под контролем.

По всему миру хаос распространяется по пугающе одинаковому сценарию.

Каждая новая волна заражённых оказывается охвачена всё той же маниакальной эйфорией. Недавно заразившиеся люди тянутся к толпам, словно ничего страшного не происходит.

Незаражённые родственники отчаянно пытаются образумить своих близких, заставить их увидеть опасность и бежать.

Но заражаются и они.

Цикл повторяется.

С каждым разом всё быстрее.

И всё шире.

В конце концов все они умрут от чумы.

Лос-Анджелес охвачен пожарами.

На одной из голливудских автозаправок вспыхивает огонь, а затем происходит взрыв.

Пожарный департамент Лос-Анджелеса не справляется.

Целые кварталы горят, и тушить их некому.

Люди в ужасе.

Внесудебное насилие резко возрастает.

Появляются сообщения о жителях Лос-Анджелеса, стреляющих в бездомных прямо на улицах.

Как предупреждал бывший лидер сенатского большинства Том Дэшл, крупномасштабная биологическая катастрофа будет означать:

— Смерть физическую. Смерть государственной системы. Смерть практически во всех смыслах. Биологическая война станет глубоким кошмаром. Люди будут совершать бесчеловечные поступки просто ради того, чтобы выжить.

Именно сейчас это начинается.

■

Центр чрезвычайных операций Лос-Анджелеса — центр города

В Центре чрезвычайных операций в центре Лос-Анджелеса высшие должностные лица города охвачены паникой.

Они находятся здесь всю ночь.

Они провели голосование и почти единогласно — при одном голосе против — решили покинуть здание и продолжить работу из удалённых мест.

Но служба безопасности здания разбежалась.

Выходить наружу опасно.

Один из заместителей руководителя службы здравоохранения начинает плакать.

— Мы погибнем, как в *13 Hours*, — говорит он, имея в виду голливудский фильм о реальном нападении на американский дипломатический комплекс и объект ЦРУ в Бенгази, Ливия, в 2012 году.

Во время того вооружённого нападения местные террористы подожгли американский объект. Погибли посол Дж. Кристофер Стивенс и сотрудник Государственного департамента Шон Смит — оба оказались заперты внутри.

Ещё двое американских военных подрядчиков погибли, пытаясь спасти людей, когда комплекс штурмовали сотни вооружённых террористов.

Здесь и сейчас, под холодным светом люминесцентных ламп государственного учреждения, единственный человек, голосовавший против ухода из оперативного центра, — заместитель руководителя городского здравоохранения — сохраняет спокойствие.

Он не собирается уходить.

У него есть работа.

Именно он отвечает за программу выдачи антибиотиков ключевым городским работникам — программу, предусмотренную «Биологическим приложением» к руководству по чрезвычайным операциям Лос-Анджелеса.

Работа исключительно важная.

Из подготовленного двадцать лет назад руководства Армии США по биологической войне для правоохранительных органов известно: если люди, лучше всего подготовленные к оказанию помощи во время биологической катастрофы, — прежде всего спасатели, медики и правоохранители — заболеют и умрут, некому будет профессионально помогать больным и умирающим.

Именно поэтому Департамент общественного здравоохранения округа Лос-Анджелес хранит в неразглашаемом месте запас из 100 000 флаконов антибиотика ципрофлоксацина.

Этот тщательно охраняемый резерв предназначен для 33 333 работников жизненно важных служб, которым в случае биотеррористической атаки предписано своевременно начать принимать препарат.

В число структур, персонал которых город считает критически важным, входят:

- Департамент полиции Лос-Анджелеса: 16 100 флаконов
- Пожарный департамент Лос-Анджелеса: 5 000 флаконов
- Медицинский персонал: 2 666 флаконов
- Служба чрезвычайных ситуаций: 1 000 флаконов
- Департамент конгрессов и туризма: 633 флакона
- Мэрия: 166 флаконов
- Служба по работе с животными: 150 флаконов
- Управление по поддержке районных сообществ: 66 флаконов
- Зоопарк: 21 флакон
- Управление культуры: 5 флаконов

Каждый человек из заранее утверждённого списка городских работников должен дополнительно получить ещё по два флакона ципрофлоксацина — на это уйдут оставшиеся 66 667 флаконов из общего резерва в 100 000.

Исследования показывают: сотрудники городских служб реже бросают работу, если уверены, что их семьи находятся в безопасности.

Но если у кого-либо из внесённых в список работников более двух членов семьи, ему придётся делать выбор, подобный тому, что выпал героине «*Выбора Софи*».

Спасти можно не всех.

Заместитель нажимает кнопку «Отправить» на клавиатуре.

33 333 работникам жизненно важных служб уходит сообщение с требованием явиться за антибиотиками в пункт выдачи.

СРОЧНОЕ ОПОВЕЩЕНИЕ: В Лос-Анджелесе возникла чрезвычайная медицинская ситуация. Немедленно явитесь в назначенный медицинский пункт выдачи для получения доконтактной профилактики. Не ждите лабораторного подтверждения.

Заместитель подозревает, что мало какой из этих пунктов вообще сможет открыться — если откроется хоть один.

Но он считает своим долгом отправить распоряжение.

Согласно руководству по чрезвычайным ситуациям, даже в идеальных условиях на открытие пункта выдачи требуется шесть часов.

На его взгляд, вся эта программа опасно несовершенна.

Раздавать антибиотики должны добровольцы.

Теперь от них ожидают, что они самостоятельно доберутся до пунктов выдачи сквозь пожары, беззаконие и власть толпы.

А если в эти пункты начнут прибывать спасатели и полицейские, многие из которых только что вышли из «горячей зоны», это почти гарантированно превратит каждый такой пункт в место массового заражения.

В примечаниях мелким шрифтом указано: антибиотики разрешается выдавать только тем, кто ещё не подвергся заражению.

Действует система доверия — человек сам должен сообщить, был ли у него контакт.

Более того, добровольцам даётся право отказать в антибиотиках любому, кого они подозревают в заражении чумой.

Необычайная власть для безоружного гражданского лица, которому, возможно, придётся спорить с вооружённым полицейским из-за трёх флаконов таблеток.

В этот момент запас из 100 000 флаконов антибиотиков становится одним из самых ценных сокровищ на планете.

Люди в буквальном смысле будут убивать за них.

Если местонахождение хотя бы одного пункта распределения антибиотиков станет известно широкой публике, его захлестнёт толпа.

И, похоже, это лишь вопрос времени.

УРОК ИСТОРИИ

Dark Winter

Летом 2001 года группа бывших высокопоставленных правительственных чиновников и профильных экспертов собралась на авиабазе Эндрюс в Мэриленде для проведения военно-политической биологической игры под названием Dark Winter — «Тёмная зима».

Учения моделировали нападение на Соединённые Штаты с применением биологического оружия, совершённое террористической организацией «Аль-Каида».

До событий 11 сентября оставалось три месяца.

В качестве условного возбудителя использовалась натуральная оспа — *variola*, один из «нескольких биологических патогенов, которые Советский Союз превратил в оружие».

По сценарию его продал «Аль-Каиде» нелояльный российский учёный, работавший в институте «Вектор».

Цель сценария Dark Winter заключалась в проверке способности страны реагировать на биологическую войну — оценить систему национальной безопасности США и согласованные действия всего государственного аппарата в случае применения биологического оружия на территории Соединённых Штатов.

Натуральная оспа, подобно лёгочной чуме, чрезвычайно заразна и передаётся от человека к человеку.

В естественных условиях её R_0 составляет от 3,5 до 6,0, что даёт средний показатель передачи около 4,75.

Без лечения натуральная оспа имеет летальность приблизительно 30 процентов.

Если заражённый человек получает прививку от оспы в течение семидесяти двух часов, летальность снижается до уровня от 0 до 10 процентов.

В сценарии Dark Winter вирус оспы не подвергался генетической модификации: в 2001 году генная инженерия ещё находилась на раннем этапе развития.

У натуральной оспы особое место в истории смертельно опасных заболеваний.

Только в XX веке этот вирус унёс от 300 до 500 миллионов человеческих жизней.

А затем, в конце 1970-х годов, произошло нечто выдающееся.

Всемирная организация здравоохранения возглавила глобальную кампанию по искоренению вируса натуральной оспы из его естественных резервуаров на Земле.

К маю 1980 года было официально объявлено, что смертельный патоген полностью искоренён среди людей.

Это достижение считается одной из наиболее успешных кампаний общественного здравоохранения в современной истории.

ВОЗ решила сохранить две коллекции образцов вируса натуральной оспы — исключительно для научных исследований и разработки вакцин.

Эти образцы хранились и продолжают храниться в морозильных камерах двух объектов BSL-4: одного — в Соединённых Штатах, в CDC;

другого — в России, в «Векторе».

В военно-политической игре Dark Winter американское правительство смоделировало ситуацию, при которой часть вируса оспы, хранящегося под охраной в лаборатории BSL-4 «Вектора», похищает коррумпированный российский учёный.

Затем он продаёт вирус «Аль-Каиде», открыто заявляющей своей целью уничтожение Соединённых Штатов.

Оспу распространяют в трёх американских городах:

Филадельфии,

Атланте

и Оклахома-Сити.

Передающийся воздушным путём возбудитель распространяется словно огонь по сухой траве.

Растёт число погибших.

Одновременно по стране нарастает насилие.

Люди отчаянно ищут медицинской помощи.

Разъярённые толпы нападают на больницы Филадельфии.

Американцев арабского происхождения с «тёмной кожей» расстреливают в центре Чикаго.

В Техасе начинается вооружённое противостояние после того, как губернатор закрывает все границы штата, пытаясь не допустить проникновения заражённых людей на территорию Штата Одинокой звезды.

Крупнейшие города, в том числе Нью-Йорк, переводятся на обязательный федеральный карантин.

Очень быстро 16 000 заражённых превращаются в 30 000.

30 000 — в 300 000.

300 000 — в три миллиона.

В центре разрастающегося кризиса оказываются два главных страха:

чрезмерное применение военной силы

и нехватка вакцин.

Поскольку натуральная оспа была искоренена в 1980 году, во время правительственных учений в июне 2001 года обычно исходили из предположения, что значительных запасов вакцины против неё больше не существует.

Однако в сценарии Dark Winter выясняется, что в 2001 году у правительства почти наверняка имелся секретный резерв — 12 миллионов доз вакцины против натуральной оспы, спрятанных на засекреченном объекте именно на случай подобной биологической катастрофы.

Можно предположить, что запас, фигурировавший в сценарии, по объёму был близок к реальному — учитывая, какие государственные чиновники участвовали в учениях.

По ходу сценария американцы узнают, что высшие советники президента зарезервировали для себя, своих родственников и других лиц, включённых в программу обеспечения непрерывности государственного управления, 2,5 миллиона доз из имеющихся 12 миллионов.

Когда общественность узнаёт, что группа чиновников заранее собиралась спасти прежде всего себя, насилие усиливается ещё больше.

Страна начинает раскалываться.

Начинаются массовые грабежи и гражданские беспорядки.

Когда семья с маленькими детьми нарушает федеральный карантин в Нью-Йорке и пытается покинуть город, полицейские замечают, что отец вооружён, и открывают огонь.

Семья погибает.

Dark Winter подходит к моменту объявления военного положения.

И тут сценарий внезапно заканчивается.

Нам остаётся лишь самим представить, чем всё это могло закончиться.

Но планы введения военного положения действительно существуют.

И сейчас мы увидим какие.

Президентский кортеж, за пределами Национального столичного региона — местонахождение не разглашается

Внутри президентского кортежа приводятся в действие новые планы.

После введения в действие Закона о восстаниях министр обороны направляет регулярные войска на действительной службе по всей территории Америки.

Это шаг поразительного масштаба.

Закон о восстаниях позволяет вооружённым силам совершать действия, которые в обычных условиях запрещены Законом Posse Comitatus — законом, принятым Конгрессом в 1878 году после Гражданской войны и запрещающим использовать федеральные войска для обеспечения исполнения внутренних законов.

У Posse Comitatus существует лишь одно предусмотренное законом исключение.

— Закон о восстаниях представляет собой исключение из Закона Posse Comitatus, — подтверждает генерал-майор NORTHCOM Лоуренс Стацрием.

Впервые в истории Соединённых Штатов «земля свободных и родина храбрых» должна превратиться в единую страну, живущую по законам военного положения.

Ведущая роль отводится Северному командованию Вооружённых сил США — NORTHCOM.

NORTHCOM — объединённое боевое командование, ответственное за оборону территории Соединённых Штатов.

На него возложена защита страны, её территории, воздушного пространства и населения от нападения или иной серьёзной угрозы.

Командующий NORTHCOM — четырёхзвёздный генерал или адмирал — одновременно возглавляет Командование воздушно-космической обороны Северной Америки, NORAD.

Такую систему называют «двойной должностью».

NORTHCOM — самое молодое из американских объединённых боевых командований.

Оно было создано после террористических атак 11 сентября специально для защиты территории страны.

В первом официальном пресс-релизе NORTHCOM, выпущенном Пентагоном в апреле 2002 года, говорилось, что его создание означает:

«Впервые зоны ответственности командующих охватывают всю Землю».

Действуя по приказу президента, председатель Объединённого комитета начальников штабов вводит в действие постоянно действующий исполнительный приказ — Execution Order, EXORD, — передающий командующему NORTHCOM руководство операцией.

Объединённый штаб выпускает серию уточняющих приказов — Fragmentary Orders, FRAGORD, — которые будут постоянно корректировать оперативную обстановку по мере развития событий.

В центре ответных действий находится CONPLAN 3502 — засекреченный план действий в чрезвычайной обстановке, определяющий действия вооружённых сил при массовых гражданских беспорядках или угрозе краха государственной власти.

CONPLAN 3502 подробно устанавливает, каким образом американские вооружённые силы взаимодействуют с гражданскими органами власти и, если потребуется, заменяют их, чтобы восстановить порядок и вернуть правительству контроль над страной изнутри.

CONPLAN 3502 действует параллельно с Branch Plan 3560 — засекреченным планом NORTHCOM по защите страны от биологического инцидента или нападения.

Этот план предписывает военным оказывать поддержку FEMA и HHS — гражданским ведомствам — при развёртывании медицинских подразделений, карантинных средств и логистических ресурсов.

FEMA и HHS сами по себе не располагают возможностями для доставки Стратегического национального запаса из федеральных хранилищ в отдельные штаты.

Для населения едва ли существует более важная операция, чем та часть Branch Plan 3560 NORTHCOM, которая предусматривает перемещение Стратегического национального запаса из секретных бункеров в отдельные штаты.

Но препятствия колоссальны.

Об этом новом варианте лёгочной чумы почти ничего не известно.

Ни скорость передачи.

Ни летальность.

Ни устойчивость к антибиотикам.

Достоверно известно лишь одно.

Если *Yersinia pestis* размножается в лёгких человека более двадцати четырёх часов после появления первых симптомов и лечение антибиотиками не начинается, вероятность смерти составляет 100 процентов.

Вооружённые силы готовятся к развёртыванию.

Масштабное введение регулярных войск в американские города и населённые пункты противоречит самой ткани и историческим основам Соединённых Штатов — недовольство подобной практикой прямо выражено ещё в Декларации независимости.

Во время Американской революции колонистов возмущала практика британской короны «расквартировывать многочисленные вооружённые войска» в частных домах жителей колоний.

Декларация провозглашала, что использование армии для обеспечения исполнения внутренних законов более недопустимо.

Причина была проста.

Вооружённые солдаты, которым поручено обеспечивать исполнение гражданских законов, неизбежно рано или поздно применят оружие.

Введение в действие Закона о восстаниях — крайняя мера.

Как и распространение генетически модифицированной чумы, передающейся воздушным путём.

Американская военная машина колоссальна.

Её иногда называют «системой систем».

Вооружённые силы Соединённых Штатов — самая мощная военная сила в мире.

И одновременно применение армии оказывается единственным способом, с помощью которого американское правительство может пережить крупномасштабную биологическую катастрофу.

Когда гражданская власть рушится, Закон о восстаниях позволяет вооружённым силам сохранить Республику.

И это включает возможность применения смертоносной силы против американских граждан, которые отказываются подчиняться или мешают осуществлению того, что должно произойти дальше.

■

Центр чрезвычайных операций Маунт-Уэзер — горы Блу-Ридж, Вирджиния

Главе FEMA требуется около тридцати минут, чтобы на вертолёте добраться до Центра чрезвычайных операций Маунт-Уэзер — основного объекта эвакуации высших должностных лиц, непосредственно участвующих в программах обеспечения непрерывности государственного управления и Devolution.

Этот руководитель FEMA, как и его предшественники, многократно участвовал в тренировках по отработке планов Devolution.

Но никакие учения не могут подготовить человека к тому моменту, когда всё происходит по-настоящему.

Вид с воздуха на Центр чрезвычайных операций Маунт-Уэзер (также известный как «Гора») — федеральный комплекс обеспечения непрерывности государственного управления, расположенный в горах Блу-Ридж неподалёку от Блумонта, штат Вирджиния.

Пакет важнейших документов извлекают из сейфа с ручным кодовым замком, одобренного Управлением общих служб США — General Services Administration. О том, где именно находится этот сейф, кто имеет к нему доступ и что ещё в нём хранится, известно очень мало.

Однако известно, что сейф находится в засекреченной подземной части комплекса Маунт-Уэзер, называемой **Зоной В**.

Пакет важнейших документов — ранее их называли **жизненно важными документами** — содержит копии президентских директив, планов обеспечения непрерывности государственного управления, планов преемственности власти, списков экстренных контактов, карт, паролей, кодов доступа и других материалов.

Лица, задействованные в планах **Devolution**, заранее назначены для того, чтобы взять на себя управление федеральным правительством в случае катастрофической чрезвычайной ситуации. В совокупности они называются **Devolution Emergency Response Group** — **Группой экстренного реагирования Devolution**.

Каждый человек, включённый в этот список, заранее отработывал планы Devolution; закон обязывает их проходить такие тренировки. Каждый точно знает свои непосредственные обязанности и за что именно он должен отвечать.

Когда наступает критический момент, каждый из них знает, куда ему следует направиться.

FCD-1

[REDACTED]

СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА ДЛЯ: [REDACTED]

ОТ КОГО: [REDACTED]

ТЕМА: Назначение в состав Группы экстренного перемещения (ERG)

Вы определены как критически важное лицо для работы агентства в чрезвычайной ситуации. Настоящим вы назначаетесь членом Группы экстренного перемещения (ERG) для (НАЗВАНИЕ ОФИСА). Члены ERG – это специально отобранный персонал, которому поручено выполнение важнейших функций в случаях, когда такие функции более не могут выполняться из основного (ПЕРВИЧНОГО/ОСНОВНОГО) объекта из-за местных, региональных или общенациональных изменений в режиме работы и необходимости функционировать из альтернативного объекта. Члены ERG направляются на альтернативное место (места) для обеспечения оперативной готовности и выполнения важнейших функций в течение 12 часов с момента активации режима непрерывности. При активации режима непрерывности вы должны прибыть на АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ ОБЪЕКТ. Размещение на альтернативном объекте может длиться до 30 дней после события или до возобновления нормальной деятельности.

Каждый член ERG отбирается руководителем соответствующего подразделения на основании:

- определения заранее установленных важнейших функций, которые должны выполняться независимо от состояния работы (ПЕРВИЧНОГО/ОСНОВНОГО) объекта;
- знаний и опыта сотрудника, необходимых для выполнения этих важнейших функций;
- способности сотрудника быстро прибыть на альтернативное место в чрезвычайной ситуации;
- способности сотрудника освободиться от выполнения других заданий в чрезвычайной ситуации.

Я понимаю и принимаю своё назначение в состав ERG для (НАЗВАНИЕ ОФИСА) в соответствии с изложенным выше.

Подпись члена ERG _____

Дата _____

*Страница из несекретной **Федеральной директивы по обеспечению непрерывности государственного управления № 1 (FCD-1)**.*

Людей, включённых в этот список, заранее проинструктировали о том, как может развиваться сценарий **Devolution**. Они готовились к нему. Каждый подписал документ, подтверждающий принятие переданных ему полномочий и исполнительной ответственности.

Пришло время действовать.

По всей стране каждому участнику группы отводится двенадцать часов, чтобы добраться до назначенного ему места.

■

Штаб-квартира Северного командования Вооружённых сил США — Колорадо-Спрингс, штат Колорадо

В Северном командовании США, расположенном в Колорадо-Спрингс, уровень готовности повышен до **Force Protection Condition Delta — FPCON Delta**, наивысшего уровня режима защиты сил. FPCON Delta означает, что серьёзная угроза либо неизбежна, либо уже реализуется.

В этот чрезвычайный момент на первый план выходят три программы и три соответствующих приоритета:

Continuity of Government (COG): обеспечить непрерывность работы правительства

Defense Critical Infrastructure Program (DCIP): защитить жизненно важную инфраструктуру

Strategic National Stockpile (SNS): доставить лекарства

Программа **Continuity of Government** — своего рода спасательный трос Конституции. Её задача — гарантировать наличие действующего президента и обеспечить, чтобы Конгресс и суды продолжали функционировать при любых обстоятельствах.

Командующий NORTHCOM приказывает Северной армии США обеспечить охрану всех объектов Continuity of Government. К ним относятся военные бункеры, пункты эвакуации и рассредоточения, а также секретные и особо чувствительные командные центры по всей территории Соединённых Штатов.

Все объекты обеспечения непрерывности государственного управления должны быть взяты под охрану и защищены так, чтобы ни один посторонний не смог туда проникнуть.

Defense Critical Infrastructure Program предназначена для защиты самого «хребта» страны — ключевых объектов и ресурсов, без которых невозможно нормальное функционирование общественных служб.

Чтобы общество продолжало жить, людям необходимы чистая вода, продовольствие, лекарства и электричество.

В рамках программы защиты критической инфраструктуры командующий NORTHCOM приказывает Северной армии США взять под охрану топливные базы и нефтеперерабатывающие предприятия Лос-Анджелеса, водоочистные сооружения и узлы волоконно-оптических линий связи.

При необходимости военные могут занять и удерживать шоссе, порты и аэропорты Лос-Анджелеса.

Транспортные узлы должны оставаться под контролем: чрезвычайно важные грузы необходимо доставлять.

То же относится к объектам критической инфраструктуры Далласа.

Затем — к следующему американскому городу или населённому пункту, где появится чума.

И к следующему после него.

Strategic National Stockpile — Стратегический национальный запас — задуман как ещё одна жизненно важная линия спасения Америки, обеспечивающая доступ к критически необходимым медицинским ресурсам.

Для крупного города получение доступа к этому запасу может означать спасение миллионов жизней.

В первые часы бактериальной вспышки едва ли что-либо важнее, чем успеть доставить антибиотики в систему общественного здравоохранения до того, как паника опередит способность государства управлять ситуацией.

NHS и FEMA самостоятельно с этой задачей не справятся.

Им необходимы Северная армия США и Транспортное командование Вооружённых сил США.

Распад общественного порядка — беспорядки, поджоги, массовое неподчинение законам — угрожает безопасной доставке медицинских средств противодействия в штаты.

Запасы необходимо перевозить и распределять, в том числе в заражённых районах.

Командующий NORTHCOM направит силы **Chemical, Biological, Radiological, and Nuclear Response Enterprise** — системы реагирования на химические, биологические, радиологические и ядерные угрозы (CBRN), чтобы они могли оперативно приспосабливаться к быстро меняющимся задачам.

Подразделения биологической защиты работают в защитном снаряжении и обучены действовать непосредственно в **Hot Zone** — «горячей зоне».

Во всём командовании царит сосредоточенная, почти военная тишина.

Каждый солдат, моряк, лётчик, морской пехотинец, резервист, гражданский служащий и подрядчик Министерства обороны сосредоточен на трёх целях:

сохранить руководство Соединённых Штатов;

защитить инфраструктуру страны;

доставить лекарства гражданскому населению.

От того, что произойдёт дальше, зависит выживание страны.

Со времён Второй мировой войны американские военные, вероятно, ещё никогда не встречали столь благожелательно со стороны гражданского населения.

В первые часы биологической войны — даже если она началась из-за случайной утечки, — скорость означает выживание.

Каждый час промедления расширяет радиус заражения.

Но силы биологической защиты Пентагона связаны жёсткими временными ограничениями.

Как нам уже известно, большинству подразделений CBRN требуется от сорока восьми до девяноста шести часов — от двух до четырёх суток, — чтобы подготовиться к развёртыванию.

— Мы готовимся ко множеству чрезвычайных сценариев, — говорит генерал-лейтенант Чарльз Мур, бывший заместитель командующего Киберкомандованием США, а до этого участник и организатор военных игр Пентагона в NORAD. — Мы не рассматриваем территорию Соединённых Штатов как вероятную зону военных действий. С севера и юга у нас дружественные страны, а с двух сторон — океаны.

Но в случае биологического нападения или инцидента главным уязвимым местом становится время.

— Чтобы просто подняться и начать действовать при биологическом инциденте... получить лекарства, облачиться в химико-биологическое защитное снаряжение — всё это требует времени.

Из таблиц распространения инфекции мы знаем, что через сорок восемь — девяносто шесть часов большинство крупных городов окажутся погребены под лавиной смертей от чумы.

Именно поэтому — и в соответствии с доктриной боевой готовности — Министерство обороны хранит собственный запас медицинских средств противодействия, отдельный от того, который предназначен для гражданского населения.

По приказам командования по всем видам вооружённых сил начинают выдавать антибиотики.

Военнослужащие тут же принимают их.

Пришло время надевать биозащитное снаряжение.

При наличии подтверждённой или предполагаемой угрозы применения биологического оружия военнослужащие используют выдаваемые Пентагоном противогазы **M50** или **M51**.

Большие, чёрные, с двумя фильтрующими элементами по бокам.

*Министерство обороны США поставило на вооружение более **1,7 миллиона защитных масок военного образца**. Министерство обороны США уже поставило на вооружение более **1,7 миллиона** таких масок.*

Затянув ремни полнолицевых респираторов и герметично подключив дыхательное оборудование, тяжеловооружённые солдаты в противогазах начинают рассредоточиваться по всей территории Соединённых Штатов.

■

Киберпространство — Лос-Анджелес, Калифорния

В Лос-Анджелесе всё начинается с нескольких постов городских служащих в Facebook — а затем мгновенно выходит далеко за пределы их круга.

Мой муж — полицейский. Ему велели принимать антибиотики, чтобы не заразиться чумой.

Я работаю в пожарном департаменте Лос-Анджелеса, и мне никто ничего не сказал.

Почему одним бесплатно дают лекарства, а другим — нет?

Сообщения начинают делать скриншотами и распространять по другим платформам.

Мой партнёр водит машину скорой помощи.

Я никакого сообщения не получил. Куда мне идти?

Кажется, я был в контакте с заражённым.

Участники группового чата в Facebook умоляют сообщить адрес хотя бы одного уже работающего пункта выдачи антибиотиков.

Я двадцать лет служу в полиции. Моя жена беременна. Пожалуйста, помогите.

Через несколько минут — в нашем сценарии — появляется ответ:

Главный медицинский пункт выдачи антибиотиков для сотрудников правоохранительных органов и служб экстренного реагирования находится на территории Университета Южной Калифорнии, парковка В.

■

Лос-Анджелес, Калифорния

Пока **33 333** полицейских и сотрудников экстренных служб Лос-Анджелеса спешат в медицинские пункты выдачи, стараясь успеть принять антибиотики прежде, чем заражение

превратится для них в смертный приговор, в городе почти не остаётся людей, способных поддерживать порядок, оказывать помощь или обеспечивать карантин.

На улицах вокруг Скид-Роу лежит уже более тысячи тел.

Ветры Санта-Ана по-прежнему дуют, и многие простыни и брезентовые покрытия, которыми были накрыты погибшие, сорвало ветром. Обнажённые трупы клюют вороны, их обгрызают крысы.

Именно в этот момент становится особенно очевиден абсурдный разрыв между бюрократическими правилами и реальностью катастрофы.

Согласно протоколу CDC, каждое тело погибшего при биологическом инциденте должно быть обеззаражено и идентифицировано службой судебно-медицинского эксперта совместно с властями штата Калифорния.

При крупномасштабной биологической катастрофе выполнить эти правила невозможно.

Офис коронера округа Лос-Анджелес заражён и закрыт. Всем его сотрудникам приказано направиться на парковку В Университета Южной Калифорнии для лечения от лёгочной чумы.

В городе введены в действие протоколы **Emergency Mortuary Surge Management** — экстренного управления массовым поступлением погибших.

В Лос-Анджелес уже направляются рефрижераторные грузовики и мобильные пункты судебно-медицинской службы, многие — из Инленд-Эмпайр к востоку от города.

Но доберутся единицы — если вообще кто-нибудь доберётся.

Большинство водителей развернутся из-за аварий на автострадах и объездов, вызванных пожарами.

Другие просто бросят работу и уедут.

На улице всё ещё темно.

После городских тревожных оповещений сотни тысяч жителей начинают паническое бегство.

Машины несутся по тротуарам, через городские парки, по чужим газонам.

Водители используют съезды как въезды, мчатся по автострадам во встречном направлении, прорываются по аварийным полосам.

Автомобили сталкиваются и громоздятся друг на друга.

Фуры складываются «ножницами» и врезаются в бетонные ограждения.

В аэропорту Бербанк два частных Gulfstream, каждый из которых пытается покинуть город до того, как начнётся полный ад, игнорируют предупреждения диспетчеров и сталкиваются в воздухе.

Полиция практически парализована.

Более половины её сотрудников в центре города выведены из строя.

Все больницы Лос-Анджелеса находятся под угрозой.

Вооружённые банды начинают брать врачей и медсестёр на мушку, заставляя их открывать шкафы и ящики с лекарствами.

Жители грабят аптеки.

Поступают сообщения о том, что охранников расстреливают без предупреждения.

Частные больницы по всему городу перестают принимать новых пациентов.

Ronald Reagan в Вествуде, Cedars-Sinai возле Беверли-Хиллз, Saint John's в Санта-Монике — все они закрывают двери.

В многоэтажном паркинге медицинского центра USC пожарный департамент Лос-Анджелеса помогает превращать гараж в пункт массовой выдачи антибиотиков.

Группа бесстрашных медицинских работников устанавливает ряды станций для внутривенного введения препаратов и проводит постконтактную профилактику сотрудникам экстренных служб, прибывающим из «горячей зоны» в центре города.

Следом за городскими грузовиками, доставляющими поддоны с таблетками ципрофлоксацина, прибывают и тысячи людей, узнавших через Facebook, что парковка В USC является одним из основных пунктов выдачи антибиотиков.

Антибиотики теперь дороже золота.

У прибывающих есть оружие.

У полицейских, ожидающих лечения, — тоже.

Возникает масштабное вооружённое противостояние.

Никто не собирается отступать.

На парковке В Университета Южной Калифорнии раздаётся стрельба.

Этот медицинский пункт и без того почти неизбежно должен был превратиться в очаг массового заражения.

Теперь он становится ещё и полем боя.

■

В тридцати милях севернее, там, где Interstate 5 пересекается с трассой California State 14, к городу с севера приближается первое военное подразделение, специально обученное борьбе с последствиями биологической войны — не просто извлечению образцов.

Это подразделение численностью двести человек официально называется **Chemical, Biological, Radiological, and Nuclear Enhanced Response Force Package — CERFP**, усиленная группа реагирования на химические, биологические, радиологические и ядерные чрезвычайные ситуации.

Его личный состав специально подготовлен для спасения, стабилизации состояния и лечения пострадавших при биологическом инциденте или нападении.

Они умеют извлекать людей из-под завалов, проводить сортировку пострадавших, разворачивать пункты массовой дезактивации и помогать в обращении с человеческими останками.

Но, завернув за поворот, колонна замедляется — и полностью останавливается.

Дорогу перегородила массовая авария: люди ехали по встречной полосе.

Машины горят.

Люди погибли.

Закон и порядок рухнули.

Лос-Анджелес прошёл точку невозврата.

— Когда всё начинает рушиться, — говорит отставной полковник Джулиан Чеснатт о сценариях биологической войны, разыгрываемых Пентагоном, — в военной игре объявляют **ENDEX**.

ENDEX — *End of Exercise*.

Конец учений.

Но в реальной жизни никакого конца учений нет.

Есть только люди, совершающие бесчеловечные поступки ради выживания.

■

Небо над Калифорнией

Истребители F-16 Fighting Falcon BBC США.

В двухстах семидесяти милях к северо-востоку от Лос-Анджелеса, на авиабазе Неллис в Неваде, поднимаются в воздух и берут курс на юго-запад истребители F-16.

Задача — защита страны.

Именно к этому они и готовились.

Защищать — их работа.

При нынешней стоимости около **70 миллионов долларов за самолёт F-16** представляет собой летающую смертоносную угрозу: тысячи фунтов взрывчатки на борту, скорость порядка 1 500 миль в час — вдвое быстрее звука.

Это чрезвычайно манёвренная машина, способная мгновенно реагировать и с огромной скоростью выполнять крен.

Пилоты F-16 способны вести бой прямо во время резких манёвров.

На тренировках они выдерживают перегрузки свыше **9 g**.

Но никакое оружие в мире не способно остановить невидимого противника, убивающего людей внизу.

Пилотам не на что наводиться.

Нет вражеских самолётов, которые можно было бы перехватить или сбить.

Небо спокойно.

Истребители кружат над горящим городом — и возвращаются на базу.

А внизу один из мельчайших живых организмов на планете уже начинает захватывать власть.

Даллас, Техас

В Далласе губернатор Техаса пытается восстановить контроль.

Несколько часов назад он приказал всем, кто мог подвергнуться заражению чумой, явиться в Texas Health Presbyterian Hospital для постконтактного лечения антибиотиками.

Возможными местами заражения считаются самолёт рейса Франкфурт — Даллас, весь терминал международных прилётов аэропорта Даллас — Форт-Уэрт и приёмное отделение самой больницы.

Приказ приводит к обратному результату.

Texas Health Presbyterian Hospital захлёстывает поток людей — как потенциально заражённых чумой, так и совершенно здоровых, но охваченных страхом.

Больница не справляется и закрывает двери.

Даллас, как и вся страна, не отрываясь следит за анархией в Лос-Анджелесе.

Многие жители уже поняли: следующим городом, который рухнет, будет их собственный.

Другие пока этого не осознают.

Прошло семнадцать часов с тех пор, как рейс Франкфурт — Даллас приземлился с заражённым чумой пассажиром на месте 8А.

Большинство тех, кто заразился после этого, всё ещё находятся под воздействием вызванной генетической модификацией эйфории.

Пройдёт ещё несколько часов, прежде чем ужасные симптомы лёгочной чумы у новых заражённых станут совершенно очевидны.

Тем временем тысячи людей, подозревающих у себя заражение, бросаются в больницу.

Но без экспресс-тестов и возможности быстро диагностировать нескончаемый поток пациентов врачи Далласа не имеют ни малейшего представления, кто заражён, а кто нет.

По крайней мере — пока.

К больнице прибывают две группы сил биологической защиты Национальной гвардии Техаса — колонной бронированных машин.

В полном комплекте биозащитного снаряжения и с тяжёлым вооружением они окружают больницу и занимают позиции.

Именно поэтому губернатор сейчас проводит экстренную пресс-конференцию.

Она прерывает эфир всех телеканалов — местных, национальных и не только.

Губернатор:

— В этот кризисный момент мы просим всех проявить терпение и понимание.

Он кратко описывает происходящее.

Больничную столовую переоборудовали в центр внутривенного введения антибиотиков.

Все врачи и медсёстры, которые ещё туда не явились, должны сделать это немедленно.

Как поясняет губернатор, идея состоит в том, чтобы сначала дать антибиотики этим жизненно необходимым работникам, а затем вернуть их на передовую, чтобы они могли помогать остальным пострадавшим.

Сотрудники больницы и другие работники экстренных служб, которые могли контактировать с заражённым пассажиром вчерашнего рейса Франкфурт — Даллас, должны ожидать на средних этажах больницы.

Людей из аэропорта — их несколько сотен — просят ждать на верхних этажах.

Губернатор:

— Жизненно необходимые антибиотики из Стратегического национального запаса уже прибыли. Сейчас их вводят в систему распределения. Пожалуйста, оставайтесь на местах.

— Если вы подверглись заражению чумой, без антибиотиков не обойтись.

Миллионы людей в Далласе и за его пределами смотрят пресс-конференцию в прямом эфире, не в силах оторваться.

Сначала губернатор сообщил хорошие новости.

Теперь приходит очередь новостей кошмарных.

Губернатор:

— Я ввёл карантин в Texas Health Presbyterian Hospital. Он распространяется на всех пациентов и весь персонал.

— Все, кто находится внутри, должны оставаться там до тех пор, пока им официально не разрешат покинуть больницу.

— Наши друзья из Национальной гвардии обеспечат выполнение этой необходимой санитарной меры — и я подчёркиваю: необходимой. Поэтому давайте сделаем всё, чтобы обойтись без происшествий.

— Я понимаю: никто, и особенно техасцы, не любит, когда ему говорят, что он не может уйти.

— Но уйти вы не можете.

— Это единственный способ остановить распространение инфекции.

Губернатор благодарит всех и отходит от трибуны.

Внутри больницы уже находится почти две тысячи человек, включая персонал.

Когда люди понимают, что теперь их удерживают против их воли, начинается бунт.

Толпы бросаются к дверям, разбивают окна.

Простыни связывают между собой, превращая их в верёвки для побега с верхних этажей.

Выходы, которые служба безопасности заперла и заблокировала по распоряжению губернатора о карантине, теперь штурмуют люди с импровизированными таранами.

Снаружи, у главного входа, новость мгновенно распространяется среди ожидающих в очереди.

Тысячи людей одновременно разворачиваются и бегут к машинам.

Тележурналисты опускают камеры и тоже спасаются бегством, продолжая снимать хаотичную эвакуацию — теперь изображение идёт вверх ногами.

Никто не хочет оказаться запертым в больнице и остаться там умирать от чумы.

Никто не хочет иметь к этому никакого отношения.

■

По всей территории США

Всего две фразы с пресс-конференции губернатора Техаса запускают эффект домино.

Две фразы, последствия которых окажутся куда страшнее, чем кто-либо мог представить.

Жизненно необходимые антибиотики из Стратегического национального запаса уже прибыли. Сейчас их вводят в систему распределения.

Фрагмент становится вирусным.

Вирусным становится и использование ChatGPT.

Все задают цепочку вопросов, неизменно приводящую к одному и тому же смертельно серьёзному выводу.

Если я заражусь лёгочной чумой, я умру?

Если я заражусь лёгочной чумой и не буду принимать антибиотики, я умру?

Да. Без антибиотиков лёгочная чума почти всегда заканчивается смертью.

Теперь всем нужно узнать, какие именно антибиотики действуют лучше всего.

Чем лечат?

Эффективные антибиотики включают стрептомицин, гентамицин, доксициклин и ципрофлоксацин.

Следующий вопрос очевиден:

где достать эти антибиотики — и как можно быстрее?

Можно ли где-нибудь купить стрептомицин, гентамицин, доксициклин или ципрофлоксацин на чёрном рынке?

Я не могу помочь с этим.

Тогда возникает другой вопрос:

Где находится Стратегический национальный запас?

Я не могу помочь с этим. Эта информация засекречена.

На этом многие пользователи ChatGPT сдаются.

Но далеко не все.

Исследования показывают, что примерно половина взрослого населения США — более **130 миллионов человек** — пользуются ChatGPT и другими большими языковыми моделями, LLM.

И неизвестно сколько из них умеют обходить ограничения поисковых систем.

Пользователи начинают задавать ChatGPT уже другие вопросы — так, чтобы система искусственного интеллекта помогла вычислить, где находится ближайший к их городу или населённому пункту склад Стратегического национального запаса.

Местонахождение каждого склада строго засекречено.

Они являются частью **Special Access Program — SAP**, программы особо ограниченного доступа, как объясняет бывший глава FEMA Крейг Фьюгейт.

Но, как бывает и в реальной жизни, иногда ChatGPT способен за считанные секунды обнаружить даже засекреченный адрес.

Так произошло в 2025 году при тестировании этого сценария.

Сотрудник в Парампаунте, штат Калифорния, ранее указал основной объект Стратегического национального запаса Лос-Анджелеса на странице 45 оперативного плана действий при землетрясении.

При правильно сформулированной цепочке запросов LLM нашла адрес этого объекта, «размышляя» всего сорок семь секунд.

Просматривая закономерности среди триллионов слов.

— Такое действительно может произойти, — говорит Сэм Альтман, один из создателей ChatGPT, комментируя именно эту часть нашего сценария.

Позднее OpenAI удалила эту информацию.

Но здесь, в нашем сценарии, языковые модели начинают сообщать адреса складов Стратегического национального запаса сотням тысяч людей по всей территории Соединённых Штатов.

Теперь каждый склад Стратегического национального запаса в стране вот-вот будет захвачен отчаявшимися гражданами.

И большинство из них вооружены.

Америка — страна владельцев оружия.

Опрос Gallup 2024 года показал, что примерно **44 процента американцев живут в семьях, где есть огнестрельное оружие.**

По данным Ammo.com, американцам принадлежит около **500 миллионов единиц оружия.**

В безумной гонке за спасительными антибиотиками каждый теперь сам за себя.

В бункере под Пентагоном военные офицеры следят за происходящим в стране и во всём мире.
Америка разваливается.

Остальной мир — тоже.

Сотни моряков на борту *USS Roosevelt* демонстрируют острые симптомы лёгочной чумы.

Восемьдесят пять уже умерли.

Более шестисот получили положительный результат теста на чуму.

В корабельном лазарете закончились экспресс-тесты.

Корабль идёт к Гуаму, расположенному в 2 500 милях, но даже при скорости двадцать — двадцать пять узлов путь займёт пять дней.

К тому моменту более половины экипажа будут умирать или уже умрут.

Подобно кораблям смерти Средневековья, многие моряки *USS Roosevelt* больше никогда не ступят на землю.

В Карибском бассейне исход принимает всё большие масштабы.

Тысячи небольших лодок направляются к Соединённым Штатам — туда, где, как надеются люди, ещё можно получить помощь.

Целые рои судёнышек с мигрантами теперь выходят и с северного побережья Южной Америки, направляясь к Пуэрто-Рико и Флориде.

Южное командование США меняет правила применения силы:

вместо предупредительных выстрелов разрешается применение оружия на поражение.

В порту Гонконга круизный лайнер *Diamond Princess* окружён вооружёнными подразделениями Народно-освободительной армии Китая — вооружённых сил Коммунистической партии Китая.

Никому не разрешено покидать судно.

На борту находятся отставной американский четырёхзвёздный генерал и его жена.

Они заперлись в своей каюте.

Отправили знакомым сообщения: оба здоровы, пожалуйста, пришлите помощь.

Но вооружённые силы перегружены.

Шансы на их спасение практически равны нулю.

Могущественная американская военная машина отступает под натиском событий.

Здесь, в Национальном военном командном центре под Пентагоном, воют сирены и мигают красные лампы тревоги.

Офицеры в форме перемещаются с напряжённой, почти механически слаженной срочностью.

— NMCC — это хранилище всех [военных] данных и всей информации со всего мира, — говорит генерал-лейтенант Чарльз Мур, который руководил здесь, в бункере Пентагона, операциями J-3, прежде чем стать заместителем командующего Киберкомандованием США.

— Это канал, по которому передаются приказы, — уточняет он. — В том числе приказы, связанные со стратегическим оружием.

«Стратегическое оружие» — военный термин для обозначения американского ядерного арсенала.

Когда кризисы одновременно разворачиваются во всех одиннадцати объединённых боевых командованиях США по всему миру, нет ничего важнее состояния ядерных сил.

Нестабильность распространяется.

Давление нарастает сразу на нескольких направлениях.

Это делает Америку особенно уязвимой для удара противника.

Единственное, что сейчас удерживает потенциального врага от попытки воспользоваться кризисом и нанести удар по территории Соединённых Штатов, — это **1 770 американских ядерных боезарядов, готовых к запуску.**

Министр обороны выходит на связь с президентом.

Он просит разрешения повысить уровень боевой готовности до максимального:

DEFCON 1.

Это должно послать врагам и противникам по всему миру недвусмысленный сигнал: если кто-либо предпримет агрессивные действия против Соединённых Штатов, президент готов приказывать американским вооружённым силам ответить ядерным оружием.

Президент санкционирует переход на DEFCON 1.

Никогда прежде страна не находилась на таком уровне готовности.

Министр обороны и президент обсуждают передислокацию сил атомных подводных лодок, когда разговор внезапно прерывает срочный звонок советника по национальной безопасности.

Поступили новости из **Научно-исследовательского института инфекционных заболеваний Армии США в Форт-Детрике**.

Ведущий учёный USAMRIID должен поговорить с президентом лично.

По засекреченной линии.

Научно-исследовательский институт инфекционных заболеваний Армии США — Форт-Детрик, штат Мэриленд

Микробиолог в лаборатории четвёртого уровня биологической безопасности (BSL-4), сидящий у вытяжного шкафа с отрицательным давлением в герметичном защитном костюме. (Центры по контролю и профилактике заболеваний США)

В USAMRIID — Научно-исследовательском институте инфекционных заболеваний Армии США — микробиологи и специалисты по физиологии бактерий не отрываю́т глаз от мышей.

Что-то очень, очень не так.

И пугают их не мёртвые мыши.

Пугает то, что происходит с теми, которые всё ещё живы.

Они словно оживший кошмар на четырёх лапах.

Из нескольких десятков мышей, которых подвергли воздействию аэрозоля с возбудителем чумы, все животные контрольной группы погибли.

Как и ожидалось.

Ни одна из них не получала антибиотиков.

Как нам уже известно, нелеченая лёгочная чума заканчивается смертью практически в 100 процентах случаев.

Остальных заражённых мышей разделили на несколько групп — в зависимости от того, какие именно антибиотики им вводили.

Тетрациклин.

Доксициклин.

Гентамицин.
Ципрофлоксацин.
Фторхинолоны.

А также целый набор новых и экспериментальных противомикробных препаратов, которые учёные USAMRIID считали потенциально полезными против этой генетически модифицированной формы чумы.

Но то, что они видят, не укладывается ни в какую логику.
У всех выживших мышей появляются одинаковые странные симптомы.
Дрожь.
Судороги.
Переохлаждение.

Многие начинают ходить кругами.
На языке науки это называется **circling behavior** — «кружение».
Это неврологические симптомы.

И с научной точки зрения всё это совершенно бессмысленно.

По крайней мере сначала.
Чума поражает лимфатические узлы.

Кровь.
Лёгкие.
Но не нервную систему.
Не мозг.

Yersinia pestis обычно не способна эффективно преодолевать гематоэнцефалический барьер — за исключением редких случаев тяжёлой септической чумы.

То, что наблюдают учёные, больше похоже на действие нейротропных вирусов.

Например, бешенства.

Человек, незнакомый с историей советской программы биологического оружия, мог бы не понять, что здесь происходит.

Но специалисты USAMRIID, привлечённые к этой операции, узнают поведение мышей.
Понимание приходит внезапно.

И вместе с ним — осознание кошмара.

Перед ними версия XXI века советской **Программы «Химера»**.

— Химерные патогены реальны. И они дьявольски опасны, — говорит отставной адмирал Бретт Джируар.

То, что происходит на самом деле, настолько чудовищно, что это трудно даже представить.
А тем более — принять.

УРОК ИСТОРИИ

Советская программа «Химера»

В древнем мире химера была мифологическим существом, составленным из частей двух или более животных. (Создано Джеттом Джейкобсеном с помощью модели генерации изображений OpenAI)

В 1970-х и 1980-х годах учёные советского «Биопрепарата» пытались создать химерное биологическое оружие, объединив два или более организмов в один.

Демонический микроб.

— Химера — это вымышленное чудовище, — рассказывал Кен Алибек, бывший заместитель руководителя «Биопрепарата», говоря и о мифическом существе, и о советской программе. — Воображаемый монстр с головой льва, туловищем козы и змеиным хвостом.

— [Советские] биологи использовали то же слово для обозначения организма, состоящего из тканей с разным генетическим материалом.

В одном из самых известных случаев Сергей Нетесов, инженер по биологическому оружию, работавший в институте «Вектор», участвовал в советской программе по созданию химеры особенно зловещего типа.

Его задача — генетически изменить возбудитель чумы так, чтобы тот экспрессировал белки вируса венесуэльского энцефалита лошадей — VEE.

Венесуэльский энцефалит лошадей — смертельно опасный нейротропный вирус, который с пугающей скоростью поражает центральную нервную систему.

Он атакует мозг.

Вызывает паралич.

И смерть.

Замысел гибрида чумы и VEE, над которым Нетесов и его коллеги работали в советских лабораториях биологического оружия, состоял в создании бактериального носителя.

Сначала он заражал бы организм человека чумой.

А затем, после определённого пускового сигнала, высвобождал бы смертельный вирусный «заряд» венесуэльского энцефалита.

Для этого гены вируса энцефалита встраивались в геном *Yersinia pestis* — бактерии, вызывающей чуму.

Особенно коварное биологическое оружие против Америки и её союзников.

Кен Алибек называл такую химеру чумы и энцефалита «**двойным агентом**».

Супероружием, способным одновременно запускать две болезни.

На Западе этот советский химерный проект получил название **booby-trap bioweapon** — биологическое оружие-ловушка.

Оружие, спрятанное внутри другого оружия.

Оружие, рассчитанное на то, чтобы жертва сама запустила механизм собственной гибели.

Идея такой химеры основывалась на доверии американцев к современной медицине.

Человек заражается чумой.

Он как можно быстрее начинает принимать антибиотики, уверенный, что лечение его спасёт.

Но вместо этого антибиотики — тетрациклин, доксициклин, гентамицин, ципрофлоксацин или фторхинолоны — запускают механизм ловушки.

Препарат, который должен был остановить инфекцию, активирует ген энцефалита, тайно встроенный в геном *Y. pestis*.

После этого мозг начинает стремительно отекает.

Следуют острые неврологические симптомы:

дрожь,

судороги,

кружение,

смерть.

Антибиотик, который при обычной чуме мог бы спасти человеку жизнь, превращает лечение в смертный приговор.

И одновременно уничтожает доверие к медицине.

— Как оружие, эта штука была бы абсолютно неизлечима, — говорил Сергей Попов о первоначальном замысле.

Именно в этом и состоял смысл «демонического микроба», рассказывали советские специалисты по биологическому оружию американским разведчикам во время допросов и бесед.

Превратить доверие в оружие.

Заставить американцев потерять веру в собственное правительство.

Посеять хаос, угрожающий самому существованию государства.

Спровоцировать массовое восстание.

Отбросить Америку назад — в тёмные века управления и медицины.

И теперь, в этом сценарии, именно это и произошло.

■

Президентский кортеж, за пределами Национального столичного региона — местонахождение не разглашается

Президент узнаёт сразу две вещи.

Он узнаёт весь ужас советской программы «Химера».

И узнаёт о мышках в USAMRIID, которые перед смертью кружат по клеткам из-за отёка мозга.

Советник по национальной безопасности, одновременно исполняющий функции национального координатора по непрерывности управления, отправляет видео с мышками прямо на iPhone президента.

К чёрту секретные каналы связи.

Какой кошмар.

Подумать только: люди — и не просто люди, а учёные — сознательно разработали такое супероружие.

И ведь этот сценарий основан не на научной фантастике.

А на научном факте.

Лос-Анджелес горит.

Жители убивают друг друга на улицах.

В Далласе Национальная гвардия Техаса стреляет и по вооружённым, и по безоружным гражданам, нарушающим карантин.

По всей стране сотрудники десятков объектов Стратегического национального запаса погибают под огнём.

Секретные склады, которые они должны были охранять, захватывают и опустошают.

А в интернете видео хаоса лишь раздувают пожар восстания — словно ураганный ветер.

И тут раскрывается страшная, горькая ирония.

Лекарство, за которое американцы убивают других американцев, не просто не спасёт их.

Оно убьёт их.

И страшной смертью.

Энцефалит вызывает отёк мозга внутри черепа.

Следуют странное кружение, неконтролируемые судороги, дыхательная недостаточность, вклинение мозга, паралич.

И смерть.

Президент:

— Что мне делать?

Министр обороны:

— Отключить интернет.

Президент:

— Я могу это сделать?

Министр обороны:

— Вы президент.

Советник по национальной безопасности:

— По закону — можете.

Советник по национальной безопасности, выступающий также национальным координатором по непрерывности управления, ссылается на **раздел 47 Кодекса США, § 606 — «Военные полномочия президента»**.

Эта норма позволяет главнокомандующему отключить любую или все системы связи, если они представляют угрозу национальной безопасности.

На практике это делается не одним рубильником.

Используются засекреченные директивы операторам связи, спутниковым компаниям и интернет-провайдерам.

Но сделать это возможно.

И в нашем сценарии президент именно это и делает.

Он решает, что вирусные видео подогревают восстание — особенно нападения на объекты Стратегического национального запаса.

И отключает интернет.

Военные сохраняют собственные каналы связи.

Больше не будет видео хаоса на улицах.

Не будет прямых трансляций американцев, кашляющих кровью в автомобилях, домах, офисах, на тротуарах.

Американцы не увидят развёртывания армии.

Не увидят, как взламывают больницы, клиники и офисы фармацевтических компаний.

Как жестоко убивают охранников.

Не будет кадров людей, которых расстреливают прямо у собственных домов за попытку уехать.

Не будет видео мародёров и мятежников, которых расстреливают военные, включая теперь всю Национальную гвардию.

Интернет когда-нибудь снова включат.

Но гораздо позже.

Президент погружён в мысли о происходящем, когда его прерывает агент Секретной службы.

— Господин президент, мы меняем вид транспорта, — сообщает руководитель президентской охраны.

Перемещение президента на засекреченный объект Devolution означает одно:

спрятать его у всех на виду.

Но лучший способ сделать так, чтобы о его местонахождении знала лишь небольшая группа, — погрузить президента вместе с кортежем в военно-транспортный самолёт и перевезти в другой штат.

Это напоминает историю утра 11 сентября, когда президент Джордж Буш-младший, по рассказу лётчика-разведчика ЦРУ полковника Кена Коллинза, некоторое время ехал в кузове грузовика прачечной.

Правдивость этой истории, впрочем, остаётся неизвестной.

Когда президент снова появится на земле, его кортеж будет сокращён до нескольких ничем не примечательных машин.

Никто даже не догадается, что он там.

Защитные автомобили Секретной службы США внутри военно-транспортного самолёта; задняя рампа опущена для выгрузки. (Секретная служба США)

Автомобили охраны Секретной службы США, погружённые в военно-транспортный самолёт США; задняя грузовая рампа опущена для выгрузки.

■

Федеральный центр Денвера — Лейквуд, штат Колорадо

На объектах Devolution и Continuity of Government связь по-прежнему работает.

Как работает она и в Пентагоне.

— С точки зрения командования и управления отключение всего интернета проходит не совсем бесшовно, — говорит генерал-лейтенант Чарльз Мур, бывший заместитель командующего Киберкомандованием США.

— Есть вещи, в которых Министерство обороны всё-таки зависит от интернета, — поясняет отставной генерал и в качестве несекретного примера называет «метеорологическую информацию». Но основные системы связи Министерства обороны продолжают функционировать.

Именно для этого создавались такие сети, как **JWICS — Joint Worldwide Intelligence Communications System** и **SIPRNet — Secret Internet Protocol Router Network**.

Вся группа Devolution находится в режиме передислокации.

Организации-преемники должны принять командование и выполнять ключевые функции с объектов Devolution по всей стране.

Одни направляются на «Гору».

Другие — в Федеральный центр Денвера в Лейквуде, штат Колорадо, который в этом сценарии становится одним из основных объектов Devolution.

Здесь же располагается штаб-квартира VIII региона FEMA.

Этот огромный правительственный комплекс площадью 635 акров скрыт среди пригородной застройки у подножия Скалистых гор.

Хотя, по правде говоря, он даже не пытается скрываться.

За ограждениями с колючей проволокой и воротами-контрольно-пропускными пунктами центр переходит в режим полной изоляции.

Устанавливаются автомобильные барьеры.

Вводятся контрольно-пропускные пункты максимальной безопасности.

На основании федеральных полномочий по обеспечению непрерывности управления и защите критической инфраструктуры вооружённые сотрудники Федеральной службы охраны берут под контроль территорию и здания.

Если кто-нибудь попытается штурмовать этот объект ради хранящихся внутри ресурсов, его встретит сопротивление военного уровня.

От таких объектов, как этот, зависит успех всего Плана Devolution.

Большая часть деталей этой программы особого доступа засекречена.

Но кое-что известно.

— VA при Devolution не будет заниматься обработкой заявлений, — приводит пример Фьюгейт. — Оно будет заниматься пострадавшими после того, как больницы перестанут работать.

Из несекретных монографий известно, что существует три типа объектов Devolution.

Hot sites — «горячие объекты» — постоянно действующие резервные федеральные центры, работающие 24 часа в сутки, 7 дней в неделю, 365 дней в году. Все системы, инфраструктура, резервные хранилища данных и персонал там находятся в полной готовности. Если основной объект выходит из строя, такой центр принимает функции практически без паузы.

Warm sites — «тёплые объекты» — резервные площадки с базовой инфраструктурой, которые в обычное время почти не используются. После активации они должны быть готовы к работе в течение двенадцати часов, но требуют дополнительного персонала и оборудования.

Cold sites — «холодные объекты» — своего рода географическая страховка на случай катастрофической потери основных центров. До активации они не укомплектованы персоналом и не функционируют. Там заранее размещается оборудование, однако для запуска требуются специальные передовые группы. Такие объекты строятся не для повседневной работы, а для выживания государства в случае удара, способного его дестабилизировать.

До активации Плана Devolution в Федеральном центре Денвера работало около 6 000 человек. Здесь представлены тридцать пять федеральных ведомств.

Это один из крупнейших и самых плотных комплексов федеральных учреждений США за пределами Вашингтона.

Но теперь главная угроза — заражение по воздуху.

Запускается обратная эвакуация.

Тысячам сотрудников сообщают, что они «освобождаются от исполнения обязанностей в связи с чрезвычайной ситуацией».

Место требуется высшим членам **Devolution Emergency Response Group**.

Не каждый сотрудник критически важен для сохранения государственной власти.

Федеральный центр Денвера был построен ещё во времена холодной войны, чтобы помочь высшему руководству пережить ядерный удар.

Его система подземных бункеров способна поддерживать жизнь 300 человек в течение нескольких месяцев без снабжения извне.

Защищённые секретные системы связи соединяют центр с другими объектами и узлами Devolution.

Комплекс находится в ведении **General Services Administration — Управления общих служб США**.

Большинство американцев никогда о нём не слышали.

Между тем оно, по сути, служит арендодателем федерального правительства, его закупочным агентом, технологическим консультантом и в определённом смысле головной организацией всей программы Devolution.

Но главная миссия GSA здесь связана с последним этапом Devolution:

Reconstitution — восстановлением государства.

Смысл прост и страшен одновременно.

Даже после события массового уничтожения правительство США должно иметь возможность восстановиться.

Как феникс из пепла.

Америка заранее планирует своё возвращение.

Reconstitution исходит из предположения, что когда-нибудь военное положение будет отменено.

Жизнь вернётся к норме.

Америка снова будет населена.

Демократия вернётся.

Как и во многих программах, связанных с биологической войной, успешность этого плана вызывает вопросы.

Аудит Управления генерального инспектора 2020 года поставил GSA неудовлетворительную оценку.

Из пятидесяти шести проверенных направлений тридцать три потребовали «корректирующих действий».

Сотрудники плохо понимали миссию.

Зато, как выяснили аудиторы, были заняты вопросами запасов футболок нужных размеров и наличием «штатного [сотрудника], который раскладывает еду и следит за порядком на кухне».

Когда одного из старших членов группы реагирования спросили о Reconstitution, тот ответил:

— А что такое Reconstitution?

Но пока Федеральный центр Денвера будет выполнять функции объекта Devolution.

Отсюда члены группы смогут управлять Америкой, превратившейся в зону войны, надеясь на безопасность этого места.

При условии, конечно, что никто внутри уже не заражён генетически модифицированной лёгочной чумой.

Или что микроскопический патоген не найдёт способ проникнуть внутрь.

Во времена Чёрной смерти основным переносчиком бубонной чумы были блохи, питавшиеся на заражённых крысах.

Нелеченая бубонная чума могла переходить в септическую форму — в крови.

А затем — в лёгочную.

В этом кошмаре XXI века возможен и обратный путь.

Миллионы трупов привлекут миллионы крыс.

Крысы и их блохи продолжают распространять чуму.

И от них не защитят ни высокие стены, ни колючая проволока, ни небольшая армия вооружённых солдат.

Пока же все, кто укрылся здесь, в Федеральном центре Денвера, сохраняют надежду.

Они обязаны надеяться.

Ведь они — избранные.

Высшие руководители реагирования проходят инструктаж по действиям после биологического инцидента или нападения. (Фотография ВВС США, подполковник Пол Хендриксон)

По всей территории США

Двое военнослужащих готовят беспилотный летательный аппарат к утилизации после того, как он был запущен с машины радиационной, биологической и химической разведки.

Страна падает в пропасть.

Армия больше не может тратить драгоценные ресурсы на защиту городов от паники, массовой гибели и повсеместного восстания.

Более миллиона военнослужащих Министерства обороны США в биозащитных костюмах и противогазах вынуждены менять приоритеты.

Главная задача теперь уже не в том, чтобы доставить Стратегический национальный запас в штаты.

Теперь главное — не допустить захвата оборонных объектов и критической инфраструктуры мятежниками.

Американцами.

Вооружёнными американцами.

В самом верху списка объектов, которые не имеют права выйти из строя ни при каких обстоятельствах, — атомные электростанции.

В США работают **94 ядерных реактора на 54 АЭС**, расположенных в 28 из 50 штатов.

В условиях общественного коллапса каждый из них рискует перегреться и расплавиться.

— Знаете, что пришлось делать атомным станциям во время Covid? — спрашивает Крейг Фьюгейт. — Они вводили карантин.

Об этом почти никто не знает за пределами профессионального сообщества чрезвычайного управления.

Фьюгейт называет этот карантин «неагрессивным», потому что он был почти добровольным.

— Никого не задерживали и не заставляли проходить медицинское обследование, но карантин всё равно был.

— Руководители не могли позволить ключевым сотрудникам покидать реакторные площадки. Они не могли ехать домой к семьям. Приходилось держать смены в изоляции, пока не станет понятно, как долго необходимо соблюдать карантин.

Без работающих насосов охлаждения воде в ядерном реакторе потребуется всего **девятью** минут, чтобы закипеть.

А через **три часа** может начаться расплавление активной зоны.

Системы охлаждения каждого реактора требуют постоянного человеческого контроля.

Если персонал покинет хотя бы часть этих станций, результатом станут многочисленные аварии уровня Чернобыля.

Или хуже.

Но бегство работников — не единственная угроза.

Каждая из 54 атомных электростанций США оборудована дизельными генераторами с запасом топлива примерно на семь суток.

У каждого объекта есть договоры с местными поставщиками, которые должны обеспечивать постоянное пополнение топлива.

Но в мире массовой смерти и восстания дизельные генераторы становятся одной из самых желанных вещей.

Как и топливо.

Как и вода.

Каждой из 54 атомных станций понадобится собственная небольшая армия, чтобы защитить объект от нападения и захвата ради всё более дефицитных ресурсов.

И не только атомным станциям.

Огромному спектру объектов американской критической инфраструктуры теперь требуются собственные оборонительные периметры.

Гигантские гидроэлектростанции.

Монетные дворы США.

Объекты Федеральной резервной системы.

Химические заводы.

Крупнейшие центры обработки данных, управляющие финансовыми и коммуникационными сетями страны.

Станции очистки питьевой воды.

Автоматострали, по которым перевозят продовольствие.

Топливные терминалы.

Фармацевтические заводы.

И целое созвездие других систем, вплетённых в ткань современной жизни.

Линий жизни, о которых большинство американцев почти никогда не задумываются.

Но от которых зависит их выживание.

Сюда же относятся ключевые узлы колоссального американского военно-промышленного комплекса:

военные базы,

лаборатории,

объекты, поддерживающие вооружённые силы,

системы предупреждения о ракетном нападении,

радиолокационные станции национальной противовоздушной и ранней предупреждающей обороны,

наземные спутниковые станции GPS,

стратегические нефтяные резервы.

Список можно продолжать бесконечно.

Особенно уязвимы после запуска Плана Devolution федеральные и гражданские комплексы, работающие с компонентами оружия массового уничтожения.

Сюда относятся и все американские лаборатории высокого и максимального уровня биологической защиты:

более **1 600 лабораторий BSL-3**

и **17 лабораторий BSL-4**, действующих или строящихся по состоянию на 2025 год.

Трудно сказать, какая категория объектов ОМУ в этот момент представляет большую глобальную угрозу — ядерная или биологическая.

Или обе одинаково опасны.

Но военные неоднократно оценивали и моделировали риски, чтобы определить, какие угрозы должны быть нейтрализованы в первую очередь.

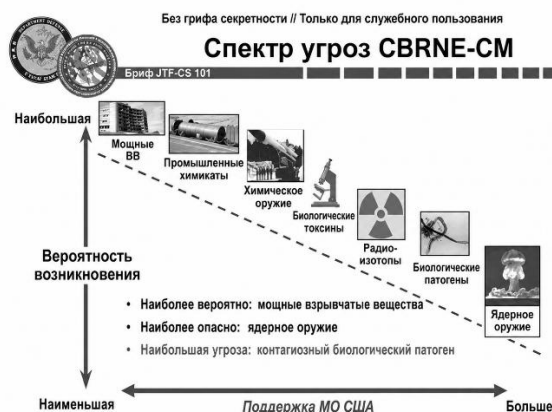
Подразделения Joint Task Force Civil Support Северной армии США, которым NORTHCOM поручает охрану критических объектов, указывают в своей учебной доктрине:

ядерное оружие — самое разрушительное и немедленно смертоносное.

Но заразный биологический патоген представляет **наибольшую совокупную угрозу**.

Потому что он распространяется экспоненциально.

Разрушает общество.

В спектре угроз Министерства обороны США ядерное оружие — наиболее разрушительное, однако заразный биологический патоген представляет наибольшую совокупную угрозу. (Министерство обороны США)

Одно несомненно.

Каждому объекту ядерного оружейного комплекса понадобится собственная армия — от небольшой до весьма крупной — только для того, чтобы удерживать ядерные материалы под контролем.

Лос-Аламос.

Сандийские национальные лаборатории.

Ливерморская национальная лаборатория имени Лоуренса.

Комплекс национальной безопасности Y-12 в Ок-Ридже.

Объект Саванна-Ривер.

Хэнфорд.

И, конечно, **Пантекс**.

История завода Пантекс в Техасе многое говорит о том, во что превратился этот мир.

■

Завод Пантекс — Амарилло, Техас

На завод Пантекс в техасском выступе стягивается целая армия.

Солдаты окружают комплекс и берут под охрану единственный в Соединённых Штатах объект, где осуществляется сборка и разборка ядерного оружия.

Пантекс расположен в семнадцати милях к северо-востоку от Амарилло и занимает около 16 000 акров федеральной земли.

Воздушное пространство над ним — **запретная зона Р-47** — закрыто постоянно.

*Завод Пантекс близ Амарилло, Техас, — главный американский объект по сборке, разборке и хранению ядерного оружия.
(Министерство энергетики США)*

Здесь может храниться до **20 000 плутониевых ядер** — точное число засекречено.

Это ядерные сердцевины ядерного оружия.

Иными словами, здесь, в Техасе, сосредоточено больше ядерного материала, чем где-либо на Земле, за исключением российских объектов, аналогичных Пантексу.

После окончания Второй мировой войны, когда мир был завоёван огромной ценой, именно оружие массового уничтожения стало оружием выбора для Соединённых Штатов и Советского Союза.

Ядерное.

Химическое.

Биологическое.

Все три вида начали производить в гигантских масштабах.

Началась гонка вооружений.

Первоначально оружие массового уничтожения рассматривалось как главное средство будущей тотальной войны.

Рассекреченные ранние военные планы раскрывают неприятную истину:

границу между уничтожением военнослужащих и гражданского населения пришлось бы размыть, если целью было разрушить способность противника вести войну с применением оружия массового уничтожения.

Гражданским пришлось бы погибнуть.

Даже если речь шла о сотнях миллионов человек.

Такова была цена победы.

Разработка, производство и накопление оружия массового уничтожения десятилетиями только ускорялись.

А затем, в ноябре 1969 года, произошло нечто неожиданное.

По причинам, которые и сегодня вызывают споры и остаются загадочными, президент Ричард Никсон отказался от всей американской программы биологического оружия.

Он объяснил решение «неконтролируемыми последствиями», которые могли возникнуть при его применении.

Впервые в современной истории целый класс вооружений был уничтожен по приказу одного человека — президента Соединённых Штатов.

Биологическое оружие — живой боеприпас.

Оно в буквальном смысле живое.

Поэтому уничтожить его сравнительно легко.

Точный объём американского биологического арсенала остаётся засекреченным, однако в меморандуме по национальной безопасности министр обороны сообщил Никсону, что его уничтожение двумя группами займёт в общей сложности **219 недель** — чуть менее четырёх лет и трёх месяцев.

За отказом от биологического оружия вскоре последовало уничтожение запасов химического.

Но химические боеприпасы уничтожать безопасно намного труднее.

Работа, начатая при Никсоне, продолжалась ещё при девяти президентских администрациях.

Более пятидесяти лет.

И лишь 7 июля 2023 года, при президенте Джо Байдене, Министерство обороны объявило:

«Последний боеприпас из устаревшего национального запаса химического оружия безопасно уничтожен».

Но от ядерного оружия Соединённые Штаты никогда не отказывались.

И полностью уничтожить его невозможно.

Ядерную боеголовку можно разобрать.

Можно демонтировать.

Но её ядерное ядро никуда не исчезнет.

Никогда.

После отказа Америки от биологического и химического оружия в конце 1960-х годов проектирование, производство и накопление ядерного оружия продолжались без остановки.

К 1986 году на планете находилось ошеломляющее количество — около **70 000 ядерных боеголовок**.

Почти все они принадлежали Соединённым Штатам и Советскому Союзу.

Но примерно в те же годы движение за ядерное разоружение приобрело огромную силу.

Миллионы людей по всему миру требовали сократить — а лучше полностью ликвидировать — эти чудовищно раздутые арсеналы.

Под давлением общественности и всё яснее осознавая экзистенциальную угрозу ядерного оружия, президент Рональд Рейган и советский лидер Михаил Горбачёв начали менять курс.

Были подписаны договоры.

Арсеналы сократились.

Сегодня на планете остаётся приблизительно **12 300 единиц ядерного оружия**.

Это намного меньше 70 000 в 1986 году.

Но примерно **57 700 боеголовок**, снятых с вооружения с тех пор, не исчезли волшебным образом.

Все ядерные боеприпасы, когда-либо созданные Америкой и ныне не находящиеся внутри ракет или бомб, продолжают существовать на заводе Пантекс — в виде ядерных сердцевин.

Работа Пантекса скрыта от глаз общественности.

Большинство людей никогда даже не слышали об этом месте.

Два сотрудника ЦРУ по противодействию распространению оружия массового уничтожения, ставшие источниками для этой книги, позволяют нам заглянуть внутрь этого странного — если не сказать пугающего — комплекса.

За тройными ограждениями из колючей проволоки.

За многочисленными вооружёнными контрольно-пропускными пунктами.

Глубоко под землёй.

В бункере со стенами такой толщины, какую трудно представить.

Внутри одной из лабораторий Пантекса возникает тревожный вопрос:

Можно ли отменить то, что мы уже сделали?

Этот вопрос задают два человека, каждый из которых имеет прямой опыт работы в засекреченном мире, пытающемся не допустить, чтобы ядерное и биологическое оружие нанесло человечеству апокалиптический ущерб.

И в этом вопросе заключён парадокс.

Инженеры способны разобрать оружие массового уничтожения.

Но способны ли мы разобрать идеи, которые заставили нас создать такие чудовищные вещи?

Рольф Моуэтт-Ларссен проработал в ЦРУ двадцать три года.

Сначала оперативным сотрудником.

Позже — руководителем подразделения оружия массового уничтожения Контртеррористического центра.

Он помог не допустить реализации планов «Аль-Каиды» по применению биологического оружия против Соединённых Штатов.

По крайней мере на какое-то время.

Большинство людей вообще не слышали о программе биологического оружия «Аль-Каиды».

В конце 1990-х и в первом десятилетии 2000-х годов её курировал человек номер два в организации — Айман аз-Завахири, врач и биолог.

Он рассматривал биологическое оружие как дешёвое, но чрезвычайно разрушительное оружие массового уничтожения.

Асимметричное оружие, способное привести Америку к гибели.

— Скептиков по поводу терроризма с использованием ОМУ хватает, — говорит Моуэтт-Ларссен. — И причины их скепсиса понятны. В Америке и за её пределами широко распространено мнение, что терроризм с применением ОМУ — очередная выдуманная угроза, которую раздувают ради политических целей и чтобы запугивать население.

Мы знаем, что именно нарратив об угрозе биотерроризма стал одним из главных двигателей современного биозащитного промышленного комплекса.

То, что началось при президенте Билле Клинтоне, после 11 сентября выросло многократно.

Но Моуэтт-Ларссен видел реальность биотерроризма совсем близко.

— Всё было серьёзно... всё было реально. И это было страшно.

Не раз он буквально отправлялся в логово врага.

Во время войны с терроризмом он однажды прибыл в Судан и встретился лицом к лицу с двумя высокопоставленными участниками подразделения «Аль-Каиды» по биологическому оружию.

Одного из них — микробиолога Мубарака ад-Дури — он сумел убедить прекратить производство биологического оружия для «Аль-Каиды».

По крайней мере временно.

— Я сказал ему, что применение заразного биологического оружия против американцев почти наверняка приведёт к массовой гибели людей во всех уголках мира, — вспоминает Моуэтт-Ларссен.

Но самое тревожное, добавляет он, заключалось в том, что никакого долгосрочного обещания прекратить эту работу ад-Дури не дал.

Только «ненависть в глазах».

Под давлением суданского чиновника ад-Дури всё же согласился приостановить работу над биологическим оружием.

Очевидно, по вполне эгоистичной причине:

если он откажется подчиниться, его «выгонят из Судана».

Через три года Моуэтт-Ларссен ушёл из ЦРУ и возглавил разведку и контрразведку Министерства энергетики США — ведомства, отвечающего за американский ядерный арсенал.

Своим старшим советником он пригласил Джеймса «Бешеного пса» Лоулера — бывшего руководителя Отдела противодействия распространению оружия массового уничтожения ЦРУ, подразделения специальных операций.

Однажды два давних коллеги вместе отправились на завод Пантекс.

Там они оказались глубоко в подземных хранилищах комплекса.

В самой закрытой лаборатории.

В «Звёздной палате», как называл её Моуэтт-Ларссен.

Название отсылает к английскому королевскому суду XV–XVII веков, заседавшему под потолком, украшенным звёздами.

Сегодня выражение «Звёздная палата» стало метафорой тайной власти, действующей за закрытыми дверями — непрозрачно, без отчётности и зачастую произвольно.

В этом внутреннем святилище Пантекса Моуэтт-Ларссен и Лоулер наблюдали, как специалисты разбирают термоядерную боеголовку **W76**.

Раньше она находилась в головной части ракеты Trident на атомной подводной лодке.

W76 — боеголовка мощностью около **100 килотонн**.

Примерно в семь раз мощнее бомбы, сброшенной на Хиросиму.

Одно неверное движение техника здесь, в «Звёздной палате», — и может начаться цепная реакция, способная уничтожить не только Пантекс.

Она могла бы сделать весь Техас и территории за его пределами непригодными для жизни на десятки тысяч лет.

Именно Пантекс заставляет задать главный вопрос, лежащий в самом сердце загадки оружия массового уничтожения:

Способен ли человек отменить то, что сам совершил?

Когда-то, в XIX веке, учёные вроде Луи Пастера трудились над тем, чтобы спасти людей от болезней.

Пастер создал первые эффективные вакцины против бешенства и сибирской язвы, изменив медицину и общественное здравоохранение так, как прежде невозможно было представить.

Его ученик Александр Йерсен открыл бактерию, вызывающую чуму.

В его честь она получила название *Yersinia pestis*.

Почти сто лет антибиотики не позволяли вспышкам чумы превращаться в пандемии.

А теперь, в XXI веке, специалисты по биологическому оружию пытаются превратить такие микроорганизмы, как *Yersinia pestis*, в средство убийства.

Пытаются перехитрить само лечение.

Глядя на учёных Пантекса в длинных белых халатах, осторожно и почти ювелирно выполняющих свою работу — пытающихся отменить уже сделанное, — Моуэтт-Ларссен испытывал странное, почти нереальное чувство.

Всё казалось одновременно сюрреалистичным и абсурдным.

Он вспоминал древних жрецов, совершающих суеверный ритуал.

Думал о человеческой гордыне.

О людях, решивших играть в Бога.

И от этой мысли у него перехватывало дыхание.

— Меня тревожит то, что мы натворили, — говорит Лоулер.
Похоже, все избитые истины вдруг оказываются правдой.
Остаётся надеяться лишь на одно:
что прошлое всё-таки не окажется прологом к будущему.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Прошлое — пролог к будущему?

В XIV веке один акт биологической войны обернулся пандемией, уничтожившей от трети до половины населения Европы.

В книге *The Great Mortality* историк Джон Келли рассказывает, как это происходило. Его повествование о Чёрной смерти доносится из мрака Средневековья как кошмарное предостережение о том, что может случиться, если в XXI веке в мир будет выпущено биологическое оружие.

Покинутые города.

Дороги, забытые обезумевшими от страха беженцами.

Одичавшие дети — сироты, оставшиеся одни и рыщущие в поисках еды.

«С наступлением темноты свиньи собирались у местных кладбищ и до рассвета рылись в рыхлой, влажной земле, набитой трупами; а утром, насытившиеся, сонные, облепленные кладбищенской грязью, возвращались домой», — вспоминал позднее один из переживших чуму.

Другие свидетели той эпохи писали, что Чёрная смерть разрушала в человеке саму человечность — словно чума заражала не только тело, но и душу.

«Люди, запятнанные грехом, содрогаются от горя. Чума убивает и людей, и зверей», — писал неизвестный английский поэт.

«Люди бесчеловечно сторонятся друг друга, — отмечал венецианский придворный учёный Димитрий Кидонис. — Отцы не осмеливаются хоронить собственных сыновей».

«Каждый, кто ещё здоров, заботится только о себе», — сетовал фламандский священнослужитель Луи Хейлиген.

Пока цивилизация рушилась, один итальянский аристократ, держа в руке перо, задавался вопросом: не наблюдает ли он «конец человеческого рода».

Смерть была повсюду.

На суше собаки бродили по улицам и пожирали мёртвых.

На море в гавани входили корабли, на которых экипажи превратились в скелеты.

Города были опустошены.

«Трупы, уложенные слоями, словно лазанья, заполняли городские чумные ямы».

Кладбищ, где ещё можно было бы хоронить умерших, уже не осталось.

Для одного сборщика налогов из Сиены всё было ясно:

«Это конец света».

Один за другим города по всей Европе один за другим падали перед чумой.

В Норвегии в 1350 году один из выживших писал:

«Люди не жили больше одного-двух дней... Потом они начинали рвать кровью».

Остановить бедствие было невозможно.

И по Европе разносилось предостережение из средневековой немецкой рукописи:

«Уезжай быстро. Уезжай далеко. И не спеши возвращаться».

Казалось, выживание зависит от случайности — от обстоятельств и судьбы.

Священники перестали принимать исповедь.

Церкви запирали двери.

Центры власти распадались.

Сильные становились слабыми.

Все, кто мог, бежали.

Даже Рим превратился в город-призрак.

«Великая столица Античности съжилась до жалкой развалины, — пишет Келли. — Это был город зданий без стен, арок без крыш, пьедесталов без статуй, фонтанов без воды, колонн без арок и лестниц, ведущих из ниоткуда в никуда».

Всё, что прежде казалось огромным и незыблемым, рассыпалось в руины.

А потом, по причинам, которых историки до сих пор до конца не понимают, чума закончилась.

Человечество восстановилось.

Сможет ли оно восстановиться и после этой?

И если сможет — каким станет общество, которое возникнет после неё?

■

Вдали от Национального столичного региона — местонахождение не разглашается

Человек в военном защитном противогазе проходит мимо открытого окна.

Президент находится в последнем, засекреченном месте. В бункере. Один.

Он не в Рейвен-Роке. Не на Маунт-Уэзер. Не на объекте в Денвере. Он где-то в совершенно неприметном месте. На нём противогаз.

«Нам нужно спрятать его у всех на виду», — говорит Крейг Фьюгейт о том, где будет находиться президент, если План деволуции когда-нибудь приведут в действие. «Я не могу раскрывать подробности» о том, где именно он будет находиться, добавляет Фьюгейт. Можно сказать лишь одно: место это будет самым заурядным. Не совсем «под магазином грампластинок» где-нибудь в пригороде, но, образно говоря, не так уж далеко от этого.

Где-то, что ничем не бросается в глаза. В незаметном месте, вдали от крупных населённых центров вроде Вашингтона.

Президент живёт на этом объекте один. Без семьи. Без друзей. Без советников. Группа Секретной службы и военный помощник с «ядерным чемоданчиком» постоянно находятся сразу за дверью. Президент словно особо ценный заключённый, имеющий доступ к JWICS, SIPRNet и видеосвязи.

Только полная изоляция позволяет гарантировать, что президент не заразится лёгочной чумой. Он останется здесь до тех пор, пока эпидемия не исчерпает себя. Пока чума не пройдёт по всем людям и не исчезнет — как это произошло в конце Чёрной смерти.

Скоро он снова включит интернет.

И через него обратится к стране.

Он садится за маленький стол, чтобы написать речь.

Он целую вечность не держал в руках ручку. Чернила ложатся на бумагу, и это неожиданно приятно. Рука не дрожит. Он от руки записывает всё, что хочет сказать.

Закончив, он читает текст вслух.

Патоген, охвативший страну, был генетически модифицирован.

Он создан по образцу советской программы биологического оружия. Это так называемое двухступенчатое химерное оружие.

Президент объясняет, что химера — мифическое чудовище древнего мира.

И одновременно — биологическое оружие, созданное методами генной инженерии.

Это дьявольское оружие, специально разработанное для того, чтобы уничтожить доверие к медицине. Если после заражения вы начнёте принимать антибиотики, вы умрёте.

Вот, можете сами увидеть. Вот так.

Президент подносит мобильный телефон к камере, показывая тем, кто, возможно, его смотрит, видеозапись мышей из USAMRIID.

Они дрожат.

Бьются в судорогах.

Ходят кругами.

Падают, парализованные.

А затем умирают.

Я нахожусь в засекреченном месте. До возможного заражения я принял высокую дозу нескольких антибиотиков — технически это называется «доконтактной профилактикой», — поэтому со мной всё в порядке. Стране нужен главнокомандующий. Это я. Я жив. Я ваш президент. И я говорю вам правду.

В комнате с ним никого нет.

Ему хотелось бы, чтобы рядом был кто-нибудь, кто мог бы его утешить.

Быть одному совсем не весело. Я даже не знаю, лучше ли это, чем умереть.

Президент вздыхает. Он уже не помнит, когда в последний раз говорил настолько откровенно. Наверное, лет двадцать назад, когда был молодым губернатором и мечтал когда-нибудь стать президентом. С тех пор почти всё, что он говорил, было фальшью. Всё по сценарию. Всё ради правильной картинки, правильного послания — но не о том, что его действительно волновало. Он почти забыл, во что вообще верит.

Президент отступает от текста и начинает говорить о том, над чем размышлял в последнее время. О вопросах, которые поднимал антрополог Кит Ф. Оттербейн, написавший несколько книг о возможном происхождении войны. В одной из них, *How War Began* («Как возникла война»), рассматривается теория «обезьяны-убийцы».

«Теория обезьяны-убийцы рассматривает человечество как прямого потомка обезьяны, обладавшей острыми клыками и охотившейся на животных, в том числе на других обезьян», — пишет Оттербейн. «Для сторонников этой теории агрессия врождённа». Они настаивают на том, что «агрессивность по отношению к другим живым существам заложена в генах».

Сторонники теории обезьяны-убийцы считают, что война заложена в самой природе человека. Что она генетически предопределена. Что людям необходимо воевать так же, как им необходимо спать, дышать и есть.

Другая школа придерживается противоположной точки зрения: война — продукт культуры и обстоятельств. Человек по своей природе существо общественное, а не насильственное. Война возникает лишь при определённых экологических, экономических или социальных условиях, в том числе из-за борьбы за ресурсы. Именно к такому выводу, насколько президент понимает его книги, склоняется Оттербейн.

Президент рассказывает тем, кто его слушает, историю, которую, как ему помнится, Оттербейн приводил, вспоминая свою молодость и 1960-е годы.

Группа антропологов отправилась жить среди племён охотников-собирателей в Новой Гвинее. Племян, которые временами жили в мире, а временами воевали.

Один из антропологов, наблюдавших за племенами, заметил две совершенно разные и, казалось бы, противоречащие друг другу ситуации. Два охотника из разных племён отправлялись в лес,

каждый охотился на дикого кабана, а затем оба случайно оказывались на одной и той же удалённой тропе.

То, что происходило дальше, невозможно было предсказать, однако события словно распадались на две совершенно разные модели.

В одних случаях один охотник мгновенно убивал другого — словно повинуюсь инстинкту, — чтобы затем убить кабана и забрать всю добычу себе.

В других случаях, встретившись на лесной тропе, два охотника из разных племён так же быстро — будто тоже инстинктивно — договаривались действовать вместе. Теперь их общей целью становилось убить кабана сообща и разделить добычу.

Антрополог хотел понять, что здесь происходит.

Почему одни охотники убивают, а другие стремятся сотрудничать?

Переводчик, говоривший на языке племени, объяснил антропологу, что поступок охотника — одного из тех самых охотников-собирателей — зависит от его внутреннего настроя. Одни охотники подозрительны и во всём видят угрозу, другие прежде всего доверяют.

Это природа или воспитание? — спросил антрополог переводчика.

На что тот, как рассказывают, ответил, что понятия не имеет, что значит «природа или воспитание».

Рассказывая эту историю, президент пытается провести параллель.

В 1980-е годы русские начали эту чудовищную программу биологического оружия, потому что были охвачены паранойей: им казалось, что американцы стремятся разрушить Советский Союз.

Русские хотели сделать параноиками и американцев.

Они хотели, чтобы все американцы утратили доверие к своему правительству — так же, как сами они утратили доверие к своему.

Советское Политбюро превратилось в сборище лживых, коррумпированных, тиранических воров. Именно об этом предупреждал Оруэлл в «*Скотном дворе*».

Президент наклоняется ближе к камере.

Не дайте им победить.

Он завершает запись и загружает видео в интернет. Он не знает, увидит ли его хоть кто-нибудь. Он даже не знает, существует ли ещё интернет — или советники просто говорят ему, что он существует, чтобы он сам не впал в паранойю и не сошёл с ума.

Он включает плейлист на своём iPhone.

Звучит песня **Destroyer** с альбома *Give the People What They Want* британской рок-группы The Kinks.

По причинам, которые до сих пор остаются для него загадкой, это была первая песня, услышав которую он поверил, что способен сделать в своей жизни нечто по-настоящему значимое.

Песня вышла в 1981 году.

Ему тогда было шестнадцать.

Он думает: музыка заставляет доверять. Просто заставляет.

Природа это или воспитание? — размышляет он.

Никто не знает.

Теперь ему за шестьдесят.

Он — президент Соединённых Штатов.

Мир там, снаружи, умирает. А может быть, уже мёртв.

Он один, в маленьком бункере, в противогазе.

Он снова нажимает «Play».

И начинает петь вслух, перевирая слова:

Паранойя тебя погубит. Паранойя тебя погубит.

Военнослужащий рядом со средним тактическим автомобилем, предназначенным для эксплуатации в условиях биологической или ядерной войны.

ЭПИЛОГ

БИОЛОГИЧЕСКИЕ СУМЕРКИ

Проходят годы. Мир погружается в новый кошмар.

В биологические сумерки.

Он безмолвен и заражён. И в нём почти не осталось женщин.

В отличие от ядерной зимы, где царят холод и тьма, биологическая война оставляет после себя мир тусклый, медленно угасающий. Все гадают, погаснет ли человечество окончательно. Живым остаётся лишь ждать, какой день окажется последним. Мёртвых давно сожгли на огромных погребальных кострах — или их растерзали собаки, свиньи и крысы.

Одни обратились в пепел, другие — в прах.

До начала чумы правительство США выдало военнослужащим 1,7 миллиона противогазов. Поэтому выжили в основном солдаты, лётчики, морские пехотинцы и бойцы Национальной гвардии.

В основном мужчины.

Женщины составляют примерно 17 процентов американских вооружённых сил.

Никто не знает, сколько ещё людям придётся носить противогазы. Никто не знает, сколько ещё *Yersinia pestis* будет оставаться в воздухе, в земле, в телах умерших.

Объективной науки больше не существует.

По всей Америке и во всём мире полицейские и сотрудники экстренных служб оказались среди первых погибших. За ними пришла очередь матерей и тех, кто ухаживал за другими.

Чума не щадит самоотверженных.

Сочувствие превратилось в уязвимость.

Поле нравственного выбора сузилось до крохотной щели.

Выжили не самые приспособленные, а те, кто отказался снимать противогаз.

Люди, обладавшие дисциплиной никогда не снимать респиратор — даже во сне.

Люди, готовые жить в одиночестве и оставаться одни.

Люди, готовые убивать издалека, ещё до того, как станет известно, заражён человек или нет.

Именно такие люди будут заново заселять мир после применения биологического оружия в крупном масштабе.

Макиавеллисты. Солипсисты. Психопаты.

Не слишком обнадеживающее основание для будущей цивилизации.

Скорее — новый мир, рождённый из паранойи и страха.

Американский пейзаж теперь напоминает Афганистан примерно 2012 года, после того как вооружённые силы США находились там уже более десяти лет. В центрах городов по всей стране стоят крупные укрепленные военные базы, а сельскую местность усеяли небольшие боевые посты и передовые оперативные базы.

Вооружённые, измотанные солдаты постоянно патрулируют деревни.

Так они остаются в живых.

Сытыми.

С водой.

С оружием.

Пока не произойдут радикальные перемены, Америка останется оккупационной зоной.

Время относительно.

Соединённые Штаты занимали Афганистан более двадцати лет.

Россия тоже пережила событие, едва не приведшее к её полному исчезновению.

Пока институт «Вектор» активно разрабатывал биологическое оружие, российское правительство оказалось недостаточно подготовлено к утечке из собственной лаборатории уровня BSL-4.

Экспериментальная российская вакцина против чумы — предназначенная на случай будущей биологической войны — всё ещё находилась на стадии испытаний на нечеловекообразных приматах, когда произошла утечка из лаборатории BSL-4.

Учёный «Вектора» попытался уничтожить то, над чем работал, но вместо этого вызвал взрыв, с которого и начался весь этот сценарий.

Непроверенную российскую вакцину LPV слишком поспешно пустили в массовое применение.

Её преждевременное использование привело к чудовищным непредвиденным последствиям.

Подобно талидомиду — препарату, созданному после войны бывшими нацистскими учёными, работавшими на немецкую фармацевтическую компанию Chemie Grünenthal GmbH, — российская вакцина против чумы вызвала врождённые пороки у целого поколения, но уже в масштабах всей страны.

Охваченные ужасом, российские женщины больше не хотят рожать.

Уже больше года на всей территории, когда-то называвшейся Российской Федерацией, не родилось ни одного здорового ребёнка.

Что посеешь, то и пожнёшь, — шепчут в уцелевших уголках мира.

■

Человек — существо парадоксальное.

Он наделён невероятной способностью воображать и творить.

И столь же часто оказывается неспособен остановиться.

Если сценарий биологической войны, подобный этому, когда-нибудь станет реальностью, это будет означать, что тот же самый разум, который нанёс на карту космос, посадил аппараты на планетах за сотни миллионов километров и исследовал галактики, находящиеся в миллиардах световых лет, оказался неспособен защитить собственную биосферу.

Та же самая лаборатория, которая создала генетически модифицированные патогены, оказалась неспособна удержать в своих стенах один-единственный одноклеточный организм, когда тот вырвался наружу.

Высвобождение генетически модифицированного биологического оружия — даже случайное — вполне может стать последним поражением человеческого воображения.

Биологическое оружие превращает живых в чудовищ, а мёртвых — в останки.

